

7201

P17

С. РАЗГОНОВ

В. И. БАЖЕНОВ

С. РАЗГОНОВ

Василий Иванович БАЖЕНОВ

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1985

ББК 85.113(2)1
Р 17

Рецензенты:
заслуженный работник культуры РСФСР
В. И. СТУПИН
кандидат искусствоведения
М. М. АЛЛЕНОВ

Р $\frac{4902010000-131}{025(01)-85}$ 57-85

© Издательство «Искусство», 1985 г.

Мы привыкли рядом с именем Василия Ивановича Баженова смело ставить эпитет — великий, хотя архитектурное наследие Баженова, если оценивать его лишь по построенным зданиям, не столь уж велико и обширно. Правда, среди них такой шедевр, как дом Пашкова в Москве.

Скажем уверенно: величие Баженова не только в том, что он успел построить, но и в тех проектах и идеях, которым не суждено было совершиться, которые не воплотились в камне. Разве созданный зодчим проект Кремлевского дворца не есть творение великого мастера? Разве дворец этот не вошел в историю отечественной культуры как одно из великих достижений архитектурной мысли, не стал уроком мастерства и творческой смелости для многих поколений русских зодчих?

Да, судьба Василия Баженова трагична: оба его грандиозных замысла — Кремлевский дворец и ансамбль в Царицыне — не только не осуществились, но были преданы высочайшей анафеме. Злым гением для архитектора стала Екатерина II, по приказу которой прекратилось строительство дворца в Кремле и были разрушены царицынские постройки. Двадцать лет жизни отдал им Баженов...

Многое из того, что построил архитектор, подверглось впоследствии переделкам, дошло до нас в искаженном виде. И это тоже сказалось на позднейших оценках баженовского наследия. К тому же, поныне оспаривается принадлежность части построек архитектору.

Все это создало вокруг его имени атмосферу противоречивых мнений: одни специалисты некритически приписывали архитектору то, что он, может быть, и не строил, другие, напротив, пытались обеднить его наследие. Многие гипотезы, однако, трудно доказуемы из-за бедности или полного отсутствия документальных свидетельств. Прибавим к этому, что некоторые факты биографии Василия Баженова до сих пор вызывают споры. Так, доподлинно не известно, в каком именно году — 1737 или 1738-м — он родился. Не установлено также, где находилось село Глазово, в котором Баженов, по его завещанию, был похоронен.

Естественно поэтому, что перед каждым автором, пишущим о жизни и творчестве великого архитектора, неизбежно встает вопрос, какой точки зрения придерживаться в той или иной спорной ситуации, — идет ли речь о строительной деятельности мастера или событиях его личной жизни. Избрав для рассказа о В. И. Баженове жанр документальной повести, я счел возможным опустить сушащие разногласия, вероятно, говорить о них — задача научной монографии, область профессиональных интере-

сов историка архитектуры. Моей же целью было показать драматизм судьбы Баженова, раскрыть перед современным читателем его человеческие черты, показать все многообразие творческой личности зодчего, художника, градостроителя, теоретика архитектуры. И сколь бы ни сложны и противоречивы были факты его биографии, сколь бы долго ни спорили о них ученые, жизнь Василия Баженова остается для нас примером великого творческого подвига, примером бескомпромиссного служения искусству. По словам А. В. Щусева, он «сумел вдохнуть в русскую архитектуру необычайную смелость, волю к великим творческим дерзаниям».

Можно надеяться, что многие баженовские загадки перестанут существовать в будущем, когда специалисты найдут новые документы о жизни архитектора. Пока же обратимся к тому, что точно знаем сегодня, и к тому, о чем можно догадаться, что можно вообразить, не отступая от исторической истины,— благо, избранная форма повествования дает нам такую возможность.

*Истинно добрый архитектор
есть редкий на свете человек.*

В. Баженов

ПРИЗВАНИЕ

В троицын день 1737 года в Москве случился пожар. Начался он у Колымажного двора в доме Александра Милославского. Начался яростно, люто — дом в полчаса сгорел. День был ветреный и сухой — самый конец мая, — пламя быстро перекинулось к Боровицкому мосту, огненной дугой повисло над рекой, достигло дворца царевны Екатерины Ивановны, потом огонь метнулся в Кремль, по деревянным пристройкам, как по осадной лестнице, вскарабкался на каменные стены, с гулом полетел по кремлевским площадям и закоулкам, по монастырям, подворьям, дворцам, казенным зданиям.

Ударили тревогу колокола, но было поздно — пожар шел напористо и грозно. Монахи, нищие, солдаты-инвалиды бросились к открытым воротам. Огонь охватил магазинный и конюшенный дворы, загорелись коллегии и другие присутственные места. К счастью, чиновный люд по случаю троицы сидел по домам. Пожар час от часу становился ожесточеннее. Соборы, Грановитая и Оружейная палаты, монастыри, набережные сады с оранжереями — едва ли не все кремлевские строения были охвачены огнем. С Ивана Великого упали колокола, треснул и Царь-колокол, висевший под шатром рядом с колокольней.

Кремлевские стены не могли сдержать стихию: огонь навалился на Китай-город, спалил Спасский и Никольский мосты, гостиные ряды, аптеку у Воскресенских ворот, Сысной и Сибирский приказ с его каменными амбарами. Не остановили пожара ни стены Белого города, ни даже отдаленный от Кремля Земляной вал, огненная река разлилась по Покровке, Сретенке, Мясницкой, хлынула вниз по Басманной, мимо Елохова, достигла Немецкой слободы. Сгорел почти весь город, кроме Замоскворечья, погибли богатейшие памятники зодчества, сотни икон по церквям и соборам, огонь истребил фрески, драгоценную утварь. Видала Москва пожары, но такого, как троицкий, не помнили даже старожилы. Черный дым несколько дней стоял над древней столицей, долго свежий ветер носил пепел по выгоревшим улицам. Уж и так Москва в последние годы — с тех пор как Петр основал новую столицу, хирела и пустела, и вот — повое несчастье...

Баженковы переехали в Москву вскоре после пожара. Отец — Иван Федорович стал служить причетником в приделе Верхо-спасского собора — Спаса за золотой решеткой в Кремле.

Много лет спустя Василий Баженов сделал набросок своей семьи, который назвал «Мысли В. И. Баженова, данные живо-

писцу Некрасову для сочинения семейной картины». Картина должна была выражать аллегория в духе времени: жена архитектора Аграфена Лукинична «приемлет всю родню своего мужа под свое покровительство».

На рисунке — братья Василия Ивановича, сестра, племянник, отец с матерью. Над ними, словно добрый ангел, царит Аграфена Лукинична. У отца — короткая стриженная борода, длинные вьющиеся волосы, он ласково положил руку на плечо матери. Таким ли добрым и заботливым был на самом деле бедный причетник, неизвестно, во всяком случае сын хотел его видеть таким.

Детство Василия Баженова прошло в обветшавшем Кремле, еще хранившем следы недоброй памяти троницкого пожара. Стены многих зданий треснули от огня, некоторые башни стояли без шатров, а дворцы и казенные здания — без кровель. Запустение было во всем. Всюду некошенная трава, оплывали окружавшие Кремль рвы, разваливались бастионы. Да и по всей Москве не один год еще стояли невозобновленные после пожара дома, зарастали лебедой пустыри. Но жизнь брала свое, и на пепелище потянулись люди, начали обстраиваться, жить по заведенному укладу.

Мальчишкой Василий Баженов облазил все кремлевские стены и башни. Дело это было небезопасное, так как пожар уничтожил деревянные переходы, лестницы, перила. И не дай бог, если отец увидит, как он карабкается по выцербленной кирпичной кладке. Любил Василий бродить за стенами Кремля, в рядах. А каких только рядов не было: овощной, суконный, серебряный, колокольный, шапошный, сапожный, кружевной, шпажной, скорняжный, мыльный, армянский, венецийский, горшечный, соляной, свечной, иконный, коробейный, рыбный, калашный, пирожный, хмельной... Чем только не торговали здесь: семгой и заморскими камнями, пудовыми свечами и итальянскими зеркалами, французскими винами и пирожками с луком, капустой, рыбой, пышными калачами, сибирскими соболями, устюжскими черными табакерками, вологодскими кружевами, архангельской резной костью, сапогами на любой вкус и картузами, восточными шелками и демидовской скобянкой, глиняными горшками и китайским фарфором. Было чему удивляться, было на что смотреть, воображая, что перед тобой все чудеса и дары земли, товары со всей России, из далеких, неведомых стран. Здесь рядом с ремесленными поделками мальчик видел настоящие произведения искусства, здесь открывался ему в своей многоликости рукотворный мир, созданный безвестными кузнецами, богомазами, столярами, резчиками, литейщиками.

С детских лет Василий Баженов почувствовал свое призвание. Он без учителей и наставников пытался рисовать, выразить

свою радость перед жизнью в рисунке, в сложенном из камней игрушечном дворце. Да и нужны ли были ему в ту пору учителя, если каждый день перед его глазами стояли Успенский и Архангельский соборы, Иван Великий, древний Теремной дворец...

Учила его великая архитектура старой допетровской Руси, внушала безотчетную, не осознанную еще любовь к зодческому искусству. И, может быть, в юные годы приходили уже к нему честолюбивые мечты — украсить Кремль своими трудами, вернуть державный блеск Москве.

В «Автобиографии» Василий Баженов пишет о раннем своем влечении к творчеству. И даже торжественно спокойный стиль этого сочинения не в силах скрыть романтической окрыленности юноши: «Я отважусь здесь упомянуть, что я родился уже художник. Отец мой, бедный человек, не имел понятия о сродности (склонности. — *С. Р.*) моей, а хотя и примечал во мне, только у него денег не было отдать меня куда-нибудь учиться, но я, как уже стал приходить в смысл, тогда видел близ церкви, где я с отцом моим жил, делали подле оной (церкви. — *С. Р.*) надгробную позиту (плиту. — *С. Р.*), где от ломки камня оставшие[ся] лежали, из коих по несколько я перетаскав к себе, сделав гвозди наподобие долот, и ими вырезывал личины. Рисовать я учился на песке, на бумаге, на стенах и на всяком таком месте, где я находил за способ, и так я продолжался лет до десяти. Между прочим, по зимам из снега делывал палаты и статуи...»

Он подбирает осколки гранитной плиты и самодельными резцами превращает их в «личинки»... Увидел колокольню Новодевичьего монастыря — она очень понравилась ему — и тут же, на песке, спешит нарисовать ее: ярус за ярусом, к ликующей и праздничной главе. Бегал смотреть на Меншикову башню — здание новейшей архитектуры — и чувствовал, что непохожа она на старинные кремлевские постройки. И ее он нарисовал, показал рисунок отцу, тот удивился способностям сына, но все-таки решил, что дело это пустое. Достаточно и того, что знает грамоту, сам прочитал скрижаль — других книг в доме не водилось.

Определено было Василию идти по отцовским стопам — в дьячки. Едва исполнилось ему десять лет, Иван Федорович объявил, чтоб собирался в Страстной монастырь: тамошний игумен согласился взять мальчика исправлять церковное чтение. Как пишет сам Баженов, к этому делу «ни малейшей охоты у меня не бывало, однако повиновался родителю в его воле».

Жил он при монастыре, лишь изредка отлучаясь домой, хоть и недалеко было от Страстного до Кремля. Иногда навещался отец — узнать, хорошего ли Василий поведения, справляется ли со службой. Игумен отнюдь не был восхищен отроком Василием,

судил его за рассеянность: «У него не псалтырь на уме. О другом помышляет».

— О чем же ты помышляешь? — допытывался у сына отец, выслушав недовольного настоятеля. — Это ведь монастырь, о рисовании — по бедности нашей — забудь.

Мальчик смиренно слушал, согласно кивал головой, но о рисовании забыть не мог. Все ему чудилось, что святых, о которых басом вещал диакон во время ектении, он, Василий Баженов, пишет в грандиозных фресках на стенах, под сводами храма, на переходах, в трапезной. Придет его минута читать, а он весь погружен в свои выдуманные фрески, с текста сбивается, а это значит, что после службы будут опять — в который уж раз! — сечь вымоченной лозой. Видно, крепко запомнились эти монастырские уроки Василию Баженову, если через много лет в своей «Автобиографии» он вспоминал: «...секли часто».

Но любовь к искусству, тяга к живописному ремеслу оказалась сильнее страха наказания. К художникам было у юноши особое отношение, хоть и не довелось ему в ту пору видеть настоящих мастеров. Жил в монастырском приходе один живописец, с ним и познакомился пятнадцатилетний Баженов. Живописец был плохенький, не многому мог он научить одаренного юношу, но все-таки кое-каким ремесленным премудростям обучил: как краски готовить, какие масла употреблять, как холст натягивать на подрамник или подготовить доску для письма. Бежал Василий к этому живописцу из монастыря тайком, урывками и скоро почувствовал, что превзошел своего учителя и пользы от его учения более не будет. «Уже будучи в пятнадцати годах, я нашел живописца, который Христа ради меня взял к себе, и в ту пору еще я его был уже лучше. Он писывал вместо правой руки или ноги левую...».

Учитель и сам видел, что ученик превзошел его, поручал ему делать заказные портреты мелких обнищавших дворян, «господ кутуческого звания». Господа платили гроши, но все-таки доходы эти были ощутимее монастырских.

— Видно, тебе на роду, Василий, написано быть живописцем, — сказал однажды отец. — Не хочу тебя больше неволить: ступай из монастыря.

С учителем своим Василий Баженов стал ходить по живописным артелям, то к одной пристанут, то к другой. Осенью 1753 года случился в Москве большой пожар — сгорел Головинский дворец, резиденция Елизаветы. Через три дня после пожара был напечатан указ о спешном возобновлении дворца. С постройкой крайне торопились, поэтому охотно принимали всех мастеровых людей: плотников, каменщиков, столяров, резчиков, маляров. Так и Василий Баженов попал на строительство Головинского двор-

ца. Приписали его к живописной артели и дело ему поручили вполне серьезное, требующее навыка и умения: «по печам мрамор метать» — расписывать под мрамор печи. Платили немалые деньги как живописцу второго класса: по 60 копеек в день. Стало быть, к тому времени Баженев преуспел в живописи, если в императорском дворце ему доверено было расписывать печи. Об этой поре своей юности Василий Иванович говорил: «...я стал учиться живописному (делу. — С. Р.) у лучших мастеров и был в команде архитектора Ухтомского». Лучшей школы быть не могло: князь Дмитрий Васильевич Ухтомский по праву считался лучшим из московских архитекторов, да и человек он был доброжелательный, внимательный к талантливым самородкам, будь они хоть из крепостных. Василий Баженев ему сразу пришелся по душе, понравился серьезностью, жадностью к работе, стремлением учиться искусству у опытных художников, работавших под руководством Ухтомского на строительстве Красных ворот и Головинского дворца: Ивана Одольского, Ивана Вишнякова, Петра Красовского, Степана Иванова, Матвея Сергеева. Это и были те «лучшие мастера», о которых потом с благодарностью вспоминал Баженев. Учился он у них рисунку, технике живописной, монументальной росписи. Приглядывался Баженев и к мастерам резьбы, столярничал понемногу, учился плотницкой и каменной работе.

Днем и ночью кипела стройка. Звон сотен топоров, визг пил стоял над Яузой, работа шла артельная, азартная — только успевай поворачиваться. Шесть тысяч человек было в деле, из них половина — плотники. Кашевары дымили котлами, в ноябрьской долгой ночи горели, потрескивая, смоляные факелы. Красивая, веселая работа — строить! Размах и ощущение чуда: как на пустом месте, на пожарище поднимаются, растут не по дням, а по часам стены дворца, как одевает их праздничная резьба.

Как ни был увлечен Василий Баженев живописью, все больше возрастал его интерес к строительному искусству. Возможно, на строительстве Головинского дворца Василий Баженев впервые ясно почувствовал влечение к архитектуре, здесь проснулось в нем призвание, ставшее без остатка делом, смыслом, счастьем его жизни.

Несколько раз на стройке Баженев видел уже тогда знаменитого обер-архитектора Растрелли. Головинский дворец возобновлялся по его проекту. Говорили, что и в Петербурге он скоро начинает строительство огромного императорского дворца — Зимнего.

Растрелли, сверх головы занятый делами в северной столице, не мог вести строительство в Москве. Оно было поручено А. Евлашеву и Д. Ухтомскому.

Закладка состоялась уже через неделю после пожара. Архитекторам велено было «строение тех покоев разделить по дистанциям»: Евлашеву поручались жилые покои, Ухтомскому — зал и парадные комнаты. С Дмитрием Васильевичем Ухтомским, опытным и талантливым мастером, работала целая группа помощников, его архитектурская команда: гезели, ученики, сто двадцать резчиков. Среди учеников был юный Матвей Казаков, ровесник Василия Баженова. На стройке Головинского дворца они познакомились, понравились друг другу, сошлись. Казакову Ухтомский уже доверял чистовые чертежи, так как он прекрасно владел карандашом и акварелью.

Тогда ни Баженов, ни Казаков не могли знать, что жизнь нераздельно свяжет их одним делом, что каждому из них суждена слава и бессмертие.

Строительство Головинского дворца шло с невиданной быстротой. Уже в начале декабря почти готов был великолепный парадный зал. Когда ставили стропила, прибыл Растрелли и вместе с Евлашевым и Ухтомским следил за их установкой, чтобы кровля была надежная, прочная, «без всякой опасности», — ведь через несколько дней здесь уже предполагался бал в честь предстоящего дня рождения императрицы.

Много работы было и живописцам. Спали всего по три-четыре часа в сутки, по домам не расходились. Но дело сделали вовремя — к 18 декабря, когда в канун зимнего Николы, в день своего рождения, во дворец явилась Елизавета. Бал гремел до утра. Рабочие во дворе пили водку «во здравие». Василий Баженов и Матвей Казаков впервые за месяц отправились домой — им было по пути, Казаков жил в ту пору недалеко от Кремля.

— Поступай к нам в команду, Василий, — сказал на прощание Казаков. — Дмитрий Васильевич тебя с охотой примет. Через год-два станешь сержантом архитектуры — мне уж обещанс...

— Не могу я в ученики идти, — ответил Баженов. — Отцу помогать надо, а в учениках так-то не пожалуют. — Он достал кошелек с заработком, весело подбросил его.

— Спрячь да не показывай, а то здесь, у Кремля, столько разбойных людей... Все же в школу к нам загляни, рядом ведь — в Охотном ряду...

Они попрощались.

Архитектурная школа Дмитрия Ухтомского была первой в России, существовала уже двадцать лет. Мастер воспитывал здесь тех, кто обстраивал оскудевшую после пожара 1737 года Москву, кто строил в Твери, Казани, Пскове, Нижнем Новгороде, Смоленске. Школа помещалась в казенном здании близ Охотного ряда. В ее стенах учились Александр Кокоринов и Матвей Казаков. Наведывался в школу и Василий Баженов, хотя в учениках

и не состоял: посещал занятия, читал, рассматривал увражи, сам пробовал рисовать перспективы.

Ухтомский заметил юношу и отнесся к нему благожелательно. Но постоянно посещать занятия у Василия времени не было: отделочные работы в Головинском дворце продолжались еще долго, хоть дворец и считался построенным.

После окончания стройки Баженов все же решил пойти учиться в школу Ухтомского, но неожиданно ему пришлось принять участие в завершении грандиозного творения, созданного резчиком по дереву Шумаевым, про которое в Москве много в ту пору говорили.

Григорий Семенович Шумаев был личностью своеобразной и незаурядной. С юных лет увлекался деревянной резьбой. И почти всю жизнь отдал работе над огромной резной панорамой, называемой «Голгофа». Прожил он девяносто лет, лишь немного не довершив подвижнического труда. А начал свою работу еще при юном Петре — на стыке двух веков.

В огромном деревянном киоте высотой, по старым русским мерам, 10 аршин 14 вершков, то есть около восьми метров, шириной более четырех и глубиной чуть больше метра Шумаев задумал изобразить главные сюжеты Евангелия, Деяний Апостолов и Апокалипсиса. В центре композиции — распятие с предстоящими богородицею и Иоанном Богословом, вырезанными почти в человеческий рост. Справа и слева от них — два ангела. Крест воздвигнут на фоне множества резных и разукрашенных строений, словно смотришь на город с большой высоты: кровли, отлитые из стекла с оловянными крестами купола, колокольни. В этой архитектуре было много московского. Между зданиями и боковыми стенками киота — картины ада с чертями и грешниками, которые испытывают все виды мучений, положенные за неправедную жизнь. По углам киота — торжественные фигуры евангелистов. Виднеются купы деревьев, усеянных богатыми плодами, святые и херувимы — фантастический мир Апокалипсиса, подкрасанный религиозным воображением. Свою резьбу Шумаев щедро украсил роскошной позолотой, вставками из цветного стекла, хрусталя, зеркал, металла. Слухи об этом чуде разлетелись по Москве. Говорили разное: кто о невиданной красоте и роскоши креста, кто о его размерах, кто о его будто бы чудотворной силе. Слышал о шумаевском творении и Баженов; решил вскоре после окончания работы в Головинском дворце идти на Мещанскую к Шумаеву, своими глазами увидеть его.

Весть о распятии дошла наконец и до властей. Резьба никак не поощрялась в России с той поры, как был издан в 1722 году петровский указ, фактически запрещающий резные изображения религиозных сюжетов. Но время прошло, об указе забыли.

В 1754 году в заседании правительствующего сената генерал-прокурор И. Бахметев довел до сведения сенаторов: «В Москве еще издавних лет купцом Шумаевым делается животворящий крест весьма с курioзным украшением, который почти в совершенство приведен. А пыне не безызвестно, что оный купец Шумаев, за древностию лет его, уже забывается, и опасно, что по смерти того Шумаева оный крест утрачен не был и для того не благоволено ль будет означенный крест иметь под особливым Сенатской Конторы смотрением».

Сенаторы единодушно поддержали Бахметева. Тотчас для «особливого смотра» был определен сенатский эзекутор Евлашев, для осмотра произведения пазначили комиссию во главе с генерал-прокурором И. Бахметевым и президентом Берг-коллегии генерал-майором М. Опачиным. В начале зимы комиссия на санях отправилась по Сретенке на Мещанскую.

Резчик никак не ожидал таких высоких визитеров, был польщен вниманием и повел генералов и сенаторов на чердак, где в полутьме поблескивал хрусталем и цветными стеклами огромный киот. Его рамы сверкали свежей недавно положенной позолотой. Комиссия была в восхищении и предложила распятие поскорее закончить и перенести в соборную церковь соседнего Сретенского монастыря, дабы уберечь редкостное произведение «от пожарного случая». «Не дай господи, пожар — его и вынести не можно», — заключил Бахметев. Старик согласился, но просил «для его немущества выдать на пропитание сто рублей».

Генерал-прокурор обещал.

В своем рапорте сенату комиссия отмечала, что Шумаев «оказался летами весь стар и дряхл и не в твердой памяти, ибо он объявляет себе от роду девяносто лет, а в доме его при нем, кроме одного сына и невестки, никого нет, по оный сын к содержанию и к хранению того креста весьма ненадежен». Судя по рапорту, комиссия никак не могла поверить, что Григорию Шумаеву и в самом деле девяносто лет. Да и можно ли в такие лета работать?

Шумаев не успел закончить работу над киотом. Силы покидали его, целыми днями лежал он на печи и пил бесполезные уже травы и декохты, которые варила старику сердобольная невестка. Сын целыми днями пьянствовал, домой не являлся. Так что у сенатской комиссии были все основания торопиться с вывозом распятия. Не надеясь, что Шумаев поднимется и сможет работать, его просили составить список недостающих частей и деталей. С трудом, едва царапая пером по бумаге, мастер — где записал сам, где продиктовал невестке — этот реестр составил. Значилось в нем тридцать три пункта: «Крест со всеми к нему украшениями разобрать и, вычистя, покрыть вновь лаком... Над-

лежит вырезать и перечинить: ...при законодавце Моисее еще прибавить 4 штуки язычников... Правду с весам и притом диаволов... 5 ангелов со страстями... При Эдеме ангела отливного оловянного сделать... На углу у града Иерусалима вырезать башенку... виноградцы вызолотить и расцветить».

Для разборки распятия, завершения резьбы и отливок, переноса в Сретенский монастырь нужно было, по мнению самого мастера, человек десять резчиков и столяров. Сенатская контора приказала главному магистрату немедля, в «самой краткой скорости» искать «столяров и резчиков, имеющих в мастерстве искусство». «А ежели через два дня представлены не будут, то секретарей в том Магистрате держать без выпуску до того времени, пока оные столяры и резчики представлены будут». Несмотря на строгость приказа, резчиков по всей Москве так и не нашли. Работали они, говорят, в тележном ряду, да кончили, а куда подались — неизвестно. Ушли артелью. Решили их заменить столярами, а перепуганных секретарей из магистрата выпустили.

Были уже февраль 1755 года, когда столяры явились в дом к Шумаеву, осмотрели киот и наотрез отказались разбирать его в морозное время: многие детали могут повредиться. Надо ждать весны. К тому же нужны художники или опытные архитекторы, чтобы зарисовать киот во всех подробностях и с полным сходством деталей — иначе его потом не собрать. Вот тогда сенат и обратился к архитектору князю Дмитрию Васильевичу Ухтомскому, чтобы он из своей команды направил к Григорию Шумаеву художника или опытного гезеля — помощника архитектора — сделать опись и помочь в переносе креста в Сретенский монастырь. Дело было ответственное, речь шла о спасении замечательного произведения искусства. Князь послал живописцев Александра Полозова и Василия Баженова. С живописцами послан был и «архитекторских дел копиист» Григорий Полозов для описи всех частей распятия. Баженов был самым молодым из них — ему шел восемнадцатый год. И когда один из членов магистрата высказал опасение, справится ли столь юный еще художник с порученным важным делом, Ухтомский ответил: «В юноше этом не сомневайтесь — талант и опыт имеет немалый».

«А ведь судьба, — думал Баженов, счастливый доверием Ухтомского. — Хотел посмотреть на шумаевский крест — а выпало рисовать его да переносить».

Все-таки, несмотря на рекомендации князя, сенат, желая ускорить события, приказал приставить к столярам и живописцам унтер-офицера с четырьмя солдатами. В дом к Шумаеву, пока идут работы, строжайше велено было никого не допускать, в том числе и беспутного сына старого мастера.

Десять дней не выходил Василий Баженов с чердака, где

стоял знаменитый киот. Лист за листом срисовывал детали неповторимого, единственного в своем роде икопостаса. Юный живописец открывал для себя секреты терпеливого мастерства резчика, все яснее сознавая, что искусство без великой преданности своему делу, без веры в него невозможно. Мало таланта, мало мастерства, пужна еще огромная воля, чтобы подняться к вершинам.

Василий рисовал увлеченно, порой ночь заставляла его за работой.

— Господин художник, уже поздно, идите спать, — слышал он голос невестки Шумаева.

Старый резчик доживал последние часы. Баженов показал ему свои рисунки, и тот слабым рукопожатием благодарил юношу. Он был счастлив: дело его жизни теперь не погибнет — хотя бы в рисунках ему обеспечена долгая память.

Само собой сложилось так, что Василий Баженов руководил всей работой не только по зарисовке, но и по переносу и сборке киота на новом месте. С детства он знал столярное дело, увлекался и резьбой еще в ту пору, когда тесал из надгробной позиты «личинки». Он вникал во всякую мелочь, каждую деталь сам упаковывал в сколоченные по случаю ящики.

В один из первых дней апреля к дому Шумаева подошло несколько упряжек с саями. При толпе ротозеев погрузили на сани киот. «Куда вы крест животворящий?» — спросил унтер-офицера кто-то из толпы, полагая — слух прошел, — будто его приказано сжечь. Слух был не напрасный, потому что тот сенаг уже не раз побуждал синодальную контору осмотреть шумаевский крест, нет ли в нем «неприличности и противности святой церкви». Наконец, игумен Угрешского монастыря Илларион и член консистории священник Иоанн Спасский крест осмотрели и ничего предосудительного не заметили, кроме девяти бесок, по и те «чинены по истории».

Василий Баженов успокоил народ: «Не сжигать везем крест, а ставить его в соборе Сретенского монастыря, за левым клиросом. Через несколько дней приходите». Вместе с Александром Полозовым юноша ехал на первых саях. Впереди на мохнатой лошадишке — унтер. Народ по обеим сторонам Мещанской с любопытством смотрел на процессию. Через полчаса сани въехали во двор Сретенского монастыря. Только что кончилась служба, поэтому не разгружались, ждали, когда толпа разойдется.

Собрали крест быстро — в два дня: помогли безупречно точные рисунки. Начальство из сената, синодальной конторы и магистрата было довольно. Художникам уплатили по десяти рублей, столярам — по два. Получив деньги, Василий Баженов прямо из монастыря по Сретенке отправился к отцу в ~~Кремль~~.

Хорошо, что художником стал, а то век пропадал бы в дьячках. По дороге Василию попались спешащие люди.

— Куда это все? — спросил он встречного мастерового.

— В Сретенский... Чудо там — крест небывалый.

Баженов улыбнулся. Может быть, впервые он ощутил это удивительное чувство — чувство творца, строителя, зодчего.

А народ торопился на Сретенку — от Мясницкой, Басманной, Покровки, с Чистых прудов и Воронцова поля, из Сыромятников и Печатной слободы. Опустели кружала за Сретенскими воротами, фартина и харчевни в Пьяном переулке. Молва о чудесном киоте разнеслась по всем окрестным улицам и слободам.

Каждый день в Сретенский монастырь стекались такие толпы, что московские власти вынуждены были побеспокоиться о порядке. В рапорте правительствующему сенату экзекутор Евлашев докладывал: «А ныне в тот Сретенский монастырь для богомолния, а паче для смотрения того креста во время святой службы всегда приходят множественным числом народа и весьма теснятся, и оттого опасно, чтоб тому кресту повреждения не учинили». По решению сената киот был огражден железной решеткой.

Через несколько дней после переноса креста с Мещанской на Сретенку умер Григорий Семенович Шумаев. Хоронили его без почестей, незаметно. Пришли проститься несколько мастеровых людей и художников, среди них был и Василий Баженов.

В начале лета в Кремле, на Варварском перекрестке, у железного ряда, что у Казанской, у ворот Воскресенских, Варварских, Ильинских, Никольских, Яузских, Покровских появился расклеенный на тумбах указ сената — «во всенародное известие». Призывались мастера, способные завершить «иконную и резную и прочую мелочную работу» на шумаевском кресте. Назначалась цена — четыреста рублей. Однажды утром у Спасских ворот Баженов прочел этот указ и решил было обратиться в сенат, чтобы предложить свои услуги. Но в тот же день призвал его к себе князь Ухтомский. Дмитрий Васильевич объявил:

— При практиках ты состоял довольно. Пора, Василий, учиться наукам и языкам. Открывается в Москве университет, при нем разночинная гимназия. Я уже рекомендовал тебя господину директору Аргамakovу.

II

ПЕРВЫЙ СРЕДИ ПЕРВЫХ

12 января 1755 года императрица Елизавета Петровна подписала указ об учреждении в Москве университета. При нем были открыты и две гимназии — для дворян и для разночищев. Кура-

тором университета Елизавета назначила генерал-адъютанта И. И. Шувалова, мецената, покровителя и друга Ломоносова. Директором университета назначили Алексея Михайловича Аргамакова, человека просвещенного, горячего сторонника ломоносовских идей.

Указ был опубликован тиражом в несколько сот экземпляров и разослан по всем российским губерниям, дабы губернаторы содействовали притоку студентов из дворян в университет. Но дворянство настороженно отнеслось к учрежденному заведению и не спешило отправлять в него своих детей, поэтому первый набор Московского университета почти сплошь состоял из разночинцев.

Однако открытие университета затянулось, так как не было еще готово здание, где он должен был разместиться. На Красной площади, у Куретных (Воскресенских) ворот, там, где теперь высятся Исторический музей, с конца XVII века стояло трехэтажное, с башней посередине здание. До троицкого пожара помещалась в нем Главная аптека. Реконструкцию и переустройство бывшей аптеки под университет сенат поручил команде Д. Ухтомского. Архитектор превратил старые палаты в аудитории, растесал окна «для свету». Были заменены все полы, двери, отремонтированы обветшавшие лестницы, восстановлены утраченные во время пожара лепные украшения, стены заново выкрашены сочным суриком, а колонны, лопатки, карнизы выбелены; вокруг купола восстановлены медные, покрытые позолотой, орнаменты.

Словом, Ухтомский выполнил повеление высочайшего указа — «для учреждающагося вновь в Москве университета дом, состоящий у Куретных ворот ...починкою исправить и в состояние привести». К весне 1755 года дом был окончательно приведен «в состояние». Соседнюю с ним австрию, построенную при Петре, поспешно разобрали — за крайней ненадежностью фундаментов, да и не подобало питейному заведению соседствовать с храмом науки.

Князь Ухтомский в ту пору близко сошелся с Аргамаковым, знал об его хлопотах по поводу предстоящего набора студентов. Вот тогда-то и просил он директора университета принять Василия Баженова в университетскую гимназию. Баженова зачислили в старший класс. 26 апреля, в день годовщины коронации императрицы Елизаветы Петровны — Шувалов был опытным царедворцем, — состоялось торжественное открытие Московского университета. День был солнечный, теплый. Громко били литавры, и народ, привлеченный музыкой, валом валил из торговых рядов. Слова такого — «университет» — никто не слыхивал и смысла его не понимал, но посмотреть было интересно.

На фасаде университета — щит с изображением Минервы, к ней направляется мальчик с книгой в руках, на которой по-гречески написано: «ἡτήρια εἰς αἰῶν» — «Приобретение навеки». На небольшой площади перед входом хлопочет Алексей Михайлович Аргамаков с ассессорами канцелярии, рядом — ученики Ломоносова: Николай Поповский и Антон Барсов, первые русские профессора университета. Они встречают студентов.

Наконец все собрались в зале: начинаются речи — на русском, латинском, французском и немецком языках. Первым говорит Барсов — о роли просвещения в России, о том, что русские, как то доказал его учитель Ломоносов, могут превзойти Европу в науках.

Вслед за Барсовым на кафедре поднимается взволнованный Николай Никитич Поповский, филолог и философ, учившийся стихосложению и риторике у Ломоносова. Речь его горячая и страстная. Василий Баженов запоминает каждое слово: «На вас обратила очи свои Россия; от вас ожидает того плода, которого от университета надеется... Покажите, что вы того достойны, чтоб через вас Россия прославления своего во всем свете добилась».

В этом же зале, рядом с Баженовым, — Денис Фонвизин, будущий автор «Недоросля», Иван Старов, будущий создатель Таврического дворца, построенного в честь русских побед в Крыму. Здесь и будущий князь Таврический, покоритель Крыма — всеильный Григорий Потемкин... Пока им неведома их судьба, но в тот апрельский день 1755 года все они мечтали о славе своей и о славе отечества. Вчерашние мальчики, а ныне — «господа студенты».

Среди гостей в зале — Дмитрий Васильевич Ухтомский. Едва заметпо он одобрительно кивает Василию Баженову. «Речи зодчего суть его постройки», — вспоминает Баженов слова архитектора. Да, архитектурой многое можно сказать. Разве не похожи на торжественную, ликующую речь во славу России триумфальные Красные ворота, которые сейчас строит Ухтомский на Мясницкой? Речи окончены.Guestы приглашают в соседний зал, где под звуки музыки потчуют их кофе и конфетами.

Вечером состоялось праздничное гулянье. Снова играл оркестр и гости пили кофе. От двуглавого медного орла на башне до входа — все здание украшено горящими плашками и лампами, гирлянды которых составляют ослепительно яркую иллюминацию. Около полуночи солдаты у Никольской башни произвели фейерверк. Только после того толпы обрадованных редкостным зрелищем москвичей стали расходиться по домам.

В университетской гимназии Василий Баженов прежде всего приступил к изучению иностранных языков и очень быстро добился заметных успехов, особенно во французском. Впервые по-

знакомился он здесь с трудами Ломоносова. Не оставил юноша и занятий искусством, они всячески поощрялись. При университете вскоре были организованы художественные классы. Слушатели их занимались архитектурой, живописью, скульптурой. Это определило всю дальнейшую судьбу Баженова.

Давно зрела в передовом русском обществе мысль о создании Академии художеств. Еще Петр, посылавший на обучение за границу своих пенсионеров, мечтал об отечественной «академии наук и художеств». Академия была открыта, но основное внимание здесь уделялось науке. К середине века стало очевидно — необходимо открыть самостоятельную школу искусств и посылать пенсионеров за границу. Вот почему дальновидный И. И. Шувалов так заботился об обучении языкам одаренных юношей в Московском университете. Он понимал, что даже в случае открытия Академии художеств придется приглашать иностранных преподавателей — без французского и итальянского не обойтись.

Развивая эту мысль, он писал в сенат, настаивая на учреждении академии художеств: «...многие молодые люди, имея великую склонность, а более природное дарование, не имея знания в иностранных языках, почему бы толкование своего мастера разумели, а еще меньше оснований наук, необходимых к художеству. Если Правительствующий Сенат так же, как и о[б] учреждении университета оное представление принять изволит и сие опробовать, то некоторое число взявши способных из университета учеников, которые уже и определены учиться языкам и наукам, принадлежащим не художеству, можно ими скоро доброе начало и успех видеть. Сия Академия будет учреждена в С.-Петербурге по причине, что лучшие мастера не хотят в Москву ехать, как в надежде иметь от Двора работы, так и для лучшего довольствия иностранных здешней жизни».

В счастливый час родился Василий Баженов. Его вновь заметили, он все яснее осознает, что талант его нужен отечеству. «Взят в университет,— пишет Баженов в «Автобиографии»,— а оттуда вскоре его превосходительство Иван Иванович Шувалов проведаль про меня, взял в Санкт-Петербург». Было это в самом конце 1755 года, Академия еще не открылась, — пока отбирали для нее будущих пенсионеров.

В Петербург Баженов прибыл в январе следующего года. Город сначала неприятно поразил юношу, привыкшего к тесно обстроенным улицам, старинным монастырям, кривым московским переулкам, уютным уголкам древнего города. Здесь же всюду гулял сквозной ветер с залива, особенно на прямой как стрела «Невской першпективе». Вокруг «першпективы», перерезанной речками с болотистыми берегами, высились отменные постройки, но попадались и пустыри, рощицы чахлах берез.

— Однако много за полвека построено, — говорил Баженову Иван Старов, тоже приехавший из Москвы.

Они приметили друг друга еще в университетской гимназии, а здесь, в Петербурге, куда их послали учиться, поневоле держались вместе, хотя Иван и был на несколько лет моложе.

Понравился друзьям Аничков дворец. Подолгу бродили они по Адмиралтейскому двору, где на верфях со времен Петра строился российский флот. В Москве таких кораблей не увидишь, разве что баржи да верейки на Москве-реке. А здесь их множество — на Фонтанке, на Мойке: гусанки, струги, коломенки, белозерки, мокшаны — все пестрое и суетливое семейство больших и малых лодок, с парусами и без парусов. Что же удивляться: кругом вода, весь Петербург стоит на островах Невского трезубца, а окрест — топи и болота. Как же дерзко задумал Петр поставить новую столицу, и какое это чудо — растреллиевское барокко по невским «мшистым, топким берегам»! Великая сила — архитектура, ею движется и возрастает престиж империи, она зримо утверждает победу России над вековыми врагами за выход к Балтике. Наперекор стихии встают в тумане прекрасные дворцы, высятся шпиль крепости и храмов, стройные мачты кораблей. Интересный город Петербург, но неуютный, тревожный, пугающий своей непривычной новизной.

Москвичей поселили в доме Ивана Ивановича Шувалова. Через несколько дней по прибытии состоявший при московских студентах француз Дюбуле вызвал Василия Баженова к Шувалову.

Тот принял Баженова в своем кабинете. На стенах — картины французских и итальянских мастеров: романтические руины, прекрасные античные герои, библейские сюжеты. Большие окна, камин, бронзовые жирандолы. У камина, в котором красно светятся прогоревшие поленья, в кресле, обитом золотистым штофом, — хозяин дома, высокий, крепкого сложения человек, в белом парике. На нем — камергерский мундир с орденами Белого орла и святого Александра Невского. Но любимец Елизаветы Петровны прост в обращении, с сыном московского псаломщика говорит ласково, с интересом разглядывает одаренного юношу. Делится планами создания Академии художеств. Видно, справедливо говорят о скромности и доброжелательности Шувалова, о его приверженности к наукам и искусствам.

Куратор первого в России университета радеет не о себе, но о пользе отечества, печется не о своей славе и богатстве, если отказался и от дарованного императрицей графского титула и от поместья, если не согласился с высочайшим решением выбить в свою честь медаль — ее предполагали выпустить по случаю учреждения университета.

— Чему желали бы учиться?

— Архитектуре, ваше превосходительство.

— Это хорошо. Архитектура — знатнейшее из искусств. Мы ожидаем от нее пользы отечеству. Да и граф Растрелли стар, — улыбнулся Шувалов. — Нужна ему смена. Представлю вас ее величеству императрице Елизавете Петровне.

Через день Василий Баженов с трепетом переступил порог царского дворца. Императрица приняла юношу благосклонно, наказала ему прилежно учиться архитектурному делу: град Петров и древняя столица ждут великих построек.

На всю жизнь запомнился Баженову этот день — ослепительно-белые с золотом залы, свет от многочисленных свечей мелко дробится в хрустальных подвесках люстр. А за окнами с одной стороны — заснеженный луг, с друго́й — серо-свинцовая Нева с грузовыми и военными кораблями.

До предстоящего открытия Академии Баженов должен был поработать на стройке. Его, как и Ивана Старова, определили к ученику Растрелли, адмиралтейскому архитектору Савве Ивановичу Чевакинскому. В то время на Сенной площади он строил Никольский Военно-Морской собор. На этой стройке Баженов «сам учился и учил других рисовать, был при строении церкви Николая Морского, при куполах и колокольне; тут с архитектором и кавалером Старовым побратавшись у Чевакинского, учил его рисовать с глазок». В ту пору, восемнадцати-девятнадцати лет, Баженов уже имел репутацию хорошего рисовальщика — ему поручали занятия с другими. Да и в архитектурном деле он многое умел, раз принимал участие в такой сложной крупной постройке, как Никольский собор.

Собор этот — главное и лучшее творение С. Чевакинского, в котором русское барокко достигло одной из своих вершин. Торжественно-монументальная, праздничная архитектура.

Но строительство Никольского собора, как и Зимнего дворца, показало, что русских мастеров-архитекторов, скульпторов не хватало. Не случайно И. Шувалов с горечью писал в сенат: «Мы здесь художеств почти не имеем, ибо нет ни одного национального искусного художника». Все яснее становилось: необходимо как можно скорее открыть отечественную Академию художеств — этого требовала сама эпоха. Европейское просвещение и культура стали достоянием русского общества. Нужно было искусство, способное ответить росту национального самосознания.

В 1757 году Иван Иванович Шувалов от имени Московского университета подал в сенат «доношение» об учреждении в Петербурге Академии художеств: «...науки в Москве приняли свое начало и тем ожидается желаемая польза от их успехов; но чтобы оные в совершенство приведены были, то необходимо должно

установить Академию художеств, которой плоды, когда приведутся в состояние, не только будут славою здешней империи, но и великою пользою казенным и партикулярным работам, за которые иностранные посредственного знания, получая великие деньги, обогатясь, возвращаются, не оставят по сие время ни одного русского ни в каком художестве, который бы умел что делать».

«Доношение» было принято, и в ноябре того же года последовал указ: «Означенную Академию художеств здесь, в Санкт-Петербурге, учредить». Так, вслед за Московским университетом открылась и Академия. Василий Баженов был в числе первых студентов университета, ныне он стал одним из первых академических учеников. С гордостью напишет он позже: «Академия художеств мною первым началась».

XVIII век! Бурный, переломный век истории России, которая, по выражению А. Пушкина, «вошла в Европу, как спущенный корабль,— при стуке топора и при громе пушек». Фрегаты прокладывали дорогу музам. Беломраморная богиня Венус, вывезенная по воле Петра из Италии, столь же характерная примета века, как голубой крест андреевского флага. Россия жаждала деятельности, в ней бродила молодая сила, она была ненасытна в делах и познаниях. В этот век — век Петра и Ломоносова — родилась русская наука, театр, живопись, скульптура. Мощно и по-новому развернулось строительство. Спешила Россия, еще заглядываясь на Европу, подражая ей, но уже поверив в свои силы. Лучшие люди видели ее будущее — свободную, процветающую страну.

С этим чувством входил в жизнь Василий Баженов. Ему, сыну своего века, страстно хотелось могущества и славы отечества. И не только ему, но большинству из первых поколений, вышедших из Академии. Их именами она будет гордиться: Иван Старов, Антон Лосенко, Федор Гордеев, Федот Шубин, Семен Щедрин.

«...Главное намерение сей академии дабы посредством твердого и основательного наставления единственно споспешествовать к распространению и приведению в цветущее состояние художество живописное, скульптурное, архитектурное...». Так формулировал И. И. Шувалов задачи учрежденной Академии. Однако не сразу удалось палатить занятия по трем главным «художествам», поначалу все ученики занимались лишь рисованием с гипсов.

Прием в Академию шел постепенно. К основной группе из Московского университета, в которой был и Василий Баженов, присоединялись все новые ученики. Принимали их только после тщательной проверки, апробации, брали самых одаренных, уже показавших себя в «художествах». Шувалов предписывал профессорам Академии строго следить за приемом: «Лучше всего

принимать из частных уже на двенадцатирублевый оклад, в противном же случае как неспособных и способности не имеющих, так и без данной апробации отнюдь никого не принимать».

Одним из первых начал вести свой курс знаменитый гравер Шмидт. Баженов увлекся гравированием и до тонкостей освоил это искусство. В самом начале 1758 года в Петербург прибыл французский скульптор Н. Жилле. Вскоре же начали занятия архитектор А. Кокоринов, ученик Д. Ухтомского, и парижанин Валлен-Деламот. Впоследствии они спроектировали и построили здание Академии.

Первый профессор архитектуры и первый ректор Академии художеств Александр Кокоринов прошел хорошую школу. В юности жил он в Тобольске, куда был сослан зодчий И. Я. Бланк. Там состоялась их встреча, и там Кокоринов постиг азы архитектурного мастерства. Шестнадцати лет попал Александр из Тобольска в Москву. И здесь уже всерьез занялся архитектурным делом. Работал в команде Ухтомского. Потом — Петербург, Академия. Опытный мастер, Кокоринов быстро разглядел в Баженове будущего зодчего, с первых же дней своего пребывания в Академии он горячо поддерживал талантливую юношу. Как и Шувалов, Александр Кокоринов мечтал о славе русского искусства, верил, что из Академии выйдут замечательные скульпторы, живописцы, зодчие. Этой верой освещены первые годы Академии художеств, по праву названной «Шуваловской академией».

Академическая жизнь была монастырски строга. Ученики вставали на рассвете. В ордере преподавателю математики Мордвинову ректор напоминал о распорядке: «Сим рекомендуется иметь примерное смотрение, чтоб ученики поутру в 5 часов с постели были подняты и в половине шестого в чистоте были приведены в зал на молитву». В шесть часов являлись дежурные адъюнкты (подмастерья) и разводили учеников по классам. Адъюнктам надлежало кроме проведения натуральных занятий по рисованию или живописи «прилежно смотреть, чтобы учение их [было] без шалости и обхождение их благопристойное и что[б] были непременно все в классах, не внимая никаких от них оговорок, разве за болезнию».

Занятия шли до вечера. Потом — молитва, и ко сну. Адъюнкты всех пересчитывали и разводили по комнатам, следили, чтобы не было «неприличных забав» — ученики-то в возрасте от пятнадцати до двадцати! Строго наказывалось «небрежение мундира и обуви», за это штрафовали, сажали на хлеб и воду.

Шувалов требовал от Кокоринова о всех делах Академии подавать рапорты и «доношения», «иметь порядочные журналы», в которых записывались сведения «о способности, склонности и

поведении всякого ученика, о прилежании и поведении профессоров и учителей; о недостатках положенного на учеников содержания; о состоянии караула, дома, покупок».

Сенатским указом на содержание Академии из штатс-конторы ежегодно отпускалось шесть тысяч рублей. Князь Семен Мещерский отдал Академии внаем свой дом, «состоящий на Васильевском острове в седьмой линии». Следуя установленному регламенту, А. Ф. Кокоринов регулярно направлял куратору Академии «всепокорнейшие рапорты», в которых сообщал, «кто из студентов и учеников лучший».

Строго велись счетные книги, они сейчас помогают восстановить быт Академии. День за днем, месяц за месяцем вел писарь счет расходам: «Баженову за сентябрьскую треть жалованья 13 рублей», «Баженову за генварскую треть жалованья 13 рублей 33 копейки...», «Два перочинных ножика, две дюжины кисточек, два куска туши, две дюжины карандашей — 3 рубля 60 копеек», «Для стирки карандаша с рисунков изошло белых хлебов 44, по 4 копейки каждый, рубль 76 копеек». «Ученикам сделано 35 пар платья всedневногo — 304 рубля 50 копеек». Одежда покупалась сразу на всех учеников: сорок один праздничный кафтан за 700 рублей, епанчи, шляпы, по три аршина черных лент на каждого, гарусные чулки.

Немало тратилось денег на приобретение произведений искусства: «Для пересылки за море на покушку статуи — 150 рублей», «За портрет мозаический государыни императрицы Елисавет Петровны заплачено профессору господину Ломоносову 1300 рублей».

И. И. Шувалов передал в дар Академии полотна Веронезе, Тинторетто, Перуджино, Рембрандта, Рубенса, Ван Дейка, Иорданса, Остаде, Пуссена. Непрерывно пополнялась академическая коллекция эстампов, скульптур, слепков, гравюр, которые размещались в классах, рекреациях, коридорах, залах. В библиотеке хранилось немало ценнейших фолиантов по истории архитектуры, живописи, скульптуры, по истории народов, философии. Как ни дороги были книги и произведения искусства, Академия не скупилась на их приобретение и в России и за границей.

Весь день ученик Академии проводил среди картин и скульптур выдающихся художников. «В тех комнатах, — говорилось в одном из ордеров, — которые учреждены для классов, украшены картинами, эстампами, десейами и гипсами, в которые с дозволения входить для смотрения и примечания лучших мастеров, что немало может способствовать в их учении».

После занятий Василий Баженов часто копировал с картин и эстампов, рисовал перспективы с архитектурных увражей.

Античность, готика, возрождение, барокко, классицизм открывались ему в своих высших достижениях. Как непохоже все это на русское допетровское искусство, на все то, что усвоил он в родной Москве, среди древних кремлевских стен.

Был в Академии и свой театр, ибо считалось, что «театральное представление есть для глаз такая же картина, как и произведенная искусством художника». Актер, как и художник, должен служить добру, быть гражданином — сердцем принимал эти мысли Баженов. Музыка, пение, танец нравились ему, и он старался не пропускать спектаклей, которые давали в Петербурге заезжие труппы. В 1756 году был учрежден русский театр, актером которого стал знаменитый впоследствии Федор Волков. Баженов не раз видел его на сцене и дружил с ним и актером Шумским. На одном из спектаклей — шла комедия «Генрих и Пернилла» — он встретил московского знакомого, молодого Дениса Фонвизина. Радостная была встреча, горячо говорили о театре, о том, что нужны свои, русские комедии. Баженов познакомил Фонвизина с Федором Волковым и Шумским. Фонвизин был увлечен и покорен театром.

Существовал в ту пору в Петербурге еще и французский театр и итальянская опера Локателли. В декабре 1757 года Баженов прочел в «Ведомостях», что в Большом театре, близ Летнего дворца, «представлена будет для публики новопривывшим комической оперы директором Локателлием на итальянском языке опера «Убежище богов». И не столько понравилась ему опера, сколько итальянский язык, который он позже изучил и говорил на нем свободно.

Театральные и цирковые зрелища в ту пору входили в моду. На Миллионной улице, в маленьком деревянном театрике показывались «восковые персоны в натуральной величине и в изрядном платье, всякие же восковые фрукты и кушанья. Притом мальчик 11 лет скакал, кувыркался, балансировал и вольтижировал, а небольшая обезьяна, наряженная в платье, делала многие шутки и возила собаку на тележке по канату; знатные персоны платили по их изволению, а прочие за восковые фигуры платили по 25 коп., а вместе с мальчиком и обезьяною по 50». Баженов был среди тех, кто платил по двадцати пяти и по пятидесяти копеек. Итальянская опера была дороже — «с зрителей бралось по рублю». При тринадцати рублях на четверть года получалось накладно, но все-таки он старался не пропускать новых спектаклей и представлений.

Увлечение театром не мешало академическим успехам Баженова. Он без усталы копировал с эстампов и гравюр произведения архитектуры, изучал перспективу, арифметику и геометрию, анатомию, прекрасно успевал в изучении российской словесности

и иностранных языков, мифологии, истории. В Академии он был на особом положении: как старшему по возрасту и опытному в «художестве» ему поручали обучение других. Так из ученика он сам постепенно становился учителем, обнаружив при этом недюжинный педагогический дар. И позже, уже став знаменитым зодчим, он всегда был окружен учениками.

В мае 1758 года в Академии состоялся первый экзамен, после которого был составлен «список ученикам с показанием старшинства их мест».

Экзаменовалось всего тридцать восемь человек, двадцать семь разночинцев, остальные — дворяне. Первым в списке стоит имя Василия Баженова, в числе же первых — его друг Иван Старов. Состав учеников очень сильный, все имеют опыт, многие талантливы и мастеровиты, но первый — Баженов.

Только после этого экзамена все ученики Академии были разделены по трем классам: архитектурному, живописному и скульптурному. Баженов продолжил занятия в архитектурном классе у А. Ф. Кокоринова и Деламота, в творчестве которого уже ясно видны были черты нового архитектурного стиля — классицизма, приходящего на смену барокко. Валлен-Деламот строил много. Баженов учился у маститого зодчего не только в классе, но и на строительной площадке, на практике усваивал новые приемы. Учителя имели все основания гордиться своим учеником: успехи его были поразительны.

Это дало основание ректору Академии А. Ф. Кокоринову обратиться с рапортом к его превосходительству Ивану Ивановичу Шувалову, в котором он сообщал: «Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств студент Василий Баженов по особенной своей склонности к архитектурной науке, прилежным своим учением столько приобрел знания как в начальных препорциях, так и в рисунках архитектуры, чем впредь хорошую надежду о себе обещает, что осмеливаюсь вашему высокопревосходительству за его прилежность и особенный успех всепокорнейше представить к произведению в архитектурные второго класса кондукторы с жалованием по сту двадцати рублей в год».

Шувалов, хорошо знавший Баженова и следивший за его успехами, охотно поддержал это представление ректора и передал его в сенат. Указом от 1 мая 1760 года Василий Баженов был произведен в архитектурные помощники и получил ранг прапорщика. А в книге расходов за 1760 появилась новая графа: «Баженову за гевварскую треть жалование — 40 рублей», то есть сто двадцать в год. Впрочем, жалование это архитектурный помощник получить успел лишь один раз. Вскоре последовало распоряжение: ехать ему, Василию Баженову, в Париж —

для продолжения образования, о чем академический писарь бесстрастно и деловито записал: «Бажену на отправление в Париж выдано 100 руб.».

Нужно было собираться в долгую дорогу.

Ученичество в Академии закончилось. Юноша получил от нее все, что она могла дать. У своих учителей Ухтомского, Чевачинского, Кокоринова, Деламота, Растрелли Бажену многому научился, перенял их огромный строительный опыт, усвоил профессиональное мастерство и культуру. Он был свидетелем, а порой и участником создания выдающихся творений архитектуры. Он не только хорошо знал великого Растрелли, но в Москве и в Петербурге работал с ним, учился у него мыслить масштабно, с размахом.

Василий Баженов, как никто из его современников, знал и любил старое русское зодчество, понимал его пластические законы. Он безукоризненно владел чертежным ремеслом, мог артистически построить любой сложности перспективу, прекрасно рисовал и гравировал, делал отменные модели. Он уже в свои двадцать три года был истинным архитектором.

Патриот, воспитанный на уважении к отечественной культуре, сам стоявший у новых ее истоков, Баженов воспринимал зодчество как гражданское поприще. Главный смысл творчества для него заключался в утверждении славы России. И, может быть, это был основной итог его ученичества в Академии.

В начале сентября 1760 года Василий Баженов и другой пенсионер Академии художеств, живописец Антон Лосенко, отправились во Францию, в столицу искусств — Париж.

III

В ПАРИЖЕ И РИМЕ

Париж! Неужели он и вправду в этом великом городе? Легко ли поверить в это? Василий Баженов чувствовал себя совершенно счастливым — фортуна явно благосклонна к нему. Баженов и Лосенко стали первыми пенсионерами Академии художеств, посланными учиться за границу.

Париж поразил ритмом жизни, многолюдьем. После сырого, доступного всем ветрам малоозастроенного Петербурга все здесь казалось основательным, обжитым, уютным. Художественные салоны, театры, где шли пьесы Расина, Корнеля, Мольера, антикварные лавки, музеи, книжные магазины на улице Сен-Жак, диспуты и лекции в Сорбонне и Лувре... Было от чего закружиться голове. На публичных выступлениях можно увидеть

Дидро и Даламбера, знаменитых художников, архитекторов. Чуть ли не в каждой кофейне — клуб, а их в Париже около шестисот. За чашечкой турецкого кофе или ароматного баваруаза, чая с сиропом, приятно провести вечер в беседе с другом. Особенно хороши кофейные дома в Пале-Рояль: Cafe de Foi, du Cavot, du Valois, de Chartres. В кофейне у Прокопа Сицилианца можно встретить и послушать Вольтера, а в Cafe de la Régence всякий день приходит играть в шашки Жан-Жак Руссо. Правда, попасть сюда Баженову удалось не сразу: мест в кафе мало, а желающих видеть Руссо великое множество. Полиция даже приставила к дверям кафе караул, дабы он следил за порядком.

А какое чудо парижские библиотеки! Особенно Королевская: двести тысяч томов, но что больше всего радует петербургских пенсионеров — великолепное собрание эстампов. Их можно изучать часами, заносить в свой альбом поразившие воображение композиции, детали сооружений — от античных храмов до современных парижских дворцов.

Огромное удовольствие взять старенький фиакр и отправиться в путешествие по бульварам и улочкам или в предместье Парижа, где в генгетах — загородных трактирах, веселятся простые парижане и можно пообедать за десять су и выпить дешевого красного вина. Дорогие рестораны Баженову и Лосенко не по карману, в средствах они были крайне стеснены. Академия платила не щедро и, главное, нерегулярно. Приходилось и бедствовать. Так что обед за десять су бывал порой очень кстати.

Но обед — это не главное, когда кругом столько великих памятников искусства! С трепетом входил Василий Баженов под своды Нотр-Дам и собора Инвалидов, как зачарованный смотрел на коринфскую колоннаду Лувра, созданную Клодом Перро. Парижане даже сложили песенку о колоннах Лувра — Василий Баженов и Антон Лосенко услышали ее в какой-то кофейне. Лосенко, певший на родине в придворной капелле, частенько распевал ее, подыгрывая себе на скрипке.

А Пале-Рояль, Люксембургский дворец и сад Тюильри! Высокая архитектура, волнующая история. Ничто так точно не выражает эпоху, как творение зодчего: здесь, в Париже, Баженов впервые ясно осознал это. Имена архитекторов и художников превосходят славой имена королевские: Луи Лево, Жюль Ардуэн-Мансар, Клод Перро, Франсуа Блондель, Шарль Лебрен, Андре Ленотр!

На всю жизнь Баженов запомнил день, когда впервые увидел Версаль, дворец, Зеркальную галерею Мансара, украшенную плафонами Лебрена, и чудо парковой архитектуры — сады, фонтаны, бассейны, каналы, созданные воображением Ленотра. Это был великий мастер, бескорыстный и благородный. Рассказывают,

что, когда он докладывал Людовику XIV о плане будущих версальских дворцов со множеством затей, король, восхищенный его изобретательностью, все время приговаривал: «Ленотр, за эту выдумку даю тебе двадцать тысяч ливров!» Так продолжалось несколько раз, пока художник не рассердился и дерзко не ответил изумленному монарху: «Ваше величество! Я замолчу, чтобы не разорить вас». Каков Ленотр! В церкви Сен-Рок, на улице Сент-Оноре, где погребен создатель версальских садов, Баженов долго стоял перед плитой с его именем.

Отправляясь на прогулку, Баженов берет с собой бумагу и карандаш, рисует то, что его заинтересовало, сравнивает постройки классицистские и в стиле барокко. Урок классицизма: восточный фасад Лувра и триумфальная арка Блонделя в предместье Сен-Дени. В библиотеке Баженов читает «Курс архитектуры» Блонделя и «Правило пяти ордеров» Клода Перро.

Несколько раз молодой русский архитектор останавливается на площади, где высятся собор и дом Инвалидов, конная статуя Людовика XIV скульптора Жирандона; его интересуют крупные градостроительные композиции. В доме Инвалидов гостю из России рассказывают об истории посещения дома Петром Великим. Он был здесь во время трапезы, когда увечные войны обедали. Царь налил полный бокал вина и выпил его со словами: «Ваши здоровье, товарищи!»

Да, в Париже — кругом исторические воспоминания, все дает пищу уму, размышлению, есть чему учиться, что смотреть и изучать. Но нельзя же быть только учениками да поклонниками, надобно и самим учить других, отечественное искусство поднять на высоту европейского. И силы к тому есть и жажда творчества велика — с такими мыслями пришел Василий Баженов в ателье к своему парижскому патрону и учителю королевскому архитектору Шарлю де Вайи.

Де Вайи еще не очень знаменит, но талаантив, замечен королем. Он молод, лишь на восемь лет старше Баженова. Сдержан, холодноват — у него есть основания чувствовать себя мэтром. Но русский юноша ему с каждым занятием все больше нравится: увлечен, хорошо рисует и чертит, быстро схватывает идею, видит сооружение в пространстве. К тому же начитан, довольно прилично говорит по-французски — неужели в Петербурге выучился? Правда, не очень силен в математике, но это дело поправимое — было бы желание.

— Нельзя в архитектуре достичь высот одним вдохновением, она подвержена основательным правилам. Надо заняться математикой, — сказал де Вайи своему ученику после первых занятий.

Вечерами Василий Баженов сидел над книгами по истории архитектуры, математике. Днем приходил в ателье к де Вайи,

чертил перспективы, рисовал детали зданий, помогал в оформлении проектов, строительстве моделей, копировал гравюры из альбома увражей. С тех пор как он у Шарля де Вайи, времени для прогулок почти не остается. Но Баженов не сетует, он рад, работы не боится — не для гулянья ехали в Париж. В России ждут большие дела.

У королевского архитектора — широкие профессиональные интересы. Его интересует театр, он пишет декорации к операм и трагедиям, работает над оформлением театральных и храмовых интерьеров.

Де Вайи виртуозно рисует, как бы следуя наставлению Дидро, который сказал: «Я вам советую остерегаться таланта архитектора, не являющегося хорошим рисовальщиком». «Больше рисуйте!» — требует он от своих учеников, и Василий Баженов, рожденный художник, рисует без усталости — в мастерской учителя, дома, на улице. «Я рисовать с натуры не покидал (не переставал.— *С. Р.*) до самого в Россию возвращения,— вспоминал о парижских уроках Василий Иванович.— Что же касается до гридирования (гравирования.— *С. Р.*) и архитектуры, и в оном имел же упражнение».

Особое пристрастие его учитель Шарль де Вайи испытывает к декоративной форме, изысканной, тонкой. Баженову, прошедшему школу у князя Ухтомского, Чевакинского, Растрелли и узнавшему цену декоративной детали, близка и понятна эта увлеченность.

Лучшие французские краснодеревщики по рисункам де Вайи изготавливают дорогую мебель — для королевского двора. В год, когда Баженов появился в Париже, мастер опубликовал серию гравюр — модели ваз. Их архитектура, силуэты восхитили русского архитектора. Некоторые из них он перерисовал в свой альбом — уверенно и артистично.

— Bravo, месье Баженов! — оценил его работу польщенный автор моделей. — Ваш рисунок стал легким и изящным. Вы быстро делаете успехи.

Баженов был счастлив похвалой учителя, но все же понимал: это пока ученичество, копирование того, что создали другие. Свое — впереди, и путь к нему непрост и долог. Василий Иванович всегда был благодарен трудной школе, которую он прошел у Шарля де Вайи. Уже в России, став известным мастером, он признавался: «Мой же учитель столько был там велик, что до него во многом дойти не мог и поныне, а после него, кто б там ни был, всякий мне не страшен...»

Он жадно учился, мечтая подняться до самых высот архитектурного искусства. Учился не только у блестящего де Вайи. Он часто бывал на стройках (в Париже много строили) и в мастер-

ских архитекторов. «Суфло, Моро, Леруа...— вспоминал Баженов.— Мне все знакомы».

В ту пору по проекту Жака-Жермена Суфло строилась церковь святой Женевьевы, покровительницы Парижа. Баженов хорошо изучил проект церкви, увенчанной высоким куполом, с шестиколонным коринфским портиком. Преклонение перед античностью чувствовалось в каждом декоративном членении и в композиции здания.

По проекту Жана-Никола Сервандони недавно был завершен фасад церкви Сен-Сюльпис, тоже в стиле классицизма. Но самый серьезный урок поисков нового стиля дало Баженову строительство площади Людовика XV (ныне площадь Согласия), свидетелем которого он стал.

Площадь разбивалась по проекту великого мастера Жака-Анжа Габриэля. Проект был новаторский, совершенно по-новому решал крупную градостроительную задачу. Габриэль отказался от привычного принципа — застройки площади по контуру. Архитектор сохранил зеленые массивы Тюильрийского парка и Елисейских полей, замыкающих площадь Людовика XV с двух сторон; третьей она выходит к Сене, и лишь одна сторона площади застраивается зданиями Военного и Военно-Морского министерств с мощной колоннадой, между которыми — улица Ройяль, а в ее глубине — портик церкви Магдалины. Какая смелая композиция! Какая раскованность и широта! Пространство площади не замкнуто, оно свободно связано с городом и природой — такого еще не знал ни один город Европы.

Василий Баженов чутьем оценил замысел Габриэля. Для него, тяготевшего к крупным композициям и масштабам, открытие французского мастера стало серьезным уроком в градостроительном искусстве. Он часто бывал на стройке, встречал здесь самого Габриэля, который заметил молодого русского архитектора и отнесся к нему с симпатией.

Воображение Баженова поразила не только планировка площади Людовика XV, но и архитектура занимавших ее зданий. Габриэля вдохновила колоннада восточного фасада Лувра Клода Перро, но он по-своему осмыслил достижения предшественника: его колонны выстраиваются не на гладком цоколе, а на мощной рустованной аркаде — прием этот станет любимым в композициях Баженова. Но подобно тому, как Габриэль не повторял слепо Перро, так Баженов никогда не копировал Габриэля. Это было развитие идеи, мотива, переосмысление на новый лад архитектурной традиции.

«Хожу от Перро до Габриэля», — ответил однажды Баженов Антону Лосенко, когда тот вечером встретил его вопросом: «Где ты пропадаешь?» Жили они недалеко от Лувра, и колоннаду

Перро Василий Иванович видел каждый день, потому и прогулку от Лувра до площади Людовика называл «от Перро до Габриэля».

В квартале, где поселились русские пенсионеры, жило много художников, артистов, литераторов. Улочка, на которой стоял их трехэтажный дом, была грязной, тротуары разбиты, на углу — один газовый фонарь, так что вечерами приходилось пробираться домой в темноте. Комнату сняли неудобную, обставленную убого, холодную, но с большими окнами. Разве это не достоинство — обилие света? Лосенко мог спокойно работать над картиной «Чудесный лов рыбы», а Баженов не расставался с циркулем и карандашом, так как брал домой частные заказы на чертежи и тем зарабатывал на жизнь. Скинув кафтан, в одном камзоле он работал часто заполночь, зато было чем рассчитаться за квартиру. Петербургская Академия не очень баловала своих питомцев — трехсот пятидесяти годовых явно не хватало при парижской дороговизне. Но друзья не унывали, они были молоды и счастливы, им горячо хотелось работать на пользу отечества — они верили в свое предназначение.

Через несколько месяцев пребывания в Париже Василий Баженов сделал из тонких планочек модель римского храма Весты — по рисунку из Витрувия. Когда Шарль де Вайи увидел законченную работу, он был просто потрясен мастерством исполнения.

Считалось, что модель — критерий профессиональной зрелости архитектора. Он никак не мог поверить, что Баженов, хотя и очень способный, сумел сам, без его руководства так блестяще справиться с делом. Не знал де Вайи, сколько времени провозился его ученик с распятием Шумаева, не знал и того, что Растрелли, с которым пришлось Баженову работать, был мастером архитектурных моделей.

«Сир Базиль изволит шутить?» — с недоверием спрашивал наставник своего русского ученика. Но, убедившись в том, что «сир Базиль» сам от начала до конца построил модель храма Весты, он искренне поздравил с успехом и предсказал ему европейскую славу. «Смотрите,— говорил де Вайи другим своим ученикам, французам,— чего можно достичь, имея талант и трудолюбие...».

Ученики не склонны были разделять восторгов мэтра, им не очень-то правилось, что русский гость стал чересчур выделяться. В Париже Василий Баженов впервые с горечью узнал, как много среди людей искусства завистников — тех, чей талант ничтожен, и потому ненавидящих одаренность, незаурядность. Всю жизнь завистники преследовали архитектора, мешали ему, похищали идеи, но тогда это было впервые: «Я был послан в чужие края, во Франции учился в теории, за что похвалы имею от всей Академии Парижской, примечал и практику, где все архитекторы сматривали мои дела с большою охотою, а мои товарищи фран-

кузы молодые у меня крадывали мои прожекты и с жадностию их кошировали...»

Баженов сделал еще несколько превосходных моделей, поражавших легкостью и артистизмом. И среди них модель луврской колоннады Перро. В среде парижских архитекторов имя пенсионера русской Академии художеств стало известным и уважаемым. О нем заговорили, ему предрекали прекрасное будущее и славу на родине.

Между тем слух о Василии Баженове широко разошелся. Русский дипломат граф И. Г. Чернышев сообщал Шувалову из Вены: «Я получил письмо из Парижа от Баженова, которое имею честь препроводить к вам в подлиннике. Об этом человеке мне говорят до невероятности много хорошего; думают даже, что в ближайшем собрании архитекторов он получит первую награду за сочиненный им проект дома Инвалидов, необыкновенно прекрасный. В то же время говорят, что поведение и нравственность его отвечают его таланту, но бедняк лишен нужных средств к жизни. Если бы вы к его жалованью прибавили сотенку-другую рублей, его положение сделалось бы лучше. Он будет еще прилежнее, и такое вознаграждение заслуг послужит к чести нашей страны».

Граф Чернышев написал это письмо в марте 1762 года и не ошибся: летом в Париже «в ближайшем собрании архитекторов» Василий Баженов достиг небывалого успеха. Он явился на публичный экзамен в Парижскую Академию архитектуры с целой коллекцией моделей, проектов, рисунков, гравюр. Даже трудно было себе представить, как за два неполных года он сумел столько создать. Его многочисленные конкуренты оказались посрамленными — их просто не заметили. Успех Баженова предполагал вручение ему золотой медали победителя конкурса, но медаль русскому зодчему не досталась, так как присуждалась она только католикам. О трудах Василия Баженова Парижская Академия заключила: «Академия их с удовольствием рассмотрела и расценивает как плод прилежной работы и учения, отличающегося усердием и пониманием». Ему был выдан архитектурский диплом. Подписи выдающихся зодчих, стоявшие под ним, Баженову были дороже любой золотой медали: Моро, Леруа, Суфлю, Габриэль!

Маститые, в ту пору лучшие в мире архитекторы признали двадцатипятилетнего сына московского псаломщика равным себе, признали мастером, архитектором.

Это был триумф! Баженов не шел, бежал по улицам Парижа, чтобы скорее сообщить радостную новость Антону Лосенко, с нетерпением ожидавшему друга.

Вечер они провели в любимом кафе в Пале-Рояль. К ним присоединился новый знакомый Василия Баженова, Федор Каржа-

вин. Соотечественник, ставший настоящим парижанином. Элегантный молодой человек, блестящий эрудит, философ, литератор, почитатель искусства, вольнодумец в духе французского просвещения. Они сразу понравились друг другу — оба горячие, увлеченные, темпераментные. В тот вечер, когда в парижском кафе они отмечали за бутылкой вина диплом Баженова, никто из них не знал, что это — начало дружбы на всю жизнь.

Долог путь от Парижа до Петербурга, но, наконец, и в России узнали об успехах Баженова, первого из россиян добившегося признания Парижской Академии. Добрейший Иван Иванович Шувалов, получив письмо графа Чернышева, распорядился увеличить содержание Баженова до четырехсот рублей. 19 августа на торжественном собрании в Петербургской Академии художеств Василий Баженов и Антон Лосенко были заочно произведены в адъюнкты, о чем Шувалов сообщил им в специальном ордере: «Господа Академии адъюнкты! Ея императорское величество между прочими великими попечениями о пользе и добре своего государства, и художества своим покровительством удостоила; почему все вы накрепчайше свои старания усугубить должны, дабы удостоиться монаршего благоволения. Мне не иначе как весьма приятно слышать о ваших успехах и вашей прилежности, которыми вы делаете честь себе, а более нашей нации, о чем уверен, что вы всегда, получа о себе такую репутацию, более ее распространить не оставите. По последнему экзамену вы произведены оба адъюнктами, о чем я вас честь имею поздравить».

«Господа адъюнкты» были рады: как ни дорого признание в Париже, все же признание на родине еще дороже. Первым Василия Баженова поздравил его учитель Шарль де Вайи.

— Будем считать, — сказал он, — что мое предсказание сбывается: ваше восхождение к славе началось, хотя вы могли претендовать и на звание профессора.

Баженов это и сам понимал: адъюнкта он получил бы и в Петербурге, без парижского триумфа.

Не прошло и двух недель, как из Петербурга последовал новый ордер от Шувалова. Он уведомлял пенсионеров, что жалование им через купца Томсона переведено вперед на год. «Мое намерение, — сообщал президент, — что Лосенко быть в Москву, а Баженову на зиму в Риме».

Значит, расставаться. За два года стали они неразлучны, все было пополам, все делали вместе, а теперь одному — в Москву, другому — в Рим...

В ордере своем Шувалов писал, что если денег на отъезд не хватит, то «еще послано верующее письмо через купца Мишеля на тысячу рублей». Велено их употребить на дорогу, а «что из того останется, можете употребить на покупку хороших эстампов,

рисунков, книг и прочего пристойного и надобного для Академии художеств».

Так они и сделали: расплатились за квартиру, купили дорожное платье и сундуки, а на остальное — целую коллекцию гравюр и эстампов, книги по истории архитектуры. Драгоценный груз отправили в Петербург, в адрес Академии.

Друзья с грустью простились. Лосенко посадил Баженова в почтовый дилижанс. Укутавшись в широкий плащ — был уже конец октября, — долго смотрел ему вслед. Конечно, он немного завидовал Василию — увидеть Рим, прикоснуться к античности! Может ли быть у художника более высокая мечта?

В XVIII веке путь из Парижа в Рим занимал больше двух недель, был опасен, особенно в горах, где нередко на путешественников нападали разбойники. Но все обошлось благополучно: пересаживаясь с дилижанса на дилижанс, катил Баженов по дорогам Европы, пока однажды у городской заставы их не остановил патруль папской полиции. Высокий полицейский, одной рукой открыв дверцу, другой приподнимая треугольную шляпу, объявил: «Roma, signori!»

С жадностью архитектор приник к окну: мелькали грязные, убогие дома городской окраины. Потом стали попадаться развалины античных построек, палаццо в духе Палладио. Мелькнули стены Колизея, хорошо знакомого по гравюрам и рисункам.

Вечный город был давней мечтой архитектора. Еще в Москве, у Ухтомского, видел он гравюры с видами Рима, его античными памятниками: триумфальными арками, термами, колоннами разрушенных храмов, руинами базилик. Позже, в Академии художеств, Баженов познакомился с фантазиями Пиранези, в которых многое было навеяно римскими древностями. Но чем больше он узнавал о Риме, чем глубже изучал его архитектуру, историю и итальянский язык, тем желанней становилась для него встреча с великим городом. Мечту эту подогревали в нем и рассказы Шарля де Вайи, десять лет назад — в 1752 году — получившего золотую медаль Парижской Академии архитектуры, которая давала право на путешествие в Рим. Де Вайи увлекся наследием Бернини, занимался археологией, делал обмеры терм Диоклетиана и виллы Адриана в Тиволи, рисовал архитектурные композиции в романтическом духе. Он показывал эти материалы своему русскому ученику. И вот Баженов сам имеет возможность увидеть античные древности.

Поселился он недалеко от собора святого Петра. Едва обосновался, тотчас отправился осматривать город. Собор и прилегающая площадь поразили его воображение не меньше, чем творения

античности — «величавостью архитектуры и изрядством вкуса их сооружителей». Браманте, Рафаэль, Перуцци, Антонио да Сангалло-младший, Микеланджело, Джакомо делла Порта, Бернини — какие «сооружители» строили это великое здание! Он приходил сюда и во время многолюдной мессы и когда в соборе было пусто и в звонкой подкупольной тишине дробно отдавались шаги ватиканского священника, готовившегося к утренней службе. Он видел, как потрясает верующих эта могучая архитектура, какой трепет внушает им грандиозное храмовое пространство, когда они, дождавшись своей очереди, припадают губами к ноге бронзовой статуи святого Петра.

Много прекрасных зданий видел Василий Баженов в Париже, многим творениям удивлялся, но в Риме чудеса искусства буквально на каждом шагу: дворцы, церкви, фрески, мозаики, скульптура.

Античность не музейная, она на улицах, ногой можно задеть остаток древней капители: на площадке разрушенного Форума, видевшего Цицерона, устроились на ночлег оборванные бродяги; каменный языческий алтарь с рельефом виноградной лозы зарос густой травой, а на Квиринале высется, как столетия назад, все видевшие и все забывшие мраморные Диоскуры со своими вздыбленными конями. В Тиволи, римском предместье, — до мельчайших подробностей известный храм Весты, модель которого Баженов делал в Париже. В античной галерее Ватикана архитектор любуется Бельведерским торсом, в термах Диоклетиана поражается мозаичным полам с изображением птиц, зверей, драконов, рыб.

По вечерам он часто поднимается на холм Джаниколо. Отсюда виден громадный силуэт собора святого Петра — его купол кажется парящим над городом, — замок Ангела, золотистый от вечернего солнца Тибр. А сколько памятников в Тиволи, Фраскати, Альбано, в долине Кампаньи, где ветер веков гудит в таинственных развалинах, ставших приютом для сов и летучих мышей! Какая панорама в Кампанье: Аппиева дорога, акведуки, пинии и кипарисы, силуэты Рима, а дальше — голубые горы, слышавшие крики карфагенских воинов и тревожные голоса римской стражи: «Hannibal ante portas!» («Ганнибал у ворот!») Пейзаж, пронизанный духом ушедшего, истории. Вдоль Аппиевой дороги, на которой выставляли кресты с телами распятых христиан, пылит стадо волов... Вечное течение жизни.

Баженов с жадностью открывал для себя новый мир. По совету Кокоринова он вел «журнал вояжа», в который каждый день записывал все, что поразило, увлекло, пополнило его архитектурные знания. Собор святого Петра, Ватикан, Микеланджело в Сикстинской капелле, Аппиева дорога — счастливые видения

для художника, страстно, неутомимо ищущего красоты, жаждущего творческого самовыражения.

Рим — это сон наяву. Древность соседствует с импозантным величием и монументальностью Ренессанса. Баженов в восторге от постройки Браманте в Риме — Темпиетто, часовни во дворе монастыря Сан Пьетро ин Монторио. Это — настоящий манифест Высокого Возрождения! Никогда больше Василий Баженов не видел такой стройной ротонды, такого соединения изящества и монументальности.

В свой альбом архитектор заносит фасад палаццо Фарнезе Антонио да Сангалло, зарисовывает церковь Эль Джезу и папскую виллу Виньолы, знаменитого теоретика архитектуры, автора «Правил пяти архитектурных ордеров», хорошо известных Баженову. У Виньолы уже чувствуются первые признаки барокко, которому суждено было господствовать в Италии весь XVII век и половину XVIII века. Перед Баженовым открывалась истинная, не по книгам запечатленная картина бурного расцвета барокко. Великий стиль, рожденный в Риме, отозвавшийся во всех столицах Европы, преобразенный в Москве и Петербурге Ухтомским, Чевакинским, Растрелли. У русской архитектуры свое отношение к пространству, форме, свое понимание, казалось бы, единого стиля. Размышляя над связями российского и европейского искусств, Василий Баженов все отчетливее осознавал необходимость освоения традиции древнерусского зодчества. Учиться надо не только в Риме и Париже, но и в Москве — на расстоянии яснее представлялись ему достоинства отечественной архитектуры.

Римские уроки продолжались. Баженов кропотливо исследовал истоки барокко. Джакомо делла Порта был учеником Виньолы, он сделал более решительный шаг от Ренессанса к барокко. Василий Баженов специально ездил во Фраскати, близ Рима, чтобы увидеть его виллу Альдобрандини. Заинтересовал его и Доменико Фонтана: Латеранский дворец, фонтан Аква Паоло. Но все же Лоренцо Бернини больше других мастеров барокко покорило воображение Василия Баженова. Он восхищался его колонными галереями перед собором святого Петра. Особенно хороши они были на фоне розового света зари. Несколько дней подряд вставал архитектор рано утром, чтобы насладиться этим дивным зрелищем.

Большого современного строительства в Риме в ту пору не было. Итальянская архитектура явно уступила пальму первенства французской. Классицизм только входил в силу, и такие здания, как в Париже, здесь не строились. Наиболее заметным сооружением XVIII века в Риме была Испанская лестница, ведущая от Испанской площади к церкви Санта Тринита деи Монти.

Незадолго до приезда Баженова в Рим архитектор Н. Сальви закончил самый крупный в городе фонтан Треви.

В «журнале вояжа» Василий Баженов делает карандашные наброски. Он много гравюрует, увлечен офортами на античные темы. На одном из них он изобразил обнаженную вакханку, пляшущую под звук свирели сатира. Жаркий средиземноморский полдень, неистовый танец вакханки под сенью раскидистого дерева, — художник очень тонко передал свое восхищение красотой античного мира.

Он сочиняет композиции из истории республиканского Рима, показывая прекрасные знания бытовых подробностей древнеримской жизни. Интерьеры, образцы одежды, утварь, кувшины для вина — все интересует его. Для Баженова это не археологическая классика, а живое бытие почти осязаемой древности.

Не прошли даром и уроки Джованни Баттисты Пиранези — в его духе Баженов рисует архитектурные фантазии, которые можно назвать «колонными сюитами», «воспоминаниями о портиках».

Часто, наняв извозчика, архитектор отправляется в окрестности Рима: итальянские пейзажи необыкновенно хороши. К полудню от жаркого солнца уже не спасает широкополая шляпа — приходится перебираться в тень кипарисовой рощи или укрыться в древних развалинах, где в любой зной прохладно.

Но в Риме Василий Баженов не только изучает древности и архитектурные стили. Он постигает строительную практику итальянских мастеров. «А в Риме единственно и во всей Италии был всегда на строениях», — пишет он. Приготовление известки, теска камня, способы кладки, столярная работа — его интересовали любые мелочи и детали строительного дела, так как еще на постройке Головинского дворца в Москве он понял, что для архитектора мало составить план здания и нарисовать фасады, надо хорошенько знать, как, из чего и в какое время года эти фасады возводить.

И, как всегда, архитектор строит модели — едва ли не в рост человека. За несколько месяцев собрал модель собора святого Петра. Тогда же Баженов проектирует триумфальные ворота, павильоны, фонтан, в котором уже видны характерные для его будущего творчества черты: любовь к круглым формам, ротондам, сочетание мощного рустованного низа-пьедестала и легкого верха, образованного изящным строем колонн. Проектирует зодчий и монументальную лестницу на Капитолии, главном холме Рима, откуда пошел Вечный город.

Василия Баженова заметили, о нем заговорили. Секретарь Римской Академии святого Луки предложил русскому архитектору явиться на публичный экзамен, чтобы вступить в члены

Римской Академии. Рисунки, офорты, проекты, модели Баженова произвели на экзаменаторов сильное впечатление: провозглашение имени нового члена Академии, первого из России, итальянские архитекторы встретили аплодисментами. Заслуги и таланты Василия Баженова были отмечены особо. Ему выдали не простой диплом члена Академии, а наградили званием академика с привилегией «быть мастером и профессором архитектуры как в Риме, так и везде».

Вскоре же был он избран членом Флорентийской и Болонской академий.

Молодой профессор мог ликовать, но, увы, у него не было в ту пору лишней копейки, чтобы отметить свое торжество. В Петербурге он по-прежнему числился адъюнктом, и по-прежнему деньги из России очень опаздывали. И когда кончились занятия у русского посла в Париже пятсот ливров, он едва не угодил в долговую тюрьму. Пришлось продать кое-что из личных вещей, неприкосновенным остался только сундук с книгами и гравюрами. К счастью, подоспел очередной вексель от Кокорина, иначе академику и профессору нескольких академий пришлось бы отправляться в тюрьму вместе с бродягами и нищими.

Впрочем, Баженов не унывал, бодрости духа не терял, хотя питался и одевался более чем скромно, хуже, чем в Париже. В Италии было все дороже. Зато теперь он стал европейской знаменитостью. Ни один из соотечественников не имел таких почестей и званий, как Василий Баженов. К тому же он получил из Петербурга разрешение, пробыв в Риме год-полтора, отправиться в путешествие по Италии — «объездить и осмотреть знатнейшие города и академии».

Александр Кокорин писал своему бывшему ученику: «...для вашего сведения нужных вещей в примечании в разных местностях время проводить, при сем от академии (Петербургской. — С. Р.) рекомендуется стараться вам ...иметь для лучшего сведения в вашем искусстве от профессоров, у которых вы были и ныне находитесь, аттестаты».

Чего-чего, а аттестатов у него хватает! Уже четыре европейских академии признали его, да какие академии! А ведь Баженову еще и тридцати нет. Не стыдно будет на родину возвращаться, в родную Академию. Помогли бы чуть-чуть деньгами перед поездкой, а уж он свое дело сделает. И пишет Василий Баженов очередное письмо в Петербург, новому президенту Академии, Бецкому, сменившему Шувалова. В письме этом он объясняет, отчего у него долги, как трудно ему существовать при римских ценах, как непомерно лихоимство банкиров, взимающих незаконно большие проценты при оплате петербургских векселей: «Сие все могло бы весьма вредствовать мне и в ученье, также и в

объезде для осмотра околичных там примечания достойных зданий, если бы я напоследок не нашел доверенности в тамошних жителях и не получал от них по нескольку в долг».

Снова — в дорогу! Модели оставлены на хранение в Академии святого Луки. С собой Баженов захватил только заветный сундук, купленный при отъезде из Парижа. В нем стало тесно: прибавилось рисунков да и «журнал вояжа» потолстел.

Прощай, Рим! И хоть в фонтан Треви Баженов бросил монетку, он понимал, что вряд ли ему когда-нибудь снова будет суждено увидеть купол святого Петра, войти в полумрак Темплетто, бродить у стен Колизея.

Несколько месяцев путешествовал по Италии архитектор. Стояла весна 1764 года. Голубое небо, голубые горы и поля, одетые свежей зеленью. Весну сменило жаркое лето. А он все ехал и ехал, от города к городу, открывая для себя новые чудеса искусства. Генуя, Пиза, Парма, Тоскана, Флоренция, где Василий Баженов задержался дольше обычного. Великий город, родина Ренессанса! В галерее Уффици архитектор подолгу простаивает перед творениями Боттичелли, Пьеро делла Франчески, Рафаэля, Микеланджело, Мантеньи, в Капелле Бранкаччи и в церкви Санта Мария Новелла его потрясают фрески Мазаччо. А вот и палаццо Веккио, палаццо Риккарди, базилика Санта Кроче, где похоронен Микеланджело. Зачарованный, стоит Василий Баженов перед собором Санта Мария дель Фьоре с куполом Филиппо Брунеллески и стройной башней — кампанилой. Великая эпоха рождает великую архитектуру — это так очевидно здесь, во Флоренции.

Баженов мечтал побывать в Неаполе, увидеть раскопки недавно открытых Помпей и Геркуланума, о которых читал у Винкельмана. Но в Неаполе был голод, пришлось от поездки туда отказаться. Зато ему посчастливилось попасть в Венецию, проплыть в гондоле по ее каналам, увидеть диковинное узорочье Дворца дожей, напомнившее ему пышную резьбу древнерусской архитектуры. Вот уж неожиданное сходство! В Венеции много, однако, таких построек, которые чем-то отдаленно напоминают старомосковские.

В Венеции путешествие Баженова прервалось. Денег, на которые он очень надеялся, не оказалось — банкиры только руками разводят: ждите, когда переведут. А ждать было уже невозможно. В дороге Баженов окончательно истратился, терпел крайнюю нужду, голодал, порой оставался без ночлега, платье и башмаки требовали срочной починки. Но мир не без добрых людей: помог некто Валериани, майор русской армии, он одолжил Баженову пятьдесят червонцев. Денег этих едва хватило, чтобы добраться до Парижа. О том, чтобы продолжать путешествие, нечего было и думать... «Сия сумма, — докладывал он в Петербург, — была не

столь велика, чтобы можно долго ею довольствоваться: должно было ею жить и из оной употребить на дорогу». Дорога же оказалась настолько опасной, что Василий Баженов уже и не чаял вернуться домой живым.

Дилижанс еще не успел запылиться — он едва выехал за городскую черту Венеции, — когда четверо молодчиков в низко надвинутых шляпах преградили дорогу. В руках разбойников мелькнули ножи и пистолеты. Баженов был горяч, бесстрашен, силен. Решение пришло мгновенно: он резко откинул дверцу дилижанса, сбив ею с ног не ожидавшего сопротивления разбойника. Другой выстрелил, но чересчур поспешно: пуля звякнула о железное колесо. Баженов с яростью кинулся на стрелявшего, тот счел за лучшее бросить пистолет и бежать к рощице, где наготове стояли лошади. К счастью, на дороге неожиданно появился конный разъезд. Остальным разбойникам с угрозами и проклятьями пришлось скрыться. Две спутницы Баженова, пожилые монахини, благодарили своего спасителя. Возница, на смерть перепуганный, отказывался ехать дальше, он непременно хотел вернуться в Венецию. Его с трудом уговорили за солидную плату продолжить вояж.

Начальник разъезда, молоденький офицер, посоветовал Баженову нанять за плату провожатых солдат и сказал, что шайка наверняка будет подстерегать его снова, чтобы отомстить за пережитый позор. Так и случилось: бандиты опять объявились и преследовали дилижанс до самой границы, и если бы не охрана, расправились бы они с Баженовым по-разбойничьи. Конечно, Василию Ивановичу было уже не до памятников искусства, приходилось, подбадривая возницу, мчаться во весь дух не останавливаясь. Наконец разбойники отстали. Архитектор расплатился со своими телохранителями, которые тут же отправились в придорожную трактирию выпить вина.

Баженов пересел в другой дилижанс и поспешил во Францию. Через несколько дней в уютном парижском кафе он со смехом рассказывал о своем дорожном происшествии Федору Каржавину, который встретил его как старого друга.

В Париж Василий Баженов въехал не так, как четыре года назад, когда он впервые прибыл сюда с Антоном Лосенко. За четыре этих года скромный юноша, пенсионер русской Академии художеств, приобрел европейскую славу. Тотчас состоялся прием в Академии, где его горячо обнимал и приветствовал недавний учитель Шарль де Вайи.

— Горжусь вами, сир Базиль, — сказал он Баженову.

Де Вайи позаботился о том, чтобы русского архитектора принял в Версале Людовик XV.

Король был любезен, сказал несколько лестных слов в адрес

русских художников. После мытарств и нищеты, испытанных Баженовым в дороге и в первые недели полугодной парижской жизни, он не очень-то ловко чувствовал себя на версальской аудиенции. Если бы не Каржавин, уступивший ему свой кафтан, ему бы не в чем было явиться к французскому королю.

На следующий день после встречи в Версале Шарль де Вайи пригласил Баженова к себе в ателье и передал ему предложение Людовика XV вступить в должность королевского архитектора.

— Я благодарен его величеству за столь лестное предложение, — ответил Василий Баженов, — но принять его не смею, меня ждут в России.

— Не ожидал от вас другого ответа, — сказал де Вайи. И добавил с иронической улыбкой: — А меня ваша императрица приглашает в Петербург. Думаю, вы меня с успехом замените.

Они рассмеялись и расстались друзьями.

Баженов не собирался долго задерживаться в Париже, но средств на возвращение в Россию не было. Приходилось снова ждать, когда петербургская *alma mater* наконец вспомнит о своем пенсионере. Пока же архитектор писал в Академию слезные письма, напоминая о тяжком безденежье: «...не получил же равномерно и столь ожидаемых мною из Императорской Академии денег. Таким образом, неминуемо принужден был продавать за бесценок нужнейшие мне вещи и самые книги, чтоб тем сколько можно еще пробавляться и не умереть хотя уже с голоду».

Так продолжалось семь месяцев. Однажды Баженов не выдержал: заложил свой драгоценный сундук со всем содержимым — книгами, рисунками, эстампами. Там же был и «журнал вояжа» по Италии. В срок денег не достал, и сундука уже больше не видел. Для архитектора это было ничем не восполнимой потерей.

Новый, 1765 год Василий Баженов встречал еще в Париже. В феврале, потеряв всякую надежду на то, что о нем вспомнят в Петербурге, он написал генералу Бецкому довольно резкое письмо, которое кончалось словами: «Я не знаю, какое Императорская Академия имеет в рассуждении меня намерение, и не могу иначе из того заключить, как только, что я совсем оставлен».

Письмо возымело действие. Через месяц откликнулся конференц-секретарь Салтыков, он обратился с просьбой к русскому послу в Париже «взять на себя труд, исправя нужды» адъютанта Баженова, «отправить сюда на первых кораблях, дав ему на дорогу, до Санктпетербурга».

«Первые корабли» были в мае. Федор Каржавин, решивший вместе с Баженовым вернуться в Россию, записал в своем дневнике: «Поехал из Парижа с улицы святого Степана Дегре от Франсуазы Карбоние в пять часов пополудни 1 мая».

Фиакр катил по пустынным, предрассветным улицам Парижа. Звонко цокали копыта по влажной булыжной мостовой. Над Сеной вставал туман, мелькнул силуэт Нотр-Дам. Может быть, это прощание навсегда. Пусть так, впереди — Россия!.. От одной этой мысли у Василия Баженова сладко защемило сердце.

IV

НЕТ ПРОРОКА В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

Пока Василий Баженов находился за границей, в России многое переменялось. После смерти в 1761 году Елизаветы Петровны престол наследовал ее племянник, голштинский герцог Карл-Петр-Ульрих, ставший императором Петром III. Внук Петра Первого мало в чем походил на своего великого деда. Заурядный, недалёковидный политик, он был чужд всему русскому и не скрывал этого. Опрометчиво унижая русскую гвардию, он очень скоро почувствовал ее силу — летом 1762 года Петр III бесславно закончил свое императорство. Дворцовый переворот совершился без шпaga и выстрелов. Через несколько дней гвардейские офицеры братья Орловы без свидетелей прикончили арестованного царя в загородном дворце в Ропше. Престол был отдан его жене — принцессе Ангальт-Цербстской, ставшей Екатериной II Алексеевной. «Мать отечества», как ее называли льстивые царедворцы, всячески стремилась показать свою любовь к России, к делу Петра Великого. Свое царство она обещала сделать эпохой народного благоденствия. Ее меценатство, переписка с Вольтером, Дидро, Даламбером должны были показать Европе лицо просвещенной монархини, для которой процветание науки и искусств есть высшее благо.

Со дня маскарадного шествия на масляной неделе 1763 года в Москве, названного придворными пиитами «Торжествующая Минерва», за Екатериной утвердилось это сравнение с античной богиней мудрости. «Российская Минерва» окружила себя новыми людьми. Елизаветинские вельможи и среди них Иван Иванович Шувалов оказались в опале или не у дел. Шувалов был отставлен от Академии художеств и отпущен за границу. Его место занял генерал-поручик Иван Иванович Бецкий, галломан, много лет проживший во Франции, России не любивший и совершенно ее не знавший. Он был не чужд западных просветительских идей, склонен к риторике, галантен. В своем письме к знаменитой в то время держательнице парижского литературного салона Жоффрэн, хорошо знавшей Бецкого, императрица написала: «Я встаю всегда в 6 часов утра, читаю и пишу одна до 8;

потом приходят ко мне с докладами, и это продолжается до 11 часов и более, после чего я одеваюсь. По воскресеньям и праздникам я хожу к обедне, а в другие дни выхожу в приемную комнату, где обыкновенно дожидается меня целая толпа людей; поговорив с ними полчаса или три четверти, сажусь за стол, а по выходе из-за него является гадкий генерал (Бецкий), для моего научения берет книгу, а я свою работу. Наше чтение, если не прервется приходом писем или другими препятствиями, продолжается до пяти часов с половиною, затем я иду в театр или играю в карты, или болтаю с кем-нибудь до ужина, который оканчивается до 11 часов, когда я ложусь спать. Не сердитесь на генерала Бецкого, которого вы так браните (вероятно, за то, что не пишет), действительно он страшно занят не только служебными делами (по Канцелярии строений), но еще множеством новых учреждений и проектов; мы его зовем детским магазином».

«Детским магазином» Бецкого называли за его страсть к педагогическим сентенциям, заведению разного рода училищ — он, как и сама «Российская Минерва», мечтал о славе просветителя. Правда, русское юношество он собирался воспитывать на французский лад и на французском языке. Отечественную культуру генерал не понимал и был далек от нее не меньше, чем те иностранные учителя, которым он доверял обучение в учреждаемых учебных заведениях. Одно из них — Воспитательное училище — открылось при Академии художеств в бытность В. Баженова за границей. Принимались туда дети не старше пяти-шести лет, из дворянских семей. Разночинцев генерал Бецкий не любил и постарался побыстрее разогнать талантливых питомцев шуваловской академии, в основном — разночинцев. Следуя модным идеям, президент стремился в стенах училища воспитать «новую породу», неких идеальных граждан, служителей монархии. Для этого, как он полагал, их надо изолировать от окружающей жизни, от вредных влияний действительности и приставить к ним французских гувернеров. Благонаравие при этом ценилось больше, чем художественная одаренность, которую нелегко было разглядеть в пятилетнем ребенке.

Пристрастие Бецкого ко всему иностранному вызывало протест у патриотически настроенных людей, у поколения, верившего, что «может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать». Один из воспитателей будущего императора Павла I, молодой офицер, учитель математики Семен Андреевич Порошин, горячий патриот России, рассказал в своих «Записках», как однажды Н. И. Панин и А. П. Сумароков разговаривали о Воспитательном училище и его директоре Кювильи, французе-обойщике. Сумароков назвал Кювильи

«такой бестией и певежей, какой другой нет в России». Никита Иванович Панин ответил, что Бецкий доволен французом. Это вызвало язвительное замечание Сумарокова: «Кювилья надобно метлами отсюда вон выгнать, а Бецкого под присмотром разумного и основательного человека определить на его место». Еще промолвил Александр Петрович: «Есть-де некто Тауберт (враг и соперник Ломоносова в Академии наук.— *С. Р.*),— он смеется Бецкому, что ребят воспитывает на французском языке. Бецкий смеется Тауберту, что он ребят в училище, которое недавно заведено при Академии, воспитывает на языке немецком; а мне кажется, и Бецкий и Тауберт — оба дураки: должно детей в России воспитывать на языке российском».

Галломанство президента Академии было столь явным и вредным, что послужило поводом для сочинения Ф. Эмином басни «Сон», появившейся как раз в год возвращения Баженова на родину. Сатира была иносказательной, деятели тогдашних академий наук и художеств в басне изображались под видом животных, но современники прекрасно понимали, что «прожорливый волк» — это немец Тауберт, который ненавидел «тамошних зверей». Легко узнавали и Ломоносова — он «имел вид и душу человеческую; он был весьма разумен и всякого почтения достоин», но «ученые скоты» ненавидели его за то, что «родился в тамошнем лесу».

Пришлось сатирику: сухощавая старуха завезла его в «новозаведенное собрание (Академию художеств), где разным художествам разных животных обучали...». Про Бецкого сказано: «Этого собрания главный член... своих животных не любит и весьма пристрастен к чужелесным».

Василию Баженову, как ни велика была его слава, встреча с Петербургской Академией художеств не сулила больших удач. Все-таки он — из шуваловской когорты, разночинец и, несмотря на блестящее знание французского и итальянского, предпочитает изъясняться по-русски.

Но Баженов — обладатель дипломов лучших иностранных академий, от него нельзя отмахнуться, его нельзя не заметить.

Василия Баженова радуют встречи с друзьями, художниками и архитекторами, хочется узнать новости петербургской жизни, увидеть новые постройки и среди них не завершенное еще здание Академии по проекту его учителя Кокорипова и Деламота. Хорошо, что они по-прежнему ведут архитектурный класс, а Кокоринов, как прежде, — ректор. Ушел в отставку обер-архитектор граф Растрелли — два года назад уволен от всех занятий за старостью и слабость. Сорок восемь лет работал он без устали, строил в обеих столицах, в Киеве и других городах. За верную службу получил тысячу рублей ежегодной пенсии.

За месяц до возвращения Баженова из Парижа, в начале апреля, умер Михайло Ломоносов. Горькая для Баженова весть, болью отозвались в его сердце слова из записки Ломоносова, найденной после смерти в его бумагах: «За то терплю, что стараюсь защитить труд Петра Великого, чтоб выучились россияне, чтобы показали свое достоинство».

С первых дней пребывания на родине, в Петербурге, Василий Баженов жил как в лихорадке. Через два месяца предстояла инаугурация Академии — второе ее рождение — по данному Екатериной II регламенту, штату и уставу. Период шуваловской академии, семь ее первых лет словно бы не существовали — «Российская Минерва» непременно хотела торжественную акцию открытия Академии художеств присвоить своему царствованию.

К инаугурации предстояло капитально оформить фасад и внутренние помещения недостроенного академического здания. Дело это было поручено едва сошедшему с корабля Баженову. В хлопотах пролетели май и июнь. Топоры на берегу Невы стучали с рассвета до полуночи — благо, белые ночи позволяли работать чуть ли не круглые сутки.

За несколько дней до открытия Академии состоялось публичное заседание Академического совета. Сохранилось «Извлечение из журнала публичных собраний», помеченное 25 июня 1765 года. В этот день «господа члены Совета» признали почетным любителем художеств цесаревича и великого князя Павла Петровича. «Того же числа, — гласит «Извлечение», — приняты в достоинство академиком Академического собрания Василий Иванович Баженов, исторический живописец Гаврила Игнатьевич Козлов, портретные живописцы Федор Степанович Рокотов, Кирилла Иванович Головачевский, Иван Семенович Саблуков». И вновь мог повторить Василий Баженов: «Академия художеств мною первым началась». Но все-таки обидно: в Париже и Риме его раньше признали академиком, чем на родине.

Двадцать восьмого июня, в день восшествия Екатерины II на престол, состоялась инаугурация Академии трех знатнейших художеств — живописи, скульптуры и архитектуры. Накануне Академия пригласила на торжество «чрез печатные листочки» к девяти часам предполуднем членов святейшего синода и правительствующего сената, придворных, гофмейстеров, фрейлин, чужестранных министров, послов, «первые четыре класса с супругами, пятый класс — без супругов», лейб-гвардии кадетских шляхетских корпусов офицеров, всех членов Академии наук, художников.

Готовилось грандиозное действо, пышный церемониал, какие так любили в XVIII веке. Открытие новых учреждений, учебных заведений, заложение крупных зданий, ансамблей, кораблей, не

говоря уж о коронациях и празднествах по случаю частых побед русского оружия, сопровождалась подобными инаугурациями, маскарадами, фейерверками, «живыми картинами» с драматическими сюжетами из истории и прочими зрелищами.

Ко дню инаугурации Баженов едва успел с оформлением невольского фасада Академии в виде двадцати четырех деревянных портиков с аллегорическими статуями, изображающими, в духе времени, Натуру (природу), Студиум (ученье), Амицицию (дружбу), Артеc (искусства и ремесла). Коринфские колонны портиков были отделаны зеленым египетским мрамором, капители и базы вызолочены, колонны, кроме того, увиты зеленью, украшены фестонами. В серебристых урнах адели цветы. Балюстрады перед зданием покрыты красным сукном. На балконах — трубачи в богатой ливрее с надраенными трубами, ослепительно сверкавшими на утреннем солнце. Балконы украшены зеленым штофом, по краям обложенным золотыми галунами. В ожидании императрицы на специально сооруженной пристани и на набережной перед зданием пестрая толпа генералов и офицеров в парадных мундирах, придворных дам, юношей из Воспитательного училища в синих кафтанах.

Балтийский ветер играет гирляндами, лентами, шелестит в дубовых венках, рябит Неву, качает военные яхты напротив Академии. Все смотрят в сторону Зимнего дворца, откуда стремительно приближается шлюпка с императрицей. Гребцы работают дружно, над водой часто посверкивают мокрые весла. Шлюпка подлетает к пристани, молоденький мичман первым выпрыгивает на дощатый настил, перекидывает трап с резными перильцами. Навстречу Екатерине спешит генерал Бецкий, за ним — члены Академического совета в полном составе, профессора архитектуры Кокоринов и Валлен-Деламот, профессор скульптуры Жиллет, профессор живописи Тореллий, конференц-секретарь Салтыков, академики, в их числе и Василий Баженов, оказавшийся рядом с Федором Рокотовым. На балконах ударили литавры, вскинули трубачи свои медные трубы, грянули марш.

Вся процессия потянулась от пристани к месту, где предстояло заложение академической церкви. Здесь, на площади, установлен стол, на малиновом сукне — пять золоченых блюд. На первом поблескивает медная скринка с медной доской, на основании которой выгравирована надпись — по-русски и по-латыни. На втором блюде — деньги и медали, медные, серебряные, золотые, в память события; камень из порфира, в размер кирпича, с вензелем императрицы — на третьем блюде, на остальных — золотые лопатки, два золотника, известь.

Священнослужители кропят фундаменты святой водой. Президент Академии укладывает медную доску на основание Акаде-

мни в приготовленное гнездо. Екатерина с обворожительной улыбкой золотой лопаткой кладет на доску известь и поверх — порфиновый кирпич. С яхт на Неве палят пушки — тридцать один выстрел.

Ветер быстро сносит пороховые дымы в сторону залива. Под шумечную канонаду, лейб-гвардейское «ура» и гром оркестра Екатерина со свитой входит в здание Академии. Здесь еще один оркестр с певчими. В галереях выставлены картины, в конференц-зале в золотой раме — портрет императрицы, а вокруг него — гирлянды роз и лилий.

Посреди зала установлено подобие царского трона — резное кресло под багдахином с короной. Кресло стоит на покрытом бархатом постаменте и потому сильно возвышается над длинным столом, на котором заготовлены для главной части церемониала устав Академии художеств, написанный на пергаменте, большая академическая печать — символ вольности и привилегий, дипломы профессорам, конференц-секретарю и академикам. Екатерина заметно возбуждена, ей нравятся публичные торжества, нравится, как все хорошо устроил ее любимец. Вот он рядом, ни на шаг не отстает, ласков и внимателен к наследнику, который заворочен праздничным зрелищем.

Екатерина поднимается на постамент, ее атласное платье мягко стелется по малиновому бархату. «Минерва» занимает свое место на российском Олимпе, как сказал бы Александр Петрович Сумароков. Он тоже здесь, в толпе царедворцев, со свитком в руке — приготовился читать хвалебную оду Екатерине.

Одиннадцатилетний Павел встал слева от кресла, Иван Иванович Бецкий — справа. Секунд-майор, он же конференц-секретарь Салтыков читает данные Академии привилегии. К искусству секунд-майор имеет весьма отдаленное отношение, зато не прочь поинтриговать и по-французски знает великолепно. Бецкий им доволен.

Чтение привилегий окончено. По знаку, данному с балкона, снова ударили пушки на яхтах. Горьковатый запах дыма, смешиваясь с тонким запахом парижской пудры, заполняет конференц-зал.

Качаются яхты на невской волне, усердно палят канониры: им приказано произвести семьдесят один выстрел! Наконец, стрельба окончена, гулким эхом мечется между берегами последний выстрел. Наступает минута, ради которой затеяно все это пышное зрелище. Президент объявил, что императрица жалует грамотами профессоров и академиков Баженова, Козлова, Рокотова, Головачевского, Саблукова.

Василий Баженов — он вновь первый — получает из рук Екатерины грамоту на звание академика. Это его пятый академи-

ческий диплом, ни один из его современников так не отмечен. Как счастливо все складывается! Теперь его, наверное, назначат профессором Академии.

Грянули певчие, затем гоф-маршал мощным протодиаконским басом пригласил всех гостей и участников церемониала к столу. Как сообщает очевидец событий, «стол был накрыт в двух галереях на 100 кувертов, при котором многие знатные дамы и кавалеры, также и члены сей Академии трактваны были. При питии же за высочайшее здравие Ее Императорского Величества и Его Императорского Высочества производилась с яхт пушечная пальба. После стола потчиваны были все бывшие при столе кофем. Потом разъехались».

Восемь дней пускали народ в Академию — «для удовольствия всей публики», так как «люди всякого звания допущены». Дежурный профессор и два академика — выпал такой день и Баженову — показывали посетителям зал, где произошло историческое событие учреждения Академии, медали и жетоны на основание. На одной стороне медали было выбито: «Екатерина II Покровительница»; на обороте — камень со знаками трех художеств и надпись: «так тверды пребудете». Памятные жетоны роздали бывшей на карауле роте лейб-гвардии и экипажам яхт.

Через день после инаугурации академики были лично представлены Екатерине и наследнику. Высокий, статный красавец, европейски воспитанный, Баженов произвел на всех сильное впечатление. Он очень понравился юному Павлу, и это через много лет сыграло немалую роль в судьбе Баженова.

Павел Петрович, любознательный подросток, любивший рисование и строительные забавы, стал приглашать к себе молодого академика архитектуры. Наследник русского престола интересовался жизнью за границей, просил Баженова рассказывать о Париже, тамошних дворцах и зодчих, о древностях Рима. Василий Баженов был хорошим рассказчиком. Многие суждения и реплики Павла, воспитанного в придворной среде, раздражали Баженова и вызывали его протест. Он стремился будущему царю внушить уважение к науке и искусству, к русским ученым и художникам.

Воспитатель наследника С. Порошин в своих записках рассказал о посещении Павлом Академии через несколько недель после инаугурации: «Поехали в Академию художеств. Встретил там государя цесаревича Ив. Ив. Бецкий со всем своим собранием. Все весьма было чинно и церемониально. Известно, что Ив. Ив. располагать церемонии и глазам делать увеселение весьма искусен».

На заседании Академического совета баллотировали нового директора. Больше число баллов получил А. Кокоринов. «...Сим

заседание кончилось. Пошли смотреть картины, писанные с натуры. Потом смотрели чертежи нововыезжего из чужих краев нашего архитектора г. Баженова, которые подлинно хорошо расположены и вымыслены, и от всех присутствовавших во многом числе дам и кавалеров общую похвалу получили».

Василий Баженов, увенчанный лаврами европейской славы, восторженно принятый на родине, имел все основания считать, что вслед за званием академика его назначат профессором. Ведь профессорскую кафедру ему предлагали еще в Риме. Пока же он оставался адъюнктом и Академический совет не спешил предложить ему место профессора.

Из объяснения с Александром Филипповичем Кокориновым Баженов понял, что есть люди, которые не хотели бы видеть его профессором Академии: видимо, он не проявил достаточного почтения к новому президенту и не очень лестно высказался о его нововведениях, особенно о Воспитательном училище. Сделала свое дело и зависть — многим не хотелось видеть возвышения слишком уж молодого академика, хватит с него почестей, полученных во Франции и Италии. Не дай бог, он еще займет место ушедшего в отставку графа Растрелли.

Впрочем, формальных поводов для отказа у Академического совета не было. Решили назначить Василию Баженову испытание, своего рода экзамен.

А ведь еще в 1763 году в ответ на письмо Баженова из-за границы, в котором тот сетовал, что ему обидно по его успехам получить лишь звание адъюнкта, Кокоринов писал своему воспитаннику: «Что ж изволите находить себя обиженным и печалиться в рассуждении, что вы Академиею произведены адъюнктом. Извольте мне верить и продолжать вашу прилежность без огорчения, потому что вас Академия хотя считает как пенсионера, однако ж она вас не ожидает адъюнктом, а надежна (надеется. — С. Р.) вас получить профессором в архитектуре, что и рекомендую вам для чести нации и собственной пользы стараться до того себя своею прилежностью довести, что вы могли привезти с собой в Академию как от Римской, так и от других знатнейших Академий дипломы на профессорское ваше достоинство, которые, без сомнения, и в нашей Академии силу и действие свое в честь вашу иметь будут». Увы, заграничные дипломы оказались бессильными. Предписано было Василию Ивановичу Баженову доказать свои профессорские права. «Был три месяца во экзамене, — с горечью констатировал Федор Каржавин. — Россиянину перед иностранными преимуществами не дано».

Кокоринов и Валлен-Деламот составили специально для Баженова «программ» — проектное задание — сочинить проект увеличительному дому в окрестностях Екатерингофа. По замыслу,

это был небольшой императорский дворец, с парком, каналами, зверинцем. В самой этой программе уже явственно чувствуется сильное влияние классицизма с его требованиями рациональности, вниманием к удобствам, к сдержанности в декоративном оформлении.

Увеселительный дом, предложенный Баженову для проектирования, был «величины посредственной, не более как 15 сажень длины и в 7 или 9 ширины, вышины по пропорциям, в 2¹/₂ этажа». При доме предлагалось построить два флигеля, конюшни, сарай, караульни. Особо — в духе требований классицизма — оговариваются условия жизни во дворце и флигелях: «...два небольшие апартаменты с удобным расположением всего, что спокойствие и нужда требуют, изыскивая всевозможнейшие средства для спокойного, здорового и приятного пребывания», «к удовольствию генерально всех и каждого».

Задание, сформулированное Кокориновым и Деламотом, свидетельствует о передовых взглядах петербургских зодчих, их способности чутко ответить на требования времени. Программно звучит задание, что «в сем проекте генерально требуется новый, еще не употребляемый вкус, в величавой простоте, сохраняя красоту, спокойствие и выгодность, наблюдая, дабы как в наружных украшениях, так и внутренних уборах красота с пользой были нераздельны». В этих строчках своих учителей Баженов без труда мог уловить новые эстетические веяния.

К «программу», данному Академией, молодой академик подошел творчески. Едва приступил к работе, тотчас забыл об обязанностях, о несостоявшемся профессорстве. Проект увлек Баженова новизной задачи, масштабом планировочных решений, возможностью на сложном ландшафте расположить большой ансамбль. Три месяца с интересом и увлечением он работал над проектом увеселительного дома, восприняв его не как скромную загородную резиденцию, а как крупный, общественного значения ансамбль. Жажда творчества, мощный размах, воображение, воля создателя — все черты великого зодчего проявились в этой первой большой работе. По ней уже видно, что архитектор смел, обладает культурой и профессиональной эрудицией, хорошо знаком со строительной практикой. Его фантазия покоится не на песке, а на прочном основании, ему под силу любые художественные задачи, потому что он без особого труда решает и технические. Красота с пользой у него и в самом деле нераздельны, как того требовали в своей программе Кокоринов и Валлен-Деламот.

К семи чертежам Баженов представил записку, в которой он не только объясняет проект Екатерининского дома, но и высказывает свои взгляды на архитектуру и строительное дело.

«Воображая по заданной мне сему программе и положению места, что сей дом должен быть увеселительный, ионического ордера, иметь зверинец и стоять в роще, вздумал я основание его представить развалинами древнего Дианина храма, и для чего поднять его гораздо выше фундаментом, как назначено в профиле...». Баженов не зря так подробно изучал античность. Храм Дианы в Эфесе архитектор часто вспоминал в своих работах, полагая его одним из величайших образцов зодчества.

Итак, увеселительный дом в Екатерингофе будет покоиться как бы на «античных развалинах». Сказалось увлечение творчеством Пиранези, впечатление от недавних прогулок в окрестностях Рима. Конечно, образы Вечного города, перенесенные на топкую, болотистую землю Петербурга, выглядели романтически-наивно, но классическая древность казалась архитекторам того времени высшей добродетелью, единственной и вечной истиной искусства. Баженов, сын своей эпохи, творил и мыслил в полном согласии с ее эстетическими идеалами.

«Предписанную мне сему дому четырехугольную фигуру, — писал Василий Иванович в объяснительной записке, — переменял я на круглую, изображающую внутри андреевский орден, потому что оный [дом] имеет быть обиталищем ее Императорского величества». Баженов не случайно меняет план здания — из четырехугольника в изысканный овал: проявилась его любовь к круглым фигурам, которые навсегда остались частью его архитектурного мышления.

Зодчий опирается на новые каноны классицизма, в основном палладианские. «Пропорции сему дому я дал Палладиева вкуса, кой (который. — *Р. С.*) в строении увеселительных домов более других я почитаю». Баженов прямо говорит, что отошел от заданной программы, следуя собственным вкусам и представлениям: «...во многих же местах пропорции данные мною по моему усмотрению».

Однако и в планировке парка и в расстановке аллегорических статуй, изображающих известные тогда части света, в устройстве фонтана «на вкус фонтана Де Треф в Риме» — во многом еще чувствуется дыхание барокко, сила венецианских впечатлений. «Сей дом обнес я каналами как для способности лучше проезжать к нему водою, так и чтоб дать ему течением воды живность и открытый вид итальянских строений».

Прекрасный рисовальщик и живописец, Василий Баженов немало внимания уделил в своем проекте монументальному искусству, выбрав места для барельефов, статуй, детально разработав их сюжеты. Синтез искусств был необычайно органичным в его творчестве, потому что зодчего в нем дополнял художник. Колонны запроектированного амфитеатра украшались гербами

русских городов, четыре дворцовых портика — Славами, летящими «в четыре части света» на крылатых конях — они символизировали славные дела Российского государства, его победы и силу. На «круглых островках» перед дворцом должны были стоять статуи Геркулеса и Дианы и «амфитеатр древнеримского вкуса для травления диких зверей». И вновь — античные мотивы, римские воспоминания.

Украшая здания дворцового ансамбля, Василий Баженов не забывал и о практической пользе, о таких деталях, которые показывают в нем опытного практика-строителя. Ничто не забыто им — ни спальни для знатных гостей, ни помещения для слуг; подле столовой у него расположен «кабинетец... для разогревания кушанья», спальни, бани, гостиные, залы, буфеты, комнаты «для отдохновения» — все это удобно и рационально.

Учитывая, что местность была болотистой, архитектор предусматривает специальную систему для предохранения зданий, садов и парков от сырости. Он считает, что «должно поднять землю везде, где строение будет...», что сырое место «каналами же осушить его скорее можно и истребить столь вредную для жилья гнилость». Предусматривает он и меры против наводнения.

Во всех отношениях проект увеселительного дома Василию Баженову удался. И фантазию художника, и трезвость строителя, и вкус, и эрудицию, и умение использовать ландшафт — все проявил зодчий. «Программ», заданный Кокориновым и Деламотом, был выполнен блестяще. Совет Академии, рассмотрев «проект с рисунками и изъяснением», одобрил его и, как следовало ожидать... отправил в архив. Так первое архитектурное сочинение Василия Ивановича Баженова, не увидев света, осталось лишь замыслом, лишь творческим порывом, которому не суждено было осуществиться в камне. И это стало печальным предзнаменованием его творческой судьбы: лучшие труды архитектора не воплотились, чертежи рассеялись или на десятилетия осели в архивах, идеи остались втуне или использованы были другими.

Напрасно ждал Баженов, что за проект Екатерингофского дворца ему хотя бы дадут обещанную профессорскую кафедру. И кафедры не дали — значит, весь экзамен, весь «программ» был лишь фикцией, обманом. Ему, европейски известному мастеру, не дают места в Петербургской Академии! Поистине нет пророка в своем отечестве...

— Не все от меня зависит. Подожди еще, все устроится, — не очень уверенно утешал Баженова Александр Филиппович Кокоринов.

Стояли они в зале, где совсем еще недавно, в день инаугурации Академии, Василия Баженова восторженно встречали, на-

граждали. Баженов понимающе покачал головой и молча вышел. Не оглядываясь он шел по невшскому льду на другой берег. Больно и тяжело было ему, мечтавшему учить русское юношество, оказаться вне степ родной Академии. Горькая обида заставляла его на долгие годы расстаться с ней. И хоть он числился академиком, но только на склоне лет Баженов смог вернуться в Академию художеств.

* * *

После разрыва с Академией Баженов почти год «искал работы на воле по Петербургу», как отметил его друг Федор Каржавин. Ему хотелось строить, но заказы предлагались мелкие, не занимавшие воображения. Однако средств к существованию не было и особенно выбирать не приходилось. Для богатого помещика Тишнина архитектор спроектировал усадьбу с триумфальными воротами в его волжском имении. Архитектор не выезжал на место, а передал чертежи и рисунки через известного гравера М. Махаева, запечатлевшего на своих гравюрах многие городские пейзажи тогдашнего Петербурга. Судя по письмам Махаева к помещику Тишнину, Василий Иванович Баженов уже имел репутацию знаменитости, одного из законодателей входившего в силу классицизма — «без многих украшений».

В апреле 1766 года гравер сообщает своему корреспонденту, что архитектор работает над чертежами «для его императорского величества в Каменному Острову», — Павел поручил эту работу Баженову более года назад, когда наследник престола знакомился в Академии с проектами и рисунками вернувшегося из Парижа зодчего. Каменноостровский дворец начали строить по проекту Баженова, но стройку вел архитектор Ю. Фельтен, который внес в него немало изменений на свой вкус. Строительство шло пятнадцать лет, и Баженов, занятый в эти годы другими делами, не мог влиять на его ход. И хотя некоторые детали в архитектуре дворцового ансамбля сохранились баженовские, все же Василий Иванович не склонен был считать Каменноостровский дворец своим детищем.

Не раз случалось в творческой жизни Баженова, что по созданным им проектам строили другие. Так авторство многих его произведений оказалось неясным для потомков, запутанным для исследователей, отчего и поныне ведутся вокруг баженовского наследия ученые споры: одни «отбирают» у зодчего его постройки, другие торопятся «вернуть» их ему, заодно приписывая еще что-нибудь весьма посредственное.

Но слава Баженова уже неколебима, и к ней — ни прибавить, ни убавить.

Как ни соблазнительно было оставаться «на воле», все же нужда и жажда большой, с размахом работы заставили Василия Баженова принять предложение Григория Орлова, всемогущего в ту пору фаворита Екатерины, шефа артиллерийского ведомства: Баженов стал «архитектором при артиллерии» с чином капитана.

Орлов, возведший на престол Екатерину, был всемогущ, и его поддержка многое обещала. Об образованности этого богатыря, покоровившего сердце императрицы, говорить не приходилось. Но по примеру Екатерины Орлов покровительствовал искусствам, закупал картины и статуи. Талантом Баженова он мог воспользоваться для осуществления своих честолюбивых замыслов.

Зодчему было поручено проектировать новое здание Арсенала* на месте обветшавшего старого, в самом конце Литейного. Не пристало великой державе, с которой почтительно говорили все короли Европы, иметь в столице деревянный, петровских времен Арсенал. Дворец для пушек и ядер был спроектирован, но зодчему эта работа не могла доставить радости и удовлетворения — все-таки Арсенал, как ни украшай его колоннами и барельефами, — сооружение специальное, здесь архитектору не развернуться, а задачи, которые приходилось ему решать, были скорее технические, чем художественные.

Как-то Григорий Орлов объявил архитектору:

— Ну, господин капитан, придется тебе от артиллерийской части отворотиться. Государыня надумала строить при Смольном монастыре институт благородных девиц. Так вот, просил я матушку, чтобы тебе прожект дать. Ее величество мне отказать не смеет. — Он весело захохотал. — Для девиц будешь строить, для благородных! Сей же час приступай.

Смольный институт — первая работа Василия Ивановича Баженова после его возвращения из-за границы, в которой он мог по-настоящему проявить себя. Он знал, что за работой его пристально следят императрица и ее фаворит, потому старался доказать, несмотря на разрыв с Академией, право считаться первым зодчим России. Он чувствовал прилив вдохновения, творил легко и артистично.

В мастерскую к нему в эти дни не заходили друзья: они знали, что Василий весь поглощен каким-то новым проектом, рисует, чертит.

Утром ворчал слуга: весь пол, стол и ручки кресел залиты воском, что ж это за порядок бегать из угла в угол со свечами. Да и сгорало их за ночь столько, что в другом доме на неделю бы хватило.

* Здание Арсенала, в котором находился Окружной суд, сгорело в 1917 году.

Месяца через полтора Баженова призвал Григорий Орлов: готов ли проект? Работа не была окончена полностью, но фасад в общих чертах сложился, ясно обозначился и план второго этажа. Орлов остался доволен, сам показал Екатерине рисунки фасадов.

В проекте Смольного Василий Баженов — и он ясно осознал это сам — сумел выработать собственный, баженовский стиль, в котором органично соединились строгая гармония французского классицизма, динамика барокко и пластика, живописность древнерусского зодчества.

— У тебя мундир французский, а душа русская, — сказал о проекте Смольного Федор Каржавин.

— Так, так! — радостно откликнулся Баженов, счастливый тем, что друг верно понял сокровенное в его искусстве. — Главный фасад у меня полуовал — в два крепких крыла, у второго фасада — как бы апсида храмовая, но не круглая, а выступом. Сквозь здание проезд, а по бокам — статуи, они сгусток всего декора, сразу взгляд захватывать должны. Сверху, во втором ярусе, — скульптурам в ответ — пары колонн. Хочу, чтобы весь центр был, как удар литавр, как трубный глас, а крылья, боковые части — как эхо, чтобы затишье в них было, плавность.

Все здание Смольного четко членится на два яруса, по два этажа в каждом. Нижний ярус — мощный горизонтальный пьедестал, с крупным глубоким рустом, дающий зданию крепостную устойчивость. Высокие окна-арки тоже придают дворцу основательность и монументальность. Легкий карниз отделяет нижний ярус от верхнего, с высокими окнами, колоннами — порыв вверх, вертикальность, живое движение всех масс здания.

Над сквозным проездом, там, где главный зал, — торжественный ритм колонн, который переходит в спокойную пластику окон бельэтажа, и вновь возникает — великое чувство гармонии! — в боковых частях здания. От этого композиция воспринимается как цельное музыкальное сочинение. Строго, возвышенно, эмоционально звучит его строй.

Самое поразительное в проекте — планировка, точнее сказать, игра внутренних пространств — залов, ниш, переходов, комнат. Они разных форм, переходят одни в другие с удивительной плавностью, и, кажется, в их прихотливом лабиринте теряется взгляд, но, присмотревшись, видишь жесткую логику, волевою симметрию.

Залы и комнаты круглые, овальные, квадратные, прямоугольные, с уступами и нишами, восьмигранные.

— Блестяще! — восхищался Каржавин. — Но, друг мой, — шутил он, — императрица не отдаст такое здание девицам, полагаю, для своих утех захочет иметь.

Сам Баженов отнюдь не разделял веселого настроения своего друга. Он уже не раз убеждался, что чья-то злая воля с той поры, как он вернулся на родину, мешают его успеху. Правда, теперь у него есть сильный покровитель граф Орлов, но будет он на его стороне, если императрица не пожелает строить Смольный институт по этому проекту? Оставалось только гадать и ждать. И вот известие от Григория Орлова, привезенное дежурным гвардейским офицером: «Строительство откладывается, проект мыслить далее».

Вновь неудача! Нет, видно, ему не суждено построить ничего стоящего! Отчаяние охватило Баженова. Да тут еще из Академии художеств депеша: требуют вернуть деньги, потраченные на парадный мундир ко дню инаугурации.

— Каково издеваются? Я же им остался должен... Ты слышишь, Федор?

Каржавин обнял друга за плечи.

— Не огорчайся, Василий, достанем тебе денег. Веры в себя не теряй, это сейчас главное. А деньги — пустяк. Помнишь, как лихо бывало в Париже, а даже и покутить случалось. Я в твою звезду твердо верю... Важнее всего для архитектора — его идеи. В них — искусство, камень только внешняя оболочка идеи, а дух его вот он, здесь, — показал он рукой на свернутый рулон с планами Смольного.

V

«К ЧЕСТИ ВЕКА»

СИМФОНИЯ ПЛОЩАДЕЙ

Василий Баженов подводил горькие итоги первых лет жизни после возвращения на родину: места в Академии не получил, Екатеринингофский дворец не построен, проект Смольного института, судя по всему, отвергнут навсегда. Разве что чин капитана получил и покровительство графа Григория Орлова. Впрочем, какая польза в этом покровительстве, если ничего не удастся построить?

В один из декабрьских дней, незадолго до Рождества, к Баженову приехал тот самый офицер-гвардеец, который привозил депешу о проекте Смольного.

— Сей же час извольте ехать со мной! — сказал он и невозмутимо принялся веником стряхивать снег с ботфортов.

Баженов заторопился. Он знал, что расспрашивать, куда и зачем его везут, бесполезно — гвардеец все равно не ответит.

Он надел кафтан, накинул шубу. Через полчаса возок остановился у Зимнего.

Во дворце было тепло; несмотря на утро, горели свечи.

— Здорово, Баженов! — зарокотал басом генерал-фельдцейхмейстер. Граф был без мундира, в розовой шелковой рубашке. На щеках его играл румянец. — Собирайся-ка в Москву, — говорил он озабоченно, — скоро там будет весь двор и ее императорское величество. Надобно подготовиться. Прибрать Кремль, прикинуть, где и каким масштабом строить новые Коллегии и, может статься, дворец. В Первопрестольной даже дворца нет для государыни подходящего. Посмотри, кстати, что можно учинить с Арсеналом: щиты небось до сих пор стоят... Собирайся не мешкая.

Баженов поклонился. В канцелярии Орлова он получил предписание, что направляется в Москву «для казенных артиллерийских надобностей».

После Петербурга Москва показалась тихой провинцией. Крупного строительства, кроме Воспитательного дома, не было. В Кремле все было по-старому, как помнил Баженов. Следы Троицкого пожара по-прежнему бросались в глаза. Арсенал был в «худом виде» и, как предполагал Орлов, со дня коронации стоял загороженный деревянными щитами, изрядно подгнившими. Сколько раз принимались за его восстановление! Еще три года назад Екатерина отпустила «для его выстройки и исправления» двадцать пять тысяч рублей. Но дело не подвинулось. Было от чего волноваться генерал-фельдцейхмейстеру: ведь Арсенал числился по его ведомству.

Всюду в городе шел ремонт старых дворцов. В Коломенском строилась летняя резиденция императрицы. Москва готовилась к грандиозному историческому спектаклю, назначенному царским манифестом на июль 1767 года.

Екатерина закончила свой знаменитый «Наказ», написанный под влиянием идей французских философов-просветителей. «Наказ» должен был всему миру показать либерализм и просвещенность российской монархии. Создавался он в дни, когда все чаще гуляли по России крестьянские бунты и восстания, когда исподволь вызревала могучая стихия пугачевщины. Манифест, подписанный 14 декабря 1766 года, призывал специальную законодательную комиссию изучить «Наказ» и сочинить новое «Уложение». И хотя в манифесте императрица уверяла, что ее цель и первейшее желание — видеть народ счастливым и довольным, главная ее забота была об укреплении собственной самодержавной власти и дворянства. Рабство для крестьян признавалось вполне естественным. Манифест повелевал прислать депутатов из сената и синода, коллегий, канцелярий, из всех уездов и городов империи в «первостолычный наш город Москву». Делу-

таты, которым предстояло обсудить императорский «Наказ» и составить новый свод законов, должны были быть не моложе двадцати пяти лет, они навсегда освобождались от пыток и телесных наказаний, получали жалованье от правительства.

Сенат немедленно выразил «благодарение» по поводу манифеста и за монаршее попечение о своих верноподданных. Генерал Бецкий от имени Академии художеств тотчас представил модель монумента Екатерине.

Депутатам назначено было прибыть в Москву к июлю, а двор вместе с сенатом, синодом и петербургскими коллегиями, как и предупреждал Баженова Григорий Орлов, переехал в «первостолличный город» уже в феврале. Постепенно отовсюду съезжались депутаты. В Москве становилось тесно.

Пока съезжались депутаты, Екатерина в сопровождении огромной свиты, около двух тысяч человек, в апреле отправилась из Москвы в путешествие по Волге, приказав генерал-рекетмейстеру Козлову следить за порядком. В Твери она пересела из кареты на судно. С дороги императрица постоянно писала Панину, который остался с Павлом в Москве. Писала о ярославских купцах, о приеме, устроенном в ее честь костромским дворянством. Отметим характерное в застройке Нижнего Новгорода: «Сей город ситуацею прекрасен, а строением мерзок». Хвалила Чебоксары, а еще больше — Казань, откуда написала письмо во Францию, Вольтеру, с рассуждениями о «Наказе», о предстоящей комиссии.

Путешествие царицы продолжалось, и чем ниже по Волге она двигалась, тем восторженней становился тон ее писем — губернаторы и уездное начальство ловко показывали Екатерине лишь то, что могло ей понравиться: «Здесь народ по всей Волге богат и весьма сыт. Никто не жалуется и нужно не терпит». Не хватило «матери отечества» пронизательности: всего через несколько лет поднимется весь этот край на великую крестьянскую войну — не от богатства ли и сытости?

В лесах вишни да розы дикие, земля плодородная, рыбы вкусней не бывает даже на обедах в Петергофе... Очень понравилось Екатерине на Волге. Только Симбирск не понравился: «Город самый скаредный». Здесь путешествие окончилось. В Москву императрица вернулась по суше, загорелая, обветренная степными горячими ветрами, в дорожном запыленном костюме.

Много ходило по Москве разговоров и слухов об этой поездке в Азию, как называла ее сама Екатерина. Говорили, что шестьсот челобитных подано было царице по дороге. Большинство из них — от крестьян, жалобы на притеснения помещиков. Но они оставались безответными. На суды и взятки, на самоуправство

воевод жалоб не было. Все-таки ловко провели свою императрицу начальники — от городничих до губернаторов. «Матушка» могла быть спокойной — в России царит закон и справедливость. Рассказ о путешествии Екатерины Василий Баженов услышал от Каржавина, приехавшего вслед за ним из Петербурга, — у него было немало знакомых из дипломатов, из царской свиты.

— С закрытыми глазами ездила государыня, — заключил Каржавин. — Правды не увидела. А может быть, и не хотела увидеть. Боюсь, что и с новым «Уложением» будет то же. Баженов молча слушал друга. Назавтра ему предстояла встреча с императрицей в новом Коломенском дворце.

Екатерина приняла архитектора в просторном кабинете с высокими окнами, открытыми на Москву-реку. Здесь же были Григорий Орлов и главнокомандующий в Москве П. Салтыков.

На столе, покрытом зеленым сукном, Баженов развернул план Кремля.

— Изволили вы, ваше величество, повелеть, чтобы я высказал соображения о новополагаемых зданиях коллегий и дворца.

Василий Иванович, поборов волнение, начал рассказывать о том, что замыслил он построить в старом Московском Кремле. Детального проекта у него еще не было, а лишь общие идеи о грандиозном дворце и коллегиях. Григорий Орлов возбужденно ходил по кабинету, с тревогой поглядывая на императрицу. Она сохраняла полную непроницаемость.

Но когда Баженов кончил, сказала, пристально глядя водчему в глаза:

— Дерзновенно задумано. Однако о коллегиях прежде имейте попечение, нежели о дворце. Примем новое «Уложение», так надобно ж его где-то исполнять.

Аудиенция была окончена.

— Молодец, Баженов. Кажись, матушке понравилось. Начиная проект! — весело говорил Орлов, провожая архитектора.

«Неужели пришел мой час и великое дело состоится?» — думал Баженов. Скорее в Кремль! Нужно снова и снова все обдумать.

В Кремле между тем полным ходом шла подготовка к открытию комиссии об «Уложении». В этой работе принимал участие и Баженов, но мысли его занимало не то, как декорировать и сделать пристойнее вид обветшалых построек. Он смотрел в будущее, и ему виделось на месте старых приказов и полуразрушенных палат огромное здание в новейшем европейском стиле.

В семь часов утра 30 июля около пятисот депутатов собрались в Чудовом монастыре. Генерал-прокурор князь Вяземский, назначенный главным распорядителем всех церемоний, явился еще раньше. В десятом часу состоялся царский выезд из Голо-

винского дворца. В открытой раззолоченной карете, запряженной восьмеркой лошадей, ехала Екатерина в императорской мантии. На голове ее сверкала малая корона. Впереди один за другим тянулись экипажи придворных, за Екатериной торжественно выступал взвод кавалергардов, рослых красавцев, сверкающих золотом аксельбантов. Их вел гордый и счастливый Григорий Орлов, шеф кавалергардов. За взводом в нарядной карете ехал великий князь. Это было внушительное, красочное зрелище! Народ молча толпился вдоль всего пути императорского поезда. Процессия торжественно, под звон колоколов и гром пушек подъехала к кремлевскому Успенскому собору.

Баженов стоял на соборной паперти, справа от входа. За спиной его — отец, изрядно постаревший. Все склонили головы. Императрица прошла мимо, легко ступая по ковровой дорожке. В соборе было темно и прохладно. За Екатериной тронулись депутаты, по два в ряд от правительственных учреждений, от дворянства, городов, однодворцев, поселян. Иноверцы остались на площади и здесь ожидали конца молебна, после которого торжественная процедура несколько часов продолжалась во дворце. Депутаты присягали, говорили речи, льстиво сравнивая законодательную мудрость Екатерины с Юстинианом. Потом вице-канцлер князь Александр Голицын от имени императрицы произнес:

— Начинайте сие великое дело, и помните при каждой строке оного, что вы имеете случай себе, ближнему вашему и вашим потомкам показать, сколь велико ваше радение об общем добре.

Василий Баженов не слышал этих слов. Его занимало одно — поскорее приступить к работе над проектом дворца, который все же решено было проектировать раньше коллегий. И когда на следующий день депутаты рано утром собрались в Грановитой палате, Баженов отправился вдоль кремлевских стен, мысленно прикидывая, где и как будет стоять дворец, очертания которого пока лишь неясно виделось ему. Но день за днем все отчетливее представлял Баженов главное творение своей жизни, без усталости рисовал он дворцовые фасады, старался вписать силуэт грандиозного здания в ансамбль древних кремлевских построек, не без смущения видя, что некоторыми древностями Кремля придется пожертвовать. Вечерами после натуральных осмотров и зарисовок Василий Баженов рисовал, чертил планы, писал адресованную императрице пояснительную записку к проекту — «Всепопданнейшие мнения о Кремлевской перестройке».

Тем временем комиссия по составлению «Уложения» продолжала затянувшиеся прения. Слушались депутатские указы, законы о правах дворянства, о купечестве, о лифляндских и эстляндских привилегиях. Говорили и спорили до декабря. Затем решили передохнуть и перенести обсуждение в Петербург.

Наступил 1768 год. К тому времени Екатерина распорядилась о создании специального ведомства — Экспедиции кремлевского строения. Одновременно велено было без задержки подыскивать людей для архитектурской команды: помощников, гезелей, сержантов и учеников.

Именным высочайшим указом генерал-поручик М. Измайлов был назначен начальствующим в Экспедиции кремлевского строения, а Баженов — главным архитектором с окладом шестьсот рублей в год.

Екатерине понравились «Всеподданнейшие мнения» и предварительные эскизы Василия Баженова — то, что он сам назвал «первой идеей архитектора». Замысел этот сильно изменился впоследствии, когда Баженов вплотную занялся проектированием дворцового ансамбля. При сравнении «первой идеи» и конечного варианта видно, как настойчиво, смело искал зодчий решение, как мучительно трудно было ему совместить свое грандиозное сооружение с кремлевскими древностями.

В «первой идее архитектора» дворец имеет полуовальную форму, вогнутая сторона его выходит к москворецкой стене Кремля. До стены — порядочное пространство, в котором располагаются подъездные пути и просторная парадная площадь. Дворец раскинулся на склоне, ниже уровня Соборной площади настолько, что два первых его этажа совпадают с подошвой площади. Слишком близко ко дворцу, почти вплотную примыкают Благовещенский собор и Архангельский. В этом и был главный недостаток проекта, так как центральная часть дворцового здания, не имея возможности развиваться в ширину, оказалась чересчур узкой, зажатой. К тому же дворец зрительно подавил древние памятники, они совершенно исчезали из панорамы Кремля, даже с моста через Москва-реку их бы не стало видно.

Оставалось одно: передвигать здание в сторону реки, но тогда неизбежно придется разрушить часть стен и башен. Не упрекнут ли за это потомки? Но иначе не осуществить великого замысла. Нелегко Василию Ивасовичу Баженову было принять решение. Ведь и сам он вырос в Кремле, любил каждый его уголок, не крушить же теперь без оглядки столь дорогое...

Проект императорского дворца послужил Баженову поводом для широкого градостроительного замысла — здесь хотел он применить опыт Габриэля, с таким размахом создавшего площадь Согласия.

Реконструировался весь Кремль, новая планировка ложилась на его мощный треугольник. Новые парадные площади с обелисками и проспекты символизировали собой размах и праздничную уверенность екатерининской эпохи, блеск счастливого XVIII века. Старые, допетровские храмы, колокольни, палаты терялись

в этих торжественных пространствах, чтобы дать звучание новому величественному дворцу — дому российской Минервы.

Главной в этой планировке стала овальная площадь неподалеку от Спасских ворот. Площадь была велика, она равнялась половине нынешней Красной площади. На нее архитектор ориентировал все новые магистрали, которые лучами расходились по Кремлю. Широкий проспект соединял овальную площадь с круглой, запроектированной между Спасскими и Никольскими воротами.

Здесь же устраивался новый въезд в Кремль. Вплотную к круглой площади примыкает еще одна, полуовальная — перед Арсеналом. Через Троицкие ворота открывался вход на ромбовидную площадь, образованную срезанными торцами коллегий и Арсенала.

Радиусы прямых проспектов соединяли ее с другими площадями, которые сплетались в сложную, но строго логичную систему как бы перетекающих друг в друга пространств. Вновь пробиваемые проезды словно размыкали суровую средневековую замкнутость Кремля, соединяли его с важнейшими магистралями города. Эта планировка почти без изменений вошла в окончательный план кремлевской реконструкции.

Сам Василий Баженов ясно видел, что в ходе проектирования ему придется делать поправки, что-то менять, уточнять, о чем он предупредил Екатерину: «Архитектор Баженов осмеливается представить, что делаемые им Кремлевской перестройки планы будучи в малом виде, не могут быть достаточны и представить все, что нужно; что сверх того не имеет он и исправного местоположения Кремля (то есть подробной карты.— С. Р.), что также надо бы иметь ему профили горы, коих он еще не имеет, и что по сему случаю многое в тех планах по сделании всему строению проспекта, особливо ж модели, неминуемо уменьшено, прибавлено или и вовсе отменено быть должно».

КАЗАКОВ И ДРУГИЕ

Баженов не торопился кончить проект, сознавая свою ответственность за начатое. Эскизы, планы в уменьшенном виде предшествовали окончательным чертежам. И до поры, пока они были созданы и подтверждены, архитектор давал волю воображению.

Зодчий готовился к подвигу жизни — так понимал он работу над Кремлевским дворцом. Этим проектом Баженов хотел выразить свое творческое кредо, потому в «Мнениях о Кремлевской перестройке» он считал необходимым высказать главное о профессии архитектора, о зодчестве. Это вообще характерно для Василия Баженова, который, высочайше ценя практику, стре-

мился к ее теоретическому осмыслению, к наставлению своих учеников и помощников.

«Красота, спокойность и прочность здания» — вот главные добродетели любой постройки. Для их достижения архитектору необходим многое знать — физику, механику, перспективу, иметь широкий кругозор и глубоко понимать античные традиции: в них основа и корень архитектурного образования. Каменщики, по мнению Баженова, не должны быть слепыми исполнителями воли архитектора, но его соратниками, представляя образ создаваемого ими здания. Только творческое единство зодчего и строителей может привести к успеху. Эта мысль подтверждает, что Баженов имел уже изрядную практику. И, конечно, заказчик (читай: императрица! — *С. Р.*) должен уважать труд архитектора, не унижать его мелочной опекой, создать условия для того, чтобы архитекторы были «не отягчены в своем упражнении и не отягчены другими попечениями, а паче всего бедностью».

О бедности, об «амбиции» Баженов говорит много раз, повторяя едва ли не во всех документах, связанных с кремлевской перестройкой, мысль о независимости, «вольности» архитектора и художника, его праве быть самим собой. «Неоспоримая истина, — писал он в «Кратком рассуждении о кремлевском строении», — что художники, чинов не имеющие, здесь бывают весьма мало уважаемы. Сие я осмеливаюсь подтвердить своим примером, ибо если бы я был по примеру других лет просто архитектором и не имел бы на себе знаков наложенного на меня высококомаршею милостию чина (то есть капитана артиллерии. — *С. Р.*), то бы и со мною без сомнения не иначе от общества поступано было, как с последним ремесленником или простейшим мастеровым».

Эта же мысль звучит и в другом месте, звучит дерзко и ультимативно, если учесть, что зодчий обращается к самой императрице: «...чтоб с ним и с его помощниками да и со всею его командою поступано было от экспедиции кремлевского строения, как с художниками, а не с приказными людьми». Он решительно отстаивает свое право быть независимым в творческих делах и требует, «чтоб не художники, хотя и более чинами, им... не командовали».

Генерал Измайлов был недоволен подобными рассуждениями, он вызвал к себе капитана Баженова, отчитал, но тот, покорно выслушав начальника экспедиции, ответил: «В искусстве художником руководит одна его совесть».

Человек самолюбивый и гордый, Баженов очень болезненно воспринимал аристократическое и чиновное чванство, более всего почитал людей талантливых и только тем выдающихся, о чем прямо говорил при дворе и самой Екатерине. Потому-то он так

настойчиво и смело защищал своих помощников, хлопотал об их поощрении, о чинах для них, ведь на его глазах многие выпускники Академии художеств спивались и погибали от бедности... «Ничем так не можно бедность окуражить и дать амбицию как чином и пропитанием, коих я действительно знаю, что с хорошим дарованием без куражу сделались пьяницами».

Баженов заботился о способных людях, разыскивал их всюду, терпеливо. Он хотел создать при кремлевском строении настоящую академию архитектуры, хоть бы и называлась она «архитекторская команда».

Стремясь поднять престиж своей команды, архитектор разработал для нее особую форму — архитектурский мундир: кафтан серого цвета с отворотами и обшлагами, с воротником кирпичного цвета; в тон воротнику — камзол и штаны. Темляк и эполет золотой. Но мундир утвержден и пошит не был.

Уже в начале 1768 года сотрудником и первым помощником Баженова стал Матвей Казаков. Его Баженов знал еще по команде Ухтомского. Сын крепостного, бедного подканцеляриста был лучшим учеником Ухтомского. Ко времени вступления в кремлевскую команду у Казакова уже накопился порядочный опыт, так как он несколько лет самостоятельно и с блеском работал в Твери, где много проектировал и строил. Отныне судьба их будет нераздельной — судьба блестящего эрудита и широкообразованного Баженова и его гениального ученика-самородка Казакова, не знавшего ни академий, ни Рима и Парижа. Здесь, в Москве, в Кремле, у Баженова была его высшая школа, здесь он достиг вершин мастерства.

В начале же года в архитектурской команде Баженова появился способный зодчий Елизвой Назаров, художники-архитекторы Иван Морцинов и Иван Некрасов, написавший семейный портрет Баженова.

Пришли опытные мастера Харьков и Мосципанов, три художника, учившихся в Академии, несколько учеников.

Это было в обычаях времени — подобные команды. Но по составу, по уровню мастеров не было в XVIII веке более сильной «команды» — чего стоили сам Баженов и Казаков, лучшие архитекторы России! К тому ж в кремлевскую команду кроме зодчих вошли художники, скульпторы и знатоки чертежного дела, специалисты-строители. Позже, уже в 1769 году, соратником Василия Баженова стал и парижский его друг Федор Каржавин. Архитектор докладывал о нем генералу Измайлову, начальнику Кремлевской экспедиции: «Теперь я приискал одного, учившегося в чужих краях 13 лет. Ныне он желает быть при мне в помощниках: должность его и знания не в чертежах и не в рисунке, но именно в рассуждениях о математических тягостях, в

физике, в переводе с латинского, с французского и с эллино-греческого языка авторских сочинений о величавых пропорциях архитектуры; также для изъяснения, откуда произошла красивая архитектура, да и в прочем, что в таком величайшем здании, каково будет кремлевское здание, такого человека иметь весьма нужно... Чтобы не упустить его куда в другую команду, я имею честь Экспедиции кремлевского строения одного коллежского актуариуса Федора Каржавина представить...»

Представление не без оговорок было принято, Измайлов распорядился положить Каржавину жалованье, и друзья имели возможность бурно отпраздновать это событие — они снова вместе, вместе для великого дела. Когда Измайлов спрашивал Баженова, какая ему будет польза от математика и переводчика, Василий Иванович ответил: «Мечта моя — иметь партикулярную академию. Пора нам своих образованных архитекторов иметь, не все же в Париж ездить».

Василий Баженов хотел не просто строить, не одно честолюбие тешить. Всегда перед ним был пример Ломоносова, которого не раз он видел и слышал у Шувалова в свои первые петербургские годы. Он мечтал, чтобы его ученики имели возможность учиться, узнавать, «откуда произошла красивая архитектура», чтобы Каржавин ознакомил всех сотрудников с новейшими переводами европейских книг по архитектуре, с Витрувием, отцом архитектуры. Ну а математика — надежная спутница архитектора: «Без оной архитектор слеп и опоры не имеет». Он помнил, что в Париже у де Вайи сам начинал с математики. С годами при Экспедиции кремлевского строения Баженову удалось создать настоящую архитектурную школу, но каких трудов ему это стоило! Он на свои средства покупает книги по архитектуре, физике, математике, эстампы, скульптуру, подчас кормит и одевает учеников. Отчаявшись, в долгах, Василий Иванович пишет императрице: «Хотя я имею приказание от директора его превосходительства, Михаила Михайловича (Измайлова.— С. Р.), чтоб приискивать хороших людей к себе в помощь; и приехав сюда, уже приискал, но только всех содержать сам не могу. И так уже теперь довольно я пришел в крайность, содержа здесь же десятью человеками (вероятно, в Петербурге.— С. Р.), да в Москве толикое ж число, отчего в великой бедности». Двадцать человек содержать — и все «из своего и заемного избытка»!

В «Кратком рассуждении о кремлевском строении» архитектор вновь обращается к Екатерине с просьбой о привилегиях для своих сотрудников: «Важность кремлевского здания и благопоспешность убеждают меня предложить ее императорскому величеству, яко щедрой трудов наградительнице, всеподданнейшую мою просьбу о трудящихся в кремлевском строении».

Но просьбы не слышит ни генерал-поручик Измайлов, ни тем более Екатерина. Баженов позволяет себе слишком настойчиво просить, чтобы вчерашних холопов, отпущенных на волю крепостных людей Григория Харькова и Елизавы Назарова, представили к производству в обер-офицерские чины. Только через несколько лет их произвели в прапорщики. Баженов просит повысить жалованье Казакову. Екатерина отказывает. Баженов просит произвести Казакова в архитекторы и коллежские ассессоры. И снова — отказ...

Василий Баженов заботливо приискивал себе новых учеников. «Архитекторские ученики при модельном доме, — докладывал зодчий, — необходимы надобны, которых уже несколько и набрано». Все-таки их постоянно не хватало: иные бежали по бедности, другие «по апробации» оказывались неспособными к делу, ибо, как отмечает Баженов, «с первого взгляду узнать не можно, надежен кто будет или нет». Хлопоча о сыне придворного лакея, четырнадцатилетнем Петре Кубасове, Василий Баженов так объяснял свою озабоченность: «Начало от меня принято оными учениками, как и после смерти моей останутся с несколькими моими мыслями по привычке с малых лет». Он думал о будущем, о расцвете национальной архитектуры, он хотел, чтобы дело его было продолжено.

ГОРОДУ И МИРУ

Екатерина увлеклась грандиозными планами Баженова, часто писала в Москву, генералу Измайлову, справлялась о ходе дел. К середине лета 1768 года она одобрила первоначальный эскиз и специальным указом 1 июля определила начало работ над составлением окончательного проекта и постройкой модели. Указом же предписывалось начинать подготовку к строительству. Баженов сочинил, а Екатерина подписала «Инструкцию Экспедиции кремлевского строения» — подробную программу строительства. Первый пункт инструкции требовал бережного отношения к кремлевским древностям: «Стараться вам всячески надлежит, чтобы новым строением не повреждено было строение старое».

Особое внимание уделялось качеству строительных материалов. Известь, требовала инструкция, необходимо долго выдерживать и заранее заготавливать в ямах; кирпич должен быть сделан из лучшей глины «по задаваемым от архитектора образцам». «Повелеваем вам взирать более на доброту, нежели иногда на дешевизну». За этим указанием Екатерины стоит сам Баженов, который в «Кратком рассуждении о кремлевском строении» специально писал «о материалах и что к ним потрбно».

Пока шла широкая подготовка к строительству дворца, проект его уточнялся, менялся в отдельных деталях. Баженов отказывается от «первой идеи архитектора»: он разворачивает дворец вогнутой стороной к Соборной площади. Возникает внутреннее пространство, замкнутое дугами полуовала, под защитой которого «собранны» древние памятники Кремля — музейный остров. Затем после долгих, мучительных раздумий зодчий решил придвинуть дворец к Москве-реке. Это улучшило обозрение древних построек, но вынудило Баженова ломать часть кремлевской стены, выходящей к реке.

Придавая дворцу важное градостроительное значение, архитектор выносит его центральный выступ за линию стены, связывая ансамбль с городским пространством. Уже тогда Баженова осуждали за столь бесцеремонное обращение с Кремлем, судили его за это и позже. Но логика грандиозного замысла неумолимо требовала именно такого решения — и Баженов не без колебаний принял его. Шесть лет ушло на проектирование дворца. Несколько раз Баженов ездил в Петербург, представлял чертежи Екатерине, которая вносила новые и новые поправки. Только в 1773 году проект был утвержден окончательно.

Центром всей композиции сохраняется овальная площадь. Ее образует полукруг циркумференции, примыкающий со стороны Спасских ворот к центральному корпусу дворца. Полукруг сменяется полуовалом этого корпуса, а затем плавно переходит в полукруг, соединяющий дворец и трапецию корпуса коллегий. Таков план, прихотливый, сделанный с вдохновением, — поэма закругленных линий. Особое изящество баженовской фантазии здесь артистично включает старинные постройки, как бы втягивает их в архитектурные лагуны нового дворца.

Планировка дворца, ее связанность с конфигурацией Кремля и профилем верхней террасы кремлевского холма глубоко национальны. Соборы, монастыри входят, «вплывают» в новый ансамбль с той художественностью и живописной разбросанностью, какая свойственна допетровской архитектуре. Баженов это чувствовал, любил, понимал.

Главный фасад на Москву-реку грандиозен — триста сажен, больше шестисот метров! У дворца — четыре этажа, поднятые мощным цоколем; Баженов прямо называл его пьедесталом здания.

В нижних этажах размещались караульные службы и хозяйственные помещения: кухни, бани, кладовые. На третьем этаже — парадный зал с галереями, из его больших окон открывался вид на кровли, колокольни, купола Замоскворечья. Здесь же — личные апартаменты Екатерины, комнаты Павла, покои императорской фамилии. «Третий этаж — царский, — говорил Баженов

Каржавину, объясняя расположение помещений во дворце.— Четвертый — для фрейлин, камер-юнгфер. Там же — гардеробы».

Первые два этажа архитектор мыслил как продолжение доколя. Они имели более чем скромный декор — лишь горизонтальный руст. Зато верхние этажи, особенно третий, приобретали удивительную легкость — их украшали изящные ионические колонны. Своей подчеркнутой горизонтальностью карниз разделял здание на основательный низ-стилобат и нацеленный в высоту верх. Фасад как бы образовывался из двух плывущих в разные стороны масс здания, оттого, несмотря на огромную протяженность, он не выглядел монотонно.

Центральный выступ дворца украшал четырнадцатиколонный портик. Затем следует портик десятиколопный. Потом новые выступы — в шесть и в две колонны. Так фасад обретает пластическую живость, светотеневую мягкость и живописность. Чередование колонных групп помогает зодчему избежать геометрической сухости, их игрой он создает особый музыкальный ритм — праздничный, величавый, торжественный.

Колоннады всюду — они вибрируют в дуге циркумференции, розово мерцают, кружатся в ротонде вестибюля, мощно и благородно, как в античном храме, выступают в главном — парадном зале. Гимн колонн должен был звучать как несмолкающий хор славы и торжества России, как символ ее растущей в мире мощи. С упоением рисуя колонны, представляя свой дворец как образ новой, возрождаемой Москвы, Баженов писал: «Предмет есть таков, чтобы обновить вид с его древностью обветшалою и нестройного града жители оногo имеют уже счастье видеть начало великолепных зданий, которых совершение восхитит красотою обширные Российской Империи пределы, исчезнет тогда слава древних семи чудес, народы европейские, узрев восставший из недр земных новой Кремль, объаты будут удивлением величавости и огромности оногo...»

«Хочу, чтобы мой дворец был всей России виден», — говорил Баженов, когда в кругу друзей обсуждал проект. Это идея всепародного, всероссийского здания, центра московского — центра исторического, города славы и благоденствия. Дворец не замкнут в себе, наоборот, он рвется за стены, он тянется лучами новых магистралей на Ильинку, Воздвиженку, на Никольскую, на Тверскую — в гущу народа. Он обращен к «городу и миру» (*urbī et orbī*), как говорили римляне. Площади нового Кремля просторны и широки, они рассчитаны на огромные толпы людей, на народные действия, на тысячные сходы, на московское вече. Дворец, рожденный российской историей, сам как бы готов стать ареной исторических событий. И эта не монархическая, а вечевая «готовность» удивительна — она лучше всяких документов

раскрывает гражданские убеждения и демократизм Баженова, патриотический пафос, к которому тяготеет его искусство.

Многое в проекте Кремлевского дворца — от более ранних работ Василия Баженова: Екатерингофского дворца, особенно Смольного института. Но здесь — все крупнее, масштабнее, все пронизано одной идеей. Кремлевский дворец — уже создание великого архитектора. Мастерство Баженова удивительно и в художественной отделке здания, и в композиции его частей, и в планировке, виртуозно связавшей ансамбль не только со всем Кремлем, но и с Москвой в целом. Не случайно Баженов мысленно представлял себе, как будет смотреться дворец с разных удаленных точек — от Новоспасского моста, например, от Крутицкого подворья. Вот на какие перспективы он рассчитывал! Вот в каком огромном пространстве видел он силуэт будущего дворца! Еще французские учителя Баженова отмечали его блестящее градостроительное мышление.

Изогнут, гибок обращенный к Кремлю фасад — именно это позволяет достигнуть архитектору наилучшего контакта с древними соборами и Иваном Великим. Монументален, классически строг, параден фасад речной, всегородской. Чувство удивительной гармонии есть в этой прямоте фасадной линии. Она согласуется с линией кремлевской стены, она согласуется с рекой. Как точно соотношен масштаб здания с шириной реки!

Мастерство Василия Баженова видно и в том особенно, что шестисотметровый фасад у него не утомляет глаза, ритмические повторы колонн, их акценты расставлены так, что воспринимаются как новые, прежде не использованные мотивы. Вся мелодия архитектуры фасада звучит разнообразно, полна неожиданного.

Центральная часть дворца увенчана аттиком — и в этом тоже гениальность зодчего: традиционный фронтон не смог бы зрительно держать здание такой протяженности, он попросту потерялся бы и казался случайной деталью.

Смелость, с которой Баженов взялся за реконструкцию Кремля, грандиозные масштабы нового дворца, в основных чертах спроектированного невероятно быстро, создание блестящей архитектурской команды — все свидетельствует о гениальности Василия Баженова, его способности к творческой мечте, его жажде создавать великое.

Он так и не стал чистым классицистом, дух барокко живет во всех его, даже самых классических проектах. Он — зодчий перевала, перехода одного стиля в другой. Родоначальник нового, Баженов не расстается со старым — не в этом ли и особое очарование, пластическое богатство баженовского стиля, тонко, порой неуловимо соединявшего динамику барокко и монументальную строгость классицизма?

Шесть лет Василий Иванович Баженов работал над проектом. Но в эти же годы уже шла деятельная работа по подготовке строительства, сносу старых зданий, изготовлению архитектурной модели дворца. Годы лихорадочного труда, нелегкие, но счастливые годы, озаренные надеждой на успех, верой в великое дело, в свою судьбу.

МОДЕЛЬ — ПОЛОВИНА ДЕЛА

Осенью 1768 года Василий Баженов собирался в Петербург; он хотел представить императрице детальный проект кремлевской перестройки, включавший генеральный план Кремля, поэтажные планы дворца и коллегий, разрезы и фасады. Однако из северной столицы дали знать, что приезд надобно отложить: Екатерина принять архитектора не может ввиду чрезвычайного события — она готовилась сделать себе и наследнику престола прививку против оспы. Двор и высший петербургский свет были возбуждены, до Москвы доходили неясные слухи. Тревожились иностранные послы: что задумала русская императрица? Немыслимое дело: брать яд от больного и вводить его в здоровый организм! Самоубийство! Медики протестовали против безумной новизны. Но Екатерина решилась, о чем написала в письме к Фридриху II, убеждавшему ее не делать этого.

Из Англии прибыл доктор Димсдаль, уже сделавший на родине шесть тысяч прививок. 12 октября Екатерина сделала прививку, и тотчас ее примеру последовала петербургская знать. Столица ликовала — случилось беспрецедентное, похожее на чудо: смертельный страх перед оспой отступил!

Екатерина была весела, прогуливалась со свитой в осенних парках Царского Села, была особенно ласкова со своим фаворитом графом Орловым. «Весь Петербург хочет прививать себе оспу, — писала она одному из своих заграничных корреспондентов, — и те, которые привили, чувствуют себя хорошо. Генерал-фельдцейхмейстер граф Орлов, этот герой, подобный древним римлянам лучших времен республики по храбрости и великодушию, привил себе оспу и на другой день после операции отправился на охоту в страшный снег».

Служили торжественный молебен. Собрался весь сенат, многочисленные депутаты Комиссии нового «Уложения». Но торжества были неожиданно омрачены известием о начале войны с давним южным врагом — Турцией. Баженов узнал о войне от начальника Кремлевской экспедиции М. М. Измайлова, которому из Петербурга писал Г. Теплов: «По причине войны, я чаю, во всех казенных строениях будет убавка на деньги, о чем я вас вскоре уведомлю, а не минует того и Кремлевское».

Было от чего впасть в отчаяние! Ведь Матвей Казаков — он занимался сметой и составлением всех расходов — подсчитал, что строительство дворца встанет миллионов в тридцать! А по мнению Кампорези, надо рассчитывать на все пятьдесят, так как одна парадная лестница обойдется миллионов в пять. Весь же годовой государственный доход составлял менее семнадцати миллионов рублей, да тут еще разорительная война — с турками быстро не упрямишься, сильна была Оттоманская Порта.

Они сидели втроем в замоскворецком доме Баженова — Казаков, Каржавин и сам хозяин.

— Зачем все это? — Баженов швырнул папку с готовыми чертежами.

Казаков молча поднял папку и, прижав ее локтем к боку, встал у кафельной голландской печи. Каржавин успокаивал Баженова:

— Не горячись, Василий, подожди. Не верю, чтобы государыня свернула строительство, не очень-то умно: всей Европе покажем, что у нас нет средств, стало быть, и воевать нам нечем. А так, подумай: армию снаряжаем и дворцы строим — значит, худо будет туркам! Политика, друг мой, — хочешь, не хочешь, а строй.

Как всегда, Каржавин оказался прав. Через несколько дней пришла депеша: собираться Баженову в Петербург «для поднесения ее императорскому величеству на всевысочайшую апробацию чертежей и планов будущему вновь кремлевскому строению».

В декабре, незадолго до Рождества, Баженов с Казаковым, Назаровым и Харьковым тронулся в путь. Дорога была трудная, с заносами, стояли крепкие морозы. Лошади хоть и часто переменились, но шли тяжело. В Валдае догнали их южные ветры, холода отпустили, в одночасье настала оттепель. Ехать стало веселее.

Петербург встретил московских архитекторов деловито и по-военному строго. В департаментах заседали. Военные строили планы похода, говорили о маневрах, количестве потребных в кампании полков, дипломаты всячески убеждали иностранных послов в небывалом могуществе России и ее способности воевать, если придется, не только против турок; в сепате считали деньги. Да, в Москве было спокойнее, о войне говорили, конечно, но приготовлений особых не делалось.

Екатерина вернулась из Царского Села в Петербург. Настроена она была решительно. В те дни она писала за границу графу И. Г. Чернышеву: «Туркам с французами заблагорассудилось разбудить кота, который спал; я — сей кот, который им обещает дать себя знать, дабы память нескоро исчезла... Теперь я развязана, могу делать все, что мне позволяют средства, а у

России, вы знаете, средства не маленькие, и Екатерина II иногда строит всякого рода испанские замки. Мы зададим звон, какого не ожидали, и вот турки будут побиты».

О каких «испанских замках» писала Екатерина? Не Кремлевский ли дворец она имела в виду? Императрица весьма ласково встретила Василия Баженова и его товарищей. Никаких отсрочек в строительстве, которых так опасался Василий Иванович. Наоборот, при встрече она несколько раз повторила то же, что написала Чернышеву: «У России средства не маленькие». Пусть видят Европа и турки, что она, несмотря на войну, затевает строительство огромного дворца в Москве.

Проект Кремлевского дворца был одобрен, но предлагалось внести изменения в расположение помещений. Таких поправок, добавлений и потом в разные годы было немало, вплоть до окончания русско-турецкой войны. Тогда же при встрече было решено учредить собственные кирпичные заводы Кремлевской экспедиции и велено было строить в Кремле около Арсенала «для модели особое строение».

Василий Баженов вернулся в Москву окрыленный. Он работал день и ночь. И всегда рядом с ним был неразговорчивый, преданный и исполнительный Матвей Казаков. Делал он все быстро, объяснять ему долго не приходилось. Сегодня у Баженова мелькнула идея, он ее набросал на бумаге, завтра у Казакова точный чертеж. Так они прекрасно дополняли друг друга: бурный, фантазирующий Баженов и сдержанный, подчиняющий воображение воле Казаков.

Василий Баженов любил своего помощника, по-человечески был привязан к нему и очень дорожил участием Казакова в работе, о чем считал необходимым уведомить экспедицию: «По знанию его в архитектуре столько приобрел, что не только при начале строения, но и впредь к большим делам способен». Самому Матвею Федоровичу он прямо говорил: «Если со мной случится худое, ты будешь мою должность отправлять».

Вместе с Казаковым они исследовали старинные памятники Кремля — и те, что предполагалось снести, и те, что оставались в новом ансамбле. Обмеряли здания, проверяли глубины и крепость фундаментов, открывая для себя тайны древнего ремесла и добротной работы: они установили, что фундамент Ивана Великого уходит в землю на двадцать сажелей!

К осени 1769 года был построен около Арсенала модельный дом, тогда же стали разбирать старые постройки.

Первым разобрали здание приказов. Ветхость его была такой, что оно давно находилось «в пусте». Снесли Казенный двор, Запасной дворец, Вотчинную коллегию, церковь Черниговских чудотворцев, палаты князей Трубецких, Конюшенный двор Чудо-

ва монастыря, обветшавшие дворы духовенства. Потом разобрали Тайницкую и две Безымянные башни, всю стену между Благовещенской и Петровской башнями.

Баженов руководил и заготовкой строительных материалов. Были организованы заводы для производства большемерного кирпича и черепицы. Заготавливалась известь в каменных амбарах под Набережным садом и в Аптекарском рву, который шел вдоль кремлевской стены по Красной площади.

Под Зарайском, на берегах реки Осетр, у Коломны, на Оке, искали подходящий для облицовки камень, искали в Сибири мраморы «больших мер». Казаков отправился в Серпуховский уезд для «учинения пробы оказавшемуся там мрамору». Сам Баженов исследовал белый камень в подмосковных Люберцах и Мячкове, из которого издавна строилась «белокаменная» Москва. Люберецкие и мячковские крестьяне долго спорили с Баженовым, отказываясь поставлять камень большой меры: «Не можно такого рубить — он крошится!» Тогда архитектор на их глазах сам вырубил кусок нужного размера. Пример подействовал: крестьяне согласились на поставки.

Пока полным ходом шел снос старых кремлевских строений и заготовка строительных материалов, в большом деревянном доме у Арсенала строилась модель будущего дворца. Редкий день не бывал Баженов в модельном доме: здесь, считал он, решается судьба его детища. В «Кратком рассуждении о кремлевском строении» в пункте «о должности архитектора» он замечает, что модель «есть почти половина практики... в ней надобно архитектору, положи все свои силы, смотреть накрепчайше, прибавить ли что или убавить против прожекта в частях архитектуры, дабы с настоящею практикою в крепости, красоте и покое все было сходно».

«На чертежах, а особливо великим зданиям, никак не можно войти во все подробности, на модели же видны недостатки чертежные, их и надо исправлять», — говорил Баженов резчикам при начале работы над моделью. Дело это он полюбил еще со времени своих занятий в парижском ателье Шарля де Вайи, когда он строил колоннаду Лувра и модели античных храмов. Баженов понимал, что только модель дворца, соотнесенная с моделями старых кремлевских построек, дает истинное представление о будущем здании, его силуэте и пластике.

Модель делалась из липовых досок, из которых был некогда построен знаменитый дворец Алексея Михайловича в Коломенском. Дворец этот, «восьмое чудо света», как называли его иностранные путешественники, ко времени царствования Екатерины пришел в крайнюю ветхость. Его пытались спасти, предлагались планы ремонта, для которого Карл Бланк, известный московский

зодчий, составил смету на 57 тысяч рублей. Но сумма показалась слишком большой, и Екатерина, желавшая иметь в Коломенском новый дворец, распорядилась старый снести. Обреченное здание было отдано в распоряжение Кремлевской экспедиции. Его осмотрел Баженов и, понимая, что дворец спасти невозможно, предложил не мешкая разобрать, «чтоб по великой ветхости не мог в скорости сам собою повалиться». Архитектор хотел использовать сухой добротный лес в столярную работу — лучшего материала для будущей модели Кремлевского дворца не найти. Да и счастливый символ виделся архитектору: из стен древних царских чертогов созидаются новые, старый дворец не умирает, он переходит в иные формы, в иную жизнь, предвещая рождение нового «чуда света».

Коломенский дворец разобрали. Пять тысяч сосновых бревен, несколько тысяч досок, из которых сколотили столы для модельного дома.

Архитектор сам поселился в модельном доме, чтобы следить за ходом работы. В модельной группе выделялся Иван Ясныгин, художник скульптурного класса. Он прекрасно чувствовал фактуру дерева, понимал пластику скульптуры. Скульптурный мастер Юст виртуозно исполнял орнаменты, статуи и барельефы, точно повторявшие в уменьшенном размере весь монументально-декоративный ряд дворца.

Над моделью же работали выпускники Академии художеств скульптор Захар Урядов, художник перспективной архитектуры Михаил Максимов, медальер Федор Стоянов, мастера-резчики, токари, делавшие колонны, формовщики, несколько десятков столяров — русских крепостных и немецких «столярных гезелей», выписанных из Петербурга. Архитекторская команда готовила чертежи — модельщики по ним строили модель. Работа шла дружная — всех вдохновлял Баженов. Да и дело было небывалое, интересное: такой модели во всем мире никто и никогда не делал — высотой в рост человека, интерьеры совершенно как настоящие — на колоннах мрамор, в окнах стекло, арматура из металла, росписи, скульптура, барельефы.

Для росписи парадных залов нужен был искусный художник. Баженов просил прислать известного исторического живописца Гавриила Козлова, но Екатерина считала, что художники должны быть разные и «плафоны разного вкуса и искусства». Оттого было велено приискивать художников в Академии наук, Академии художеств и Московском университете. Кроме того, Кремлевская экспедиция дала в газетах объявление, чтобы живописцы, желающие участвовать в составлении эскизов, явились в Кремль. Баженов и Каржавин занялись подбором сюжетов на темы русской истории и мифологии.

Скоро по Москве пошли разговоры о необыкновенной модели, что делается в Кремле. Все мечтали на нее посмотреть, народ толпился под окнами модельного дома, заглядывал в окна.

— Господа, расходитесь, мешаете! — увещевал любопытных Баженов.

Пришлось поставить караульных из отставного батальона гвардейцев, охранявших Кремль. Но и это не помогло: народу с каждым днем прибывало — мастеровые и торговый люд вперемежку с московской знатью. Архитектор подал прошение в экспедицию, в котором просил, чтобы Екатерина дозволила в определенные часы допускать желающих к осмотру модели императорского дворца. Екатерина дала разрешение: «Модель Кремлевского здания допускать видеть публику, кроме подлого народу».

ЧУМА В МОСКВЕ

С мая 1771 года Василий Баженов раз в месяц открывал модельный дом. Было это обычно по субботам после полудня, когда резчики и столяры кончали работать. Баженов давал объяснения, показывал посетителям планы, чертежи, части модели: театр, циркумференцию, интерьеры главных залов.

Модель стала одной из интересных достопримечательностей Москвы. Но продолжались эти посещения недолго. Давно угрожавшая Москве моровая язва приняла угрожающие размеры: людям стало не до осмотра достопримечательностей.

Знать бежала из города по своим поместьям. По Москве бродили шайки грабителей и воров, они заходили в опустевшие дома, тащили все подряд, иной раз и зараженные вещи — и сами становились жертвами страшного мора.

К осени за день умирало до тысячи человек. Городские власти были бессильны прекратить болезнь. Народ не верил медикам, избегал карантин, по домам скрывали больных. Борьба с чумой была поручена генерал-поручику П. Еропкину, который принимал энергичные меры против эпидемии, но остановить ее не мог: в его собственном доме были заболевшие.

Повсюду горели костры: жгли вещи умерших. Для погребения их и перевозки зараженных в больницы решили уюотребить каторжных.

На опустевших улицах, в проулках, на пустырях лежали трупы. Их по утрам складывали на возы колодники в масках, в черных круглых шляпах.

На перекрестках стояли рогатки, люди в темных смоляных балахонах разжигали можжевеловые костры — терпкий дух можжевельника, полагали, сдерживал заразу. Дома умерших окуривали серой: ядовитый серо-желтый дым стелился над городом.

Тоскливо позванивали колокола. Нудно моросил осенний дождь. Чума хозяйничала в Москве.

В модельном доме заболело и умерло несколько столяров и резчиков. В конце сентября в тяжких муках умер художник Федор Стоянов. Почти все работавшие на модели разбежались. Покинули свои посты караульные. Ушли из города рабочие, разбивавшие Тайницкую башню. Василий Баженов распустил помощников.

— Идите по домам, покуда мор не кончится. Дай бог, вернетесь — дело завершать надо.

Он остался один. Одинок в огромном холодном доме бродил между столами, на которых стояли незаконченные детали модели. Пил темную, настоенную на можжевеловнике воду и смотрел через мутное окно. Пьяные подьячие ломались в дверь, грозили сжечь модель — им нечем разжечь костер, чтобы уберечься от чумы. Баженов стоял за дверью, взвешивая курки кремневого ружья, брошенного одним из караульных. К счастью, одумались подьячие, прошел пьяный кураж, когда поняли, что артиллерии капитан настроен решительно и модель не выдаст.

Изредка приходили Казаков, Назаров, Каржавин. Дежурили у модельного дома, пока Баженов отсыпался. Уговаривали его хотя бы на несколько дней, пока не встанут холода и чума не утихнет, уехать в деревню. Ответ у Баженова был один:

— От модели я никуда. Лучше умру здесь.

— Мужество твое похвально, — сказал однажды Каржавин, — но зреет в Москве бунт, и Кремля ему не миновать. Все сметут, спалят. Уезжай, пока не поздно.

Решение Баженова неизменно: он остался в модельном доме.

Бунт начался не вдруг. То в одном конце Москвы, то в другом вспыхивали беспорядки. Еропкин едва управлялся со своим немногочисленным войском. Бунтовали против карантинных, бунтовали от отчаяния, от безначалия, голода. Суеверный страх толкал к поискам жертвы. Разъяренные люди носились по улицам, били начальников, истово молились по церквам.

С сентября начались стихийные молебны и всеобщие у Варварских ворот, перед образом Боголюбской богородицы. Какой-то фабричный клялся, что видел во сне богородицу, она ему объявила: «Так как тридцать лет уже у ее образа никто не только не отпел молебна, но и свечи не поставил, то за это на Москву бог наслать хотел каменный дождь. Она же упросила заменить дождь трехмесячным мором».

Тотчас суеверные толпы кинулись на Варварку к Боголюбской. Бросили свои приходы попы, прямо на улице перед иконой стали служить молебны. Народу становилось все больше, каждый нес монетку, кидал ее в ящик, устроенный под иконой.

Узнав об этом, московский митрополит Амвросий, человек суровый и педантичный, приказал пресечь суеверное торжище, а попам вернуться в приходы. Архиерейский подьячий с несколькими солдатами отправился к Варварским воротам, чтобы изъять ящик с деньгами. Народ возмутился. Раздались крики: «Смерть Амвросию!» Кинулись на подьячего, смяли караул. Вооружившись дубьем, с кольями, толпа бросилась вверх по Варварке. Повалили с Кулишек, с Тверской, Моховой, из Охотного ряда. С гулом, криками, подбадривая друг друга, ворвались в Кремль. К ним присоединились отставные гвардейцы. Начался погром Чудова монастыря — искали архиерея, но тот был предупрежден об опасности и вовремя уехал в Донской монастырь.

Толпа громила, грабила все подряд. В окна летели вспоротые подушки, разорванные книги, церковная утварь, иконы. Мужик в синем балахоне, заводила, наткнулся на большой винный погреб, спимаемый в Чудовом монастыре купцом Птицыным. Замок сбили, двери раскрыли, зажгли свечу и увидели: бочки! Началось повальное пьянство, уже и забыли, зачем бежали в Кремль. Тут же и спать повалились.

Но с утра убогий монастырский служка шепнул: Амвросий в Донском прячется... Снова загудела, забродила толпа и понеслась к Донскому монастырю.

Бунтарей опередил посланный Еропкиным офицер конной гвардии. Пока Амвросий переодевался, пока усаживался в кибитку, толпа ворвалась в монастырь. Бежать было поздно. Амвросий хотел укрыться в церкви, за иконостасом, но его отыскали, вытащили на улицу и били кольями, пока «ни виду, ни подобия не осталось».

Еропкин тем временем вошел в Кремль, вчерашние бунтари, продолжавшие хмельной погром, были схвачены, но бунт разгорался: народ окружил Кремль и требовал от генерала возвращения арестованных. Еропкин приказал стрелять из пушек и ружей. Больше ста человек было убито, остальные разбежались.

Во время бунта модельный дом едва не сожгли, повыбивали окна. Когда все было кончено, Баженов вышел на опустевшую площадь. От первого напряжения, бессонницы и голода — он уже три дня ничего не ел — у архитектора кружилась голова.

— Господин капитан, неужели вы все время были здесь? — с удивлением спросил его Еропкин, которому доложили о Баженове.

— Да, был.

— Однако вы смелее моих офицеров.

На следующий день главнокомандующий в Москве престарелый фельдмаршал П. С. Салтыков писал в Петербург Екатерине: «Кажется, все утихло, однако на сие надежду полагать не мож-

но: народ пьяный, раскольщики, подьячие, холопы господские; сами все разъехались по деревням, а людей оставили, кои, по их праздной жизни, непрестанно в кабаках. Я нашел Чудов монастырь в жалком состоянии... Бунтовщики грозятся на многих, а паче на лекарей. Между пойманными злодеями множество подьячих, почти со всех коллегий, и их солдаты, старики отставного батальона гвардии, кои содержат караул в Кремле, более всех бунтовали и воровали, чему свидетель архитектор Баженов: он все видел из модельного дома и многие речи слышал.

Картина народного бунта потрясла Василия Баженова. Долго потом они говорили с Каржавиным, пытаясь понять, осмыслить грозные события, невольными свидетелями которых стали.

— Не в одних карантинах и чуме дело,— говорил Каржавин.— Обижен народ, долгой неправдой обижен, потому месть его страшна и будет еще страшнее.

Бунт был подавлен, но чума не кончилась. Почти целый год она, то затихая, то вспыхивая с новой силой, держала в страхе Москву.

«БАЖЕНОВ, НАЧИНАЙ!..»

Весна 1772 года была дружной. Вдоль кремлевских стен несли мутные ручьи. Город очищался, оживал после трудной осени и зимы. Из окрестных сел и деревень тянулись в Москву обозы — возвращалась из загородных усадеб бежавшая от мора знать с домашней челядью. И хоть еще действовали карантинные, но о чуме уже говорили как о прошлом.

Поредевшая, собралась у Баженова архитектурная команда. Вернулись в модельный дом мастера-резчики. Надо было спешно заканчивать модель — ее предстояло везти в Петербург на высочайшую апробацию.

Завершалась разборка старых зданий, расчищалась площадка под центральную часть дворца. Работа шла медленно: не хватало людей. Баженов нервничал, опасаясь, что еще одно лето будет упущено для закладки фундамента. Но генерал Измайлов, к которому архитектор обращался с прошениями, только руками разводил:

— Москва, сам знаешь, от чумы поредела. Когда народ соберется...

Не очень-то хотелось вельможе торопиться да суетиться, лучше лишний раз государыне денешку послать: как, мол, ваше величество, прикажете поступить — доламывать старые строения или подождать, рыть землю или не надо? Так-то вернее. Да и Баженова генерал заставлял писать бесконечные записки, отношения, прошения, меморандумы. Василий Иванович, ненавидевший кан-

целярскую волокиту, написал Екатерине дерзкое письмо — потребовал освободить его от писания бумаг: «...бесконечное письменное упражнение уносит время, которое годилось бы к строевой работе».

Времени на канцелярские упражнения у него и в самом деле не хватало. Дома, в семье, он почти не бывал, неделями не видел молодой жены Аграфены Лукиничны и детей. С утра — в модельном доме. День — на стройке, следит за укреплением склонов Кремлевского холма, на краю которого — русские святыни, Благовещенский собор, Архангельский с прахом великих князей и царей. Страшно подумать, если начнутся осыпи. И хоть к этому делу приставлен был надежный и верный Матвей Казаков, Баженов сам присматривал за строительством пяти деревянных подпор-контрфорсов. Ведь чего только не говорили по Москве — будто он древние храмы подрыл и они вот-вот рухнут. Случись такое — Баженов знал, что идет на риск, — не будет ему пощады. Но риск был не слепой. Не вера в случай, в удачу руководила им. Все было много раз взвешено, оценено, учтено. И все же на душе неспокойно — дело трудное, небывалое, немалая нужна была смелость и профессиональный расчет, чтобы решиться на такое.

«Баженов, начинай! Уступит естество...» — написал Державин по случаю работ в Кремле. Часто вспоминал архитектор обращенную к нему поэтическую строчку в те лихорадочные дни. Он понимал: отступать поздно, надо идти до конца, коли начал. С весны на Москве-реке, у Кремля, уже работала большая плотницкая артель, архангелогородцы, поновляли бревенчатую обвязку речного берега, по-плотницкому «карась»: получалась своего рода дамба, закрывшая реке ход к подошве Кремлевского холма. В обвязке, близко к воде, был сделан врез, в который входил конец деревянного моста. По нему с противоположного берега, с Царицына луга, везли на стройку кирпич, бочки с известью, песок, лес.

Наконец, к августу площадку под центральную часть дворца очистили. Баженов торопился начать земляные работы — дело шло к осени, — но сенат распорядился провести прежде торжественную церемонию по этому случаю.

Кремлевской стены уже не было. По углам ровной площадки, выходявшей прямо к воде, поставили четыре столпа дорического ордера — символы Европы, Азии, Африки и Америки. В середине площадки воздвигли увенчанные обелисками колонны, олицетворявшие единение царств — Московского, Астраханского, Казанского и Сибирского. Обелиски сплошь украшались гербами российских губерний, а венчались двуглавыми орлами.

Сумароков, друг Баженова, сочинил велеречивые стихи, в ко-

торых будущий Кремлевский дворец сравнивался с тем, «что в древности Греция и что мог Рим родить». Стихи эти, написанные на огромных щитах, прикрепили к колоннам.

Матвей Казаков по просьбе Василия Баженова с противоположного берега очень точно и подробно зарисовал место предстоящей церемонии. Церемония состоялась пышная и долгая. Народу собралось великое множество. Сначала — водосвятие и молебен, потом Баженов с помощниками «учинил торжественное начало рву». Троекратное «ура» прокатилось над рекой. Для знатной московской публики Измайлов устроил обед, а рабочих угостили водкой, пивом и горячими калачами.

Слух о модели Кремлевского дворца, о начале строительства, о торжественной церемонии широко распространился. Путешественники, купцы, дипломаты иностранных государств зачастили в Московский Кремль. В самом начале 1773 года, в морозный январский день, у дверей модельного дома остановился богато убранный возок. Прибыл Шагин-Гирей, будущий хан Крымский. В борьбе против Турции, в южной русской политике он занимал особое место. Екатерина приблизила к себе этого честолюбца, мечтавшего создать свою империю. О приезде Шагин-Гирея в Кремль к Баженову Федор Каржавин записал в дневнике: «Января в 4-й день, именно в пятницу, был в доме модельном хан Крымского России покоренного полуострова со мноюю свитою; любопытствовал много о модели. Человек молодой еще, здоровьем слаб; перед ним несли булаву и топорик серебряные; по смотрении подарил архитектору Баженову табакерку французскую из камня серпентинного, с шарниром золотым, на крышке пастух с пастушкой и пейзаж из разноцветного золота да на шарнире верхнем спереди драгими камнями обсыпана; оценена знающими людьми в 500 руб. Он дал ее в память себя.

В 5-й день, то есть в субботу, архитектор ездил к хану и отдал ему перспективным видом нового Кремлевского дворца к Москве-реке, да частию модели в 3-х окнах из середины зала, да моделью водолейной машины, над которою он много вчерась любовался. Принял Вас. Ив. весьма ласково, давая ему аудиенцию стояючи и с ним говорил через своего переводчика: изъяснялся, что хорошее есть дело учение и что он сам с народом своим желал бы учиться, но что вера им сие воспрещает».

— Вишь ты, Василий Иванович, принц прусский у нас бывал, хан татарский бывал, кто ж теперь пожалует? Может, султан турецкий, если в плен возьмем, или король французский. Ты, говорят, с ним знаком? — шутил после визита Шагин-Гирей старый резчик Абросим Лукьянов.

— Не короли и принцы мне сейчас нужны, — отвечал Баженов, — а землекопы да каменщики.

Каменщики нужны были для кладки надежных контрфорсов, способных сдерживать давление фундаментов разобранных зданий, тянущих вниз всю громаду склона, на краю которого стояли соборы.

Баженов просил Кремлевскую экспедицию незамедлительно прислать двести «хороших каменщиков нижегородов». Но и тут начальник экспедиции генерал Измайлов не очень торопился — мастера прибывали медленно.

Едва оттаяла земля, начали энергично копать рвы под фундамент. Землекопы работали от зари до зари. Дело подвигалось, и к лету все было готово к закладке фундамента.

В первый летний день состоялась церемония закладки Кремлевского дворца. К этому событию Василий Иванович готовился шесть лет. Шесть лет от первого замысла к первому кирпичу. Не много ли? Ведь впереди гигантская стройка — на долгие годы хватит. Но ему только тридцать пять — успеет...

С такими мыслями шел по Кремлю утром 1 июня 1773-го Василий Баженов. Ночь не спал, встал на рассвете. Решил сам проверить, все ли готово к церемонии, для которой он спроектировал целый ансамбль временных сооружений. Недалеко от Архангельского собора возвышался дорический портал с дифирамбами Екатерине — через него должно было начаться шествие с вершины холма вниз по деревянной лестнице к площадке, где закладывался дворец. Баженов задержался на лестнице, посмотрел, как рабочие заканчивают обивку парашетов алым сукном.

Солнце только встало. От реки поднимался легкий туман. Поскрипывали уключины редких еще лодок. Со стороны Крутицкого подворья шла баржа с хлебом. Из замоскворецких дворов доносился крик петухов. В Кадашах уже работали жестянщики — правили кровли. Сияли купола в голубой дымке, празднично поднимались над крышами и садами шатры колоколен. До чего же красива Москва, какая панорама откроется из окон будущего дворца! В его залы войдет вся ширь, все краски древней столицы. Сегодня в речи на заложение дворца он скажет сокровенные слова о Москве, о своей любви к ней, об ее памятниках, о великом ее назначении на русской земле. Поистине город этот — третий Рим!

На площадке Баженов встретил Матвея Казакова с альбомом в руках — он рисовал место предстоящего торжества. Баженов молча пожал руку своему помощнику и, указывая на рисунок, сказал:

— Это — для истории. Сегодняшний день запомнит Россия — великое дело начинается.

Посреди площадки стоял деревянный павильон — «Храм российской Славы». Шла к победному концу война с турками, и кры-

латые кони с трубами вешали на весь мир — «в знак славных и гремящих Российской империи дел».

Аллегорические картины, написанные другом Баженова, живописцем Иваном Некрасовым, изображали разрушение Бендер, победу Румянцева при реке Кагул, гибель турецкого флота у Чесмы. Для каждого русского эти названия говорили в ту пору многое, всей России был известен подвиг русских моряков, прошедших долгий путь от Балтики, чтобы горящими брандерами атаковать стопушечные турецкие фрегаты. Это о победе под Чесмой рапортовал адмирал Г. Спиридов: «Турецкий флот атаковали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили, потопили и в пепел обратили...»

Отзвук громких побед звучал в оформлении предстоящей церемонии. На порталах «Храма Славы», колонны которого были увиты лавровыми гирляндами, сверкали золотом написанные стихи:

«Взлетая на восток, орел Российский блещет,
Колеблется Стамбул и Азия трепещет».
«Флот русский с именем монархини несется,
И Карфагена брег и Африка трясется».

Всюду были выставлены военные трофеи. А внутри «Храма», в нишах, Баженов установил колонны с бюстами — символами четырех стихий — огня, воды, земли и воздуха. Их тоже украшали стихи в честь подвигов «героев русских».

Баженов осмотрел «Храм», заглянул в ниши. На площади уже стелили ковры, украшали перила зелеными венками.

В десять утра, по окончании службы в Архангельском соборе, процессия двинулась к месту «положения первого камня» нового дворца. Впереди шли каменщики. Они несли мраморную плиту с гнездами. За ними — архитектурская команда в специально сшитых костюмах, со знаками цехового отличия — в фартуках, с кирками и мастерками. Ученики из команды несли на серебряных блюдах цветы и разбрасывали их по пути. В руках архитектурских помощников и ассистентов — кирки, серебряные чаши с водой и известью, вазы с памятными медалями, выбитыми по случаю торжества. За ними архитектор Матвей Казаков нес известь, а сам Василий Иванович — мраморные кирпичи с вензелями Екатерины и Павла. У «Храма Славы» процессия остановилась.

С вершины холма ударили пушки. Баженов вышел вперед. Несколько мгновений он не мог говорить. Затем, справившись с волнением, начал свою речь на заложение Кремлевского дворца: «В сей день обновляется Москва. Ликуйствуй, Кремль! В сей день полагается первый камень нового Ефесского храма...»

Он стоял высокий, красивый, гордый, счастливый. Голос его окреп. Баженов говорил о главных событиях своего времени, великих победах русского оружия, победах Голицына, Румянцева, Панина, Орлова, Долгорукого, об усмирении чумы Еропкиным. Но во дни брани и испытаний «худовидные грады облачаются в великолепие...». «Да украсятся твой берега»,—обращался он к «благословенной реке, орошающей Кремлевы стены», как во времена Петра украсились болотистые невские берега.

«А я, будучи удостоен исполнить монархии повеления в сооружении огромного дома и всего великолепною в Кремле здания, готовясь зачати оное, почитаю должностью нечто молвить о строениях московских, ибо то к сему дню и к делу сему пристойно, и нечто выговорить о своей профессии, ибо здание здесь начинается...». Баженов широким жестом обвел площадку и, встретившись глазами с Казаковым и Каржавиным, продолжал речь, которую накануне горячо обсуждал с ними. Он решил публично высказать свое архитектурное кредо, выразить свои пристрастия и вкусы, представления о профессии, о патриотической роли архитектуры, о гражданском своем долге.

Баженов говорил о московской архитектуре, истории улиц города — Варварки, Тверской, Никитской, Воздвиженки, Дмитровки, Петровки, Пречистенки, Остоженки, где «ставились стоги», и Девичьего поля, где «косили сено на государские конюшни». Речь его была о Кремле, в котором «упадающие царские чертоги не могли более стоять без страха...».

Сын своего времени, он больше восторгался башней Меншикова, чем кремлевской Спасской, Арсенал ему нравился больше Грановитой палаты, а колокольня Новодевичьего монастыря, говорил он, «более обольстит очи», чем Иван Великий. И все-таки он высоко ценил и любил древнюю русскую архитектуру, многое заимствовал из нее. Заветом русским зодчим прозвучали его слова: «Некоторые думают то, что и архитектура, как одежда, входит и выходит из моды, но как логика, физика и математика не подвержены моде, так и архитектура, ибо она подвержена основательным правилам, а не моде».

Обращаясь к публике, тесно его окружавшей, Василий Баженов под конец речи просто, без ораторского пафоса произнес: «Собранные зрители заложения дома великия Екатерины!.. Ум мой, сердце мое и мое знание не пощадят ни моего покоя, ни моего здравия».

Хор пропел торжественную оду. Генерал Измайлов поместил вазу с памятными медалями в гнездо мраморной плиты, князь Волконский, главнокомандующий в Москве, положил первый кирпич с вензелем Екатерины. Затем положили кирпичи Василий Баженов и Матвей Казаков.

Снова началась пушечная пальба и «кричание от народу «ура». В руках Баженова сверкнула закладная медная доска с надписью на заложение дворца, которую он сам сочинил: «...к славе великой империи, к чести своего века, к бессмертной памяти будущих времен, ко украшению столичного града, к утехе и удовольствию своего народа». Далее было выгравировано: «Сему зданию прожект сделал и практику начал Российский Архитект Московитянин Василий Иванович Баженов, Болонской и Флорентинской Академии, Петербургской Императорской Академии Художеств, Академик, главный артиллерии Архитект и капитан... отроду ему 35 лет. По сочинении прожекта за Архитекта был Титулярный Советник Матвей Казаков... Закладка была 1 июня 1773 года при императрице Екатерине Второй и при последнике, сыне ее, Павле Петровиче».

Доска легла в гнездо. И каждое слово в ней, изящно выведенное гравировщиком Иваном Пурышевым, было истинно, кроме последних: императрица Екатерина Алексеевна на церемонии не присутствовала. Это был дурной знак. Вскоре, едва отшумели пышные церемониальные торжества и «Храм Славы» разобрали, Баженов с отчаянием осознал, что дворцу Кремлевскому не бывать, что ему не дадут осуществить проект «к бессмертной памяти будущих времен». День 1 июня 1773 года был взлетом славы и, может быть, самым счастливым днем в жизни Василия Баженова. Тем страшнее стала пришедшая за ним катастрофа.

КАТАСТРОФА

Отсутствие Екатерины на церемонии заложения дворца не было случайностью: императрица потеряла интерес к дорогой затее и искала удобного повода, чтобы замедлить или вовсе свернуть строительство. Баженов, занятый «строевой работой», не уловил этих перемен в настроениях императрицы даже тогда, когда смета на новый, 1774 год не была увеличена, несмотря на просьбы Кремлевской экспедиции. «Прибавки суммы денег ныне не будет», — резко ответила Екатерина.

Не смог Баженов купить и медных досок, на которых он мечтал выгравировать планы обновленного Кремля, — граверным делом архитектор прекрасно владел еще со времен учения в Петербургской Академии, но уже несколько лет не приходилось им заниматься. Екатерина запретила тратиться даже на доски.

Средств отпускалось все меньше, и вместо обещанных в год ста двадцати тысяч рублей едва ли тратилась половина. Чувствовалось напряжение войны, которая хоть и близилась к победному концу, но деньги съедала огромные. К тому же, на востоке объявился «маркиз Пугачев», как называла Екатерина в письмах

к Вольтеру и Гримму Емельяна Пугачева. Пугачевские рейды становились все опаснее. Восстание разрасталось, временами приводя в ужас Москву и Петербург. Екатерина плохо скрывала свою тревогу и раздражение ходом дел. Каждое сообщение о победах «маркиза» вызывало у нее гнев и отчаяние. Где уж тут было думать о дворце, на который нужны миллионы.

Вскоре последовало и запрещение принимать новых учеников в архитектурскую команду. Василия Баженова это особенно огорчило и привело в уныние: команда была его любимым детищем, здесь он мог полностью проявить свои педагогические наклонности, отдавая свободные часы воспитанию будущих архитекторов.

Команда жила все скромнее. Средств постоянно не хватало. Щедрость Екатерины с приближением окончания турецкой кампании заметно убывала. Баженов делал долги, иной раз платил жалованье ученикам и сотрудникам из своего кармана, на свои деньги покупал книги, эстампы, гипсы. Приходилось экономить на каждой свече, листе бумаги, карандаше. Дело дошло до курьеза. Учитель грамоты для мастеровых — школу эту завел Баженов — отчитывался как-то о состоянии учебного инвентаря. Вместо пяти аспидных досок с грифелями оказалось три. Во время эпидемии чумы две были отданы больным, чтобы «праздно не шатались», а занимались дома арифметикой. Но ученики умерли, а доски и грифели пропали. Забыть бы об этих злополучных досках, так нет — даже через двадцать лет их вновь упоминают в рапорте о недостатке школьного имущества.

Но Василий Баженов по-прежнему верил в успех. Продолжалась копка ровов под фундаменты. Деревянные упоры, которые изобразил на своем рисунке Матвей Казаков, заменялись на каменные контрфорсы. «Новоделанные быки или контрфорсы, — писал Василий Иванович в очередном объяснении, — не иное что, как только поддержание горы Ивановской, дабы из ее 12-саженной высоты истекающими источниками вод не вытянуло сыпучего песка... и не сделало бы гротов, чем бы не сверзлись оставшие древности...». Опасности для них не будет, если быстрее начнется сооружение фундамента, объяснял Баженов: «...просит одно у другого помощи, то есть новое строй, а старое подкрепляй».

То же говорил он и в Петербурге императрице, куда в конце 1773 года отправился по первому зимнему пути вместе с санным поездом: везли модель дворца на окончательную апробацию. Ни слова не сказала Екатерина Баженову о своих намерениях прекратить строительство, но приняла его ласково. В дороге архитектор простудился, слег в тяжелой лихорадке. Не вернуться бы ему живым в Москву, если бы природа не наделила его крепкой статью и силой. Едва Баженов оправился от болезни, как

тропулся в обратный путь — надо было заканчивать строительство контрфорсов и приступать к закладке фундаментов.

Летом в Петербург был вызван Матвей Казаков. Друзья ломали голову, к чему бы это. Матвей Федорович вернулся нескоро и привез тяжкую для Баженова весть: Казакову велено было оставить все дела в Кремле и немедленно приступить к проектированию деревянного дворца для Екатерины II. Дворец строился за Колымажным двором, на Пречистенке, во владениях князей Голицына и Долгорукова*. Василий Баженов лишился своего лучшего помощника. Мало того: шестерых работников из баженовской команды передали Казакову. Затем взяли еще несколько человек, среди них — опытного скульптора Ивана Ясныгина. Впервые пути двух лучших архитекторов эпохи разошлись. Разошлись не по их воле, а по велению Екатерины, словно бы нарочно возбуждавшей ревность Баженова к Казакову, которому уже явственнее стали отдавать предпочтение при дворе. Нет, у Василия Баженова не появились недобрые чувства к другу. Видно, суждено им разлучиться...

Теперь они работали порознь, оба строили дворцы для императрицы. Но для одного это был журавль в небе, а для другого — синица в руках. Судьба сулила успех одному, а отдала его другому. Прибывшая из Петербурга Екатерина поселилась в новеньком дворце Казакова, на месте же баженовского пока лишь зияли залитые водой рвы.

В начале 1775 года и самого Баженова отвлекли от работы в Кремле. Победно завершилась война с турками. Был подписан выгодный для России Кучук-Кайнарджийский мир. В Москву возвращались полки, бравшие Хотин и Бендеры, сражавшиеся при Кагуле. Народ ликовав.

Решено было летом на Ходынском поле устроить по случаю победы грандиозные торжества. Кому поручить декоративное оформление праздника? Конечно, Баженову! У него блестящая фантазия, он придумает что-нибудь небывалое, к тому же и опыт у него по части устройства церемоний немалый: инаугурация Академии художеств, закладка Кремлевского дворца. Пришлось Баженову делить свое время между строительством дворца и сооружением на Ходынке целого фантастического городка. Правда, прежде чем строить увеселительные павильоны для народа, императрица решила народ прилупить, устроив в январе на Болоте публичную казнь Емельки Пугачева. Уж очень возмутил он империю, больше турок, пожалуй.

Болотом издавна назывался пустырь напротив Кремля. Во времена Ивана Грозного бились здесь кулачные бойцы — царь

* На месте нынешнего Музея изобразительных искусств.

любил это зрелище. Позднее, при Петре, на Болоте, названном «Царицыным лугом», жгли праздничные фейерверки. Ныне не к фейерверкам готовились, а строили виселицы для соратников Пугачева, ему же самому и ближайшему его сподвижнику Перфильеву готовили помост: по приговору им выпало четвертование.

Баженев жил в каменном доме на Софийской набережной, неподалеку от Царицына луга. По утрам, сходя с крыльца, он слышал в морозном воздухе отдаленный гул: плотничья артель сколачивала эшафот.

Утром 10 января на Царицыном лугу собралась огромная толпа. Палачи, поскрипывая досками, расхаживали на помосте и пили вино, пока не привезли приговоренных. Баженев видел, как совершилась казнь, как сдирали бараний тулуп с Пугачева, как блеснул топор в руках палача и задымилась кровь на снегу. Пробившись сквозь толпу, он быстро пошел по Каменному мосту. Мысли его спутались. «Просвещенный век — строим дворцы, сочиняем поэтические оды, — думал Баженев, — пускаем фейерверки, едим на серебре — и вдруг этот топор палача».

Федор Каржавин, которому он рассказал о казни и своем душевном смятении, ответил:

— Для дворянства Пугачев преступник, а для народа — герой. С чьей стороны смотреть.

«В мире не должно быть крови, люди суть братья», — вспомнил Баженев слова, слышанные им в масонской ложе, в которую он недавно вступил. Масонство — вот путь, где он найдет ответы на мучительные вопросы. Он станет деятельным масоном, как бы это ни отразилось на его судьбе: правительство с подозрением относится к масонству, особенно московскому. В последний свой приезд в Петербург из уст самой Екатерины слышал архитектор неодобрительные реплики в адрес мартинистов*.

Казнь Пугачева глубоко потрясла Баженова. С этого дня он старался не бывать на Царицыном лугу, хотя там находились склады с лесом и кирпичом для кремлевского строительства. Даже детям он запретил туда бегать.

Забуться, отойти от трудных раздумий помогала работа. Теперь архитектору приходилось разрываться между Кремлем и Ходынской, где по его проекту началось сооружение деревянного городка для предстоящих летом праздников.

На кремлевской стройке дела шли все хуже. Забирали людей. Архитекторский помощник Григорий Харьков жаловался Баженову:

* Мартинисты — масоны, последователи французского мистика XVIII века Сеп-Мартена.

— Если так дело пойдет, Василий Иванович, то останусь я один. Как-то в конце марта примчался к Баженову на Ходынское поле мастеровой от Харькова:

— Беда! Упала стена Черниговского собора.

Стена эта осталась после сломки собора, ее собирались вскоре разобрать, но она сама рухнула от весенней осадки. Баженов понимал, что ничего страшного в этом нет, но теперь поднимется такой шум, недоброжелатели, завистники донесут Екатерине, благо она здесь, в Москве.

Конечно, как и предполагал Баженов, императрица тотчас узнала о падении старой стены. Приказано было немедленно собрать на консилиум всех московских архитекторов, осмотреть контрфорсы, склон горы — «нет ли остающимся строениям от того какой-либо опасности, да и вредь могут ли остаться надежно в твердости своей».

Архитекторы во главе с опытным Карлом Бланком дали заключение, что опасности «остающимся строениям» нет, что контрфорсы дают осадку, как тому и положено. Вывод их был предельно ясен: гора Ивановская и древние памятники на ней тем надежнее будут стоять, чем скорее завершится сооружение фундамента дворца. Именно это меньше всего устраивало Екатерину. Война окончилась, стало быть, незачем делать перед Европой вид, будто казна у нее бездонная. Тем более что строится еще несколько дворцов под Петербургом. К тому же, Екатерина всерьез верила, что могут рухнуть Архангельский и Благовещенский соборы. А этого дворянство не простит немке, сумевшей внушить всем веру в ее горячую любовь к России, к ее истории, к гробам отеческим. А ну как гробы низвергнутся? Нет, надо поскорее найти способ, чтобы избавиться от этой опасной затеи!

Ждать пришлось недолго. 8 апреля контрфорсы как раз под соборами дали осадку. Баженов и Бланк просили генерала Измайлова прислать рабочих на их укрепление, но последовал решительный приказ Екатерины: стройку прекратить! Василий Иванович пытался добиться разрешения «оныи контрфорсы переправить и починить», но Екатерина и слышать не хотела об этом.

Зная, что московские архитекторы поддерживают Баженова в его решимости продолжать строительство, императрица приказала вызвать из Петербурга подполковника Адмиралтейской коллегии Герарда. Он сразу смекнул, чего от него хотят, и поспешил сочинить приговор баженовскому дворцу. Екатерина облегченно вздохнула: видит бог, она хотела обновить Кремль, поднять престиж Москвы, но судьба против ее начинаний.

Герард сделал свое дело. Василий Баженов задыхался от ярости. Он искал встречи с Герардом. Но подполковник уже скакал в Петербург.

Все было кончено. Строительство Кремлевского дворца объявлялось невозможным, приказано было рвы засыпать, контрфорсы сломать, склоны горы присыпать землей и выложить свежим дерном, дабы молодая майская трава скрыла следы неудачной стройки.

Восемь лет творческого напряжения, ночи над проектами и эскизами, до предела взвинченные нервы. Восемь лет, потраченных впустую, чтобы вместо великого дворца зеленел этот склон и зияла провалом разобранная кремлевская стена! Архитектор мог подводить неутешительные итоги: кроме петербургского Арсенала и нескольких частных зданий, им ничего не построено, все замыслы фатально остаются на бумаге.

«Ликуйствуй, Кремль!..»

Василий Баженов вспомнил день, когда, полный надежд, он произносил вот здесь свою речь на заложении дворца. Все кончено. Он почувствовал: горечь, обида отошли. Он страшно устал. Равнодушие овладело им. Баженов повернулся спиной к Кремлю и медленно побрел домой. На Каменном мосту архитектор остановился, долго смотрел на голубую от майского неба воду. Кремль башнями своими ясно отражался в воде. Среди них не было Тайницкой*.

VI

ЦАРИЦЫНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

ХОДЫНСКОЕ ПОЛЕ — ЧЕРНОЕ МОРЕ

Барон Фридрих Гримм с волнением распечатал письмо из Москвы: ему льстило состоять в переписке с Екатериной Великой, могущественной российской императрицей. Завтра весь Париж будет знать, что Екатерина прислала ему очередное послание. Он расскажет о нем Вольтеру, Дидро, в театре, при дворе. Со всеми знаком, всеми нелюбим — таков Фридрих Гримм, критик и публицист, светский человек, принятый во всех аристократических салонах, при всех европейских дворах.

Лесть и угодничество сделали ему карьеру. Секретарь герцога Орлеанского, потом посланник города Франкфурта при Версальском дворе. Баронский титул заслужил в Вене. В свите ландграфини Гессендармштадтской, отправлявшейся на бракосочетание дочери с Павлом, прибыл в Петербург, понравился Екатерине и был пожалован ее милостями. Императрица просила Гримма, знатока и ценителя искусств, быть в Париже ее официальным

* Тайницкая башня была восстановлена в 1776 году.

комиссионером по покупке картин, книг, гобеленов, скульптур, ювелирных изделий. Тогда же и началась их переписка, в которой Екатерина рассказывала своему парижскому корреспонденту о новостях в жизни империи. Grimm уже знал о поимке и казни «маркиза» Пугачева. О чем же последнее письмо?

Екатерина сообщала Grimmу, что Москва готовится к торжествам по случаю заключения Кучук-Кайнарджийского мира. У европейских политиков по этому поводу не было радужных настроений — они хорошо понимали, что отныне Россия, укрепясь на берегах Черного моря, станет еще мощнее и соперниц ей не будет. Может быть, поэтому Екатерина так подробно описывает Grimmу предстоящие московские праздники, чтобы лишний раз напомнить Версалию о своей победе: ведь она прекрасно понимала, что Grimm разнесет содержание ее письма по парижским салонам. На это и рассчитывала.

Барон с любопытством читал: «Был составлен проект празднеств, и все одно и то же, как всегда: храм Януса да храм Бахуса. Я рассердилась на все эти проекты и в одно прекрасное утро приказала позвать Баженова, моего архитектора, и сказала ему: «Любезный Баженов, за три версты от города есть луг (Ходынского поле, мимо которого Екатерина всегда проезжала из Петербурга в Москву.— *С. Р.*); представьте себе, что этот луг — Черное море и что из города две дороги. Одна из сих дорог будет Танаис [Дон], другая — Борисфен [Днепр]; на устье первого вы постройте столовую и назовете Азовом, на устье второго — театр и назовете Кинбурном. Из песку сделаете Крымский полуостров, поместите тут Керчь и Еникале, которые будут служить балльными залами.

Налево от Танаиса будет буфет с вином и угощением для народа, против Крыма устроится иллюминация, которая будет изображать радость обоих государств о заключении мира; по ту сторону Дуная нужен будет фейерверк, а на месте, изображающем Черное море, будут разбросаны лодки и корабли, которые вы иллюминуете, по берегам рек... будут расположены виды, мельницы, деревья, иллюминированные дома, и, таким образом, у нас выйдет праздник без вычур, но, может статься, гораздо лучше других».

«Однако «праздником без вычур» это не назовешь, — подумал Grimm.— И зачем такого знаменитого архитектора, как Баженов, которого до сих пор помнят и ценят в Париже, заставлять строить увеселительные балаганы?» Grimm был свидетелем успехов Баженова, знал о нем мнение де Вайи, Суффло, Габриэля. Конечно, барон не написал Екатерине о своих сомнениях, он выразил восторг по поводу ее бурной фантазии и смелости архитекторских замыслов.

После прекращения строительства в Кремле Василий Баженов жил, как в тумане. Смысл, цель творчества были потеряны, первое потрясение, душевная травма, испытанные им, могли сравниться только с потерей дорогого человека. Это было настоящим горем для архитектора — от дел титанических, вечных перейти к забаве, к однодневке. Но и здесь он остался настоящим архитектором, и здесь Баженов нашел в себе силы, увлекся делом. Ходынское строение, хоть и короток был его век, стало для Василия Баженова поиском новых путей, поворотом к новым архитектурным мотивам. Он творил легко, раскованно, играючи, потому что не чувствовал столь строгой, как в Кремле, опеки, потому что понимал: на следующий день, едва отшумит последний карнавал на Ходынке, павильоны сломают, и память о них останется только на рисунках Матвея Казакова, — верный товарищ опять был с ним, его прислали Баженову в помощь на время ходынской стройки.

На Ходынском поле Баженов построил дворцы, крепости, храмы, минареты, гавани, галереи, пирамиды, замки. Носили они названия городов Причерноморья и Крыма, а которых писала Екатерина барону Гримму. Были в них устроены буфеты, танцевальные залы, театр, трактиры. Здесь можно было увидеть настоящие уголки Рима и турецкие крепости, строгие, в классическом вкусе постройки и входившие в моду готические. Но более всего во многих павильонах и сооружениях видны были мотивы допетровской русской архитектуры, любимые и глубоко изученные Баженовым в Кремле: зубчатые стены, многоярусные башни, шатровые верхи, цветовые сочетания красного с белым. Баженов не копировал, не повторял буквально детали кремлевских построек, но свободно интерпретировал их. Здесь архитектор впервые почувствовал тягу к романтическому, что в его сознании связывалось со средневековой русской архитектурой. Может быть, это была реакция на неудачи с его прежними проектами, где он шел от барокко к классицизму?

Восточное и западное, современное и древнее причудливо сошлись в архитектуре ходынских торжеств, когда 10 июня сюда, на «луг за три версты от города», пришли полки победителей, хлынуло море людей всякого чина и звания — дворяне, купцы, мастеровые, гвардейские офицеры и солдаты, участники громких баталей, русские аристократы и бродячие цыгане. Из Кремля, из Грановитой палаты, где состоялось вручение наград, прибыла торжественная процессия. Она слилась с праздничной толпой.

Каждый мог подняться на борт прославленного под Чесмою фрегата, заглянуть в «город Таганрог» и театр в «крепости Кинбурн», пройтись по «Крыму», где шумела пестрая, разгоряченная бесплатным вином ярмарка, под стенами «турецкой» крепости

увидеть канатоходцев и ученых медведей, на любом углу и перекрестке отвесть даровой баранины или гусятины. Крутились карусели, мелькали качели. Мчались на конных ристалищах степняки-джигиты. С каланчи, украшенной березовыми ветками, бил фонтан виноградного вина. На галереях всюду старались музыканты. «Гром победы раздавайся! Веселися, храбрый росс!»

Всем были по душе баженовские строения, и каждый хотел их увидеть, заглянуть внутрь. Екатерина со свитой, в которой были и иностранные послы, с гордостью показывала «Азов», «Еникале», «Керчь». Сами эти названия звучали как символы победы над старым врагом — Оттоманской Портой.

Вечером, когда загорелись огни фейерверков, засверкала устроенная против «Крыма» иллюминация; загорелись иллюминированные корабли и дома. В «Азовском замке» на банкете чествовали победителей. Гулянье длилось до утра и продолжалось на следующую день.

И вновь Екатерина, описывая праздники, сочиняла письмо в Париж, барону Гримму. В письмо она вложила один из ходынских эскизов Баженова: «Посылаю вам рисунок, изображающий место, где гулянье. Что за вид! Сколько народу! Праздник был прелестный.

...Чтобы понять рисунок, вы должны знать, что Кинбурн — это театр, Керчь и Еникале — три большие залы, Азов — столовая, а мачты, фонтаны и народные зрелища находятся там, где ногайские татары расположены станом.

Баженова обласкали, заплатили за труды. Правда, рассчитаться с долгами — их у него накопилось пятнадцать тысяч рублей — он не сумел. Все старались поскорее забыть о кремлевской стройке, но сам архитектор забыть о ней не мог, хотя успех кучук-кайнарджийских праздников ободрил его, отвлек от тяжелых мыслей. Очень скоро он получил новый крупный заказ. Все-таки фортуна не оставила его — она вновь дает ему шанс выиграть, возможность доказать, что он, Баженов, по праву — один из лучших архитекторов России...

ДВОРЦЫ СРЕДИ РОЩ

Лето 1775 года Екатерина провела в Москве. Она путешествовала по окрестностям древней столицы и искала место для очередного загородного дворца, для своей летней резиденции. Ей нравилось Коломенское и соседние с ним места. Екатерина скупала здесь у прежних хозяев поместья, она мечтала иметь под Москвой второе Царское Село. Выбор ее пал на усадьбу Черная Грязь, место романтическое, с прекрасным парком, живописными холмами, целой системой прудов.

Пустошь Черная Грязь была известна с XVI века, когда ею владела царица Ирина Федоровна, сестра Бориса Годунова. Позже здесь находилась вотчина князя Голицына, фаворита Софьи. После его ссылки имение было отобрано Петром в казну, а позже пожаловано им молдавскому господарю Дмитрию Кантемиру. У наследников Кантемира Екатерина II и купила Черную Грязь. Село она приказала переименовать, о чем не замедлила сообщить в письме Гримму: «Мое новое владение я назвала Царицыном, и, по общему мнению, это сущий рай».

В день, когда Екатерина решила отправиться в свое новое поместье, Потемкин приготовил своей покровительнице сюрприз — роскошный сельский праздник. Выезд состоялся из Коломенского по специально устроенной дороге, названной «Московский проспект».

Карета Екатерины была запряжена восьмеркой неаполитанских лошадей, их головы украшали кокарды. Тяжелые кавалергарды и кирасиры в белых мундирах, сверкая серебряными кирасами, окружали карету слева и справа. Сзади скакали уланы с цветными флюгерами на пиках. Важно восседали усатые кучера, и стояли на запятках распудренные фореиторы.

В Царицыне по распоряжению Потемкина крестьяне в праздничных нарядах косили траву. Бабы в цветных сарафанах, в киках с дробницами из стекла сгребали сено и пели песни. Потемкин принял Екатерину в беседке из полевых цветов.

В первый приезд Екатерины в Царицыно еще стоял на пригорке старый дом Кантемиров. Дом был скромный, небольшой, о шести окнах, на китайский манер, с башенками, обтянутыми парусиной. На его месте Екатерина и приказала Баженову строить новый дворец, в мавританско-готическом вкусе. «Что-то в духе ходыньских построек» — так объяснял задачу архитектору Потемкин.

Декоративность, романтизм — вот что нравилось Екатерине в ходыньском строении. Ну что ж, архитектору не привыкать к исполнению воли веселой заказчицы — не в том ли худшая сторона его профессии? Баженов давно усвоил эту истину и понимал неизбежность своей зависимости. Не случайно в «Кратком рассуждении о кремлевском строении» он отметил: «При всяком здании, каково бы оно ни было, великое ли, малое ли, архитектор должен, во-первых, сообразясь с желанием господина того здания, сделать прожект...» А «господин» у Баженова был могущественный и капризный, к тому же подверженный прихотям моды, уверенный в истинности своих вкусов и пристрастий. Не раз уже испытал на себе Василий Иванович тяжкое бремя «воли и намерения хозяйского» императрицы, которая в письмах к Гримму называла Баженова — «мой архитектор».

Но Екатерина не очень жаловала «своего архитектора», чересчур гордого, независимого в суждениях. Было у Баженова и немало недоброжелателей в Академии художеств — один Бецкий чего стоил, — которые наветами, клеветой создавали вокруг него атмосферу отчуждения, стремились ранить его самолюбие, распускали нелепые слухи о нем. Они завидовали баженовской славе, признанию его таланта в Париже и Риме, близости его ко двору. «Зависть все у меня поглотила» — имел право написать Баженов.

Летом 1775 года он оказался на грани полного разорения и нищеты. В семье четверо детей, кредиторы требуют уплаты долгов. Душевная депрессия. В этот трудный час решил Василий Баженов писать «Изъяснение» новому фавориту и кабинет-секретарю Екатерины, Петру Васильевичу Завадовскому. Это — горестная исповедь униженного художника, вынужденного просить о помощи: «...во все оное время (после возвращения из-за границы.— *С. Р.*) гоним судьбою десять лет в теперешнем чине... А более всего стеснило дух мой пятнадцатитысячное число рублей долгу, имеющегося на мне, который я нажил не мотовством, ни каким другим образом, кроме как усердствованием моим Отечеству, набирая беднейших (учеников.— *С. Р.*), и для их обучения выписывал нужные книги, покупал эстампы, редкие картины, гипсы и все, что касается до художества, из своего и заемного избытка, в уповании, что начатое великое здание в Кремле будет продолжаться. А я через восемь лет только остался без здоровья с повреждением зрения».

Баженову еще не было сорока, а он чувствовал себя уставшим от жизни, от непрерывной борьбы, от несправедливости и обид. Но послание к Завадовскому ничего не переменило в его судьбе! Кабинет-секретарь осторожно доложил «матушке» о жалобах Баженова, но уговаривать императрицу — помочь «своему архитектору» — не стал.

В деньгах было отказано, хотя пятнадцать тысяч по сравнению с десятками и сотнями тысяч, которые Екатерина раздавала своим фаворитам, были мелочью для императорской казны. Одному только барону Гримму за его услуги уплатили пятьсот тысяч рублей.

Обращался Баженов и к цесаревичу Павлу, с которым у него с давних пор сложились добрые отношения; наследник ценил талант архитектора и много раз при матери высказывался о нем с восторгом. Но пользы это Баженову не приносило: Екатерина не любила и боялась сына и круг его друзей. При встрече Павел сказал архитектору:

— Помочь тебе не могу: у меня нет денег. Мать меня всего лишила.

Не помог Баженову и тесть, богатейший московский купец Лука Долгов, человек прижимистый, жадный до денег. Он даже приданого, обещанного своей дочери Аграфене, не выплатил полностью.

Баженов оставил большой дорогостоящий дом в Москве и переехал с семьей в Царицыно: поближе к стройке. Здесь он поселился на казенной квартире в скромном деревянном домишке. Но долги надо было платить, и в отчаянии архитектор дал объявление в «Московские ведомости» о продаже своего дома в Средних Садовниках, имения жены, всего движимого имущества.

Объявление было напечатано, в нем для продажи предлагалось: «Архитектора и артиллерии капитана Василия Баженова каменный о двух жильях дом, в коем до 16 покоев, под лестницею каменная баня, деревянный флигель людской о трех покоях и четвертая топлюшка, два погреба с сушилками, каретный сарай, конюшня на четыре лошади, два анбара для хлеба, сад с прудиком, с редкими яблонями, грушами, вишнями и другими для украшения деревьями; оранжерея, в коей близ ста дерев, в том числе персики, разных родов вишни и сливы, пять больших лимонных и оранжевых деревьев. Также и при оранжерее и светлица о четырех покоях для садовников; в доме же его до 50 картин редких мастеров, книг архитектурных до ста, также немалое число эстампов, рисунков и прочего, что до художества принадлежит; да жены его Аграфены Баженовой недвижимое имение, состоящие в Пензенском уезде, в Завальном стану, по обе стороны реки Хопра, село Покровское, Березовка тож, в коем церковь деревянная, утварью весьма снабженная. Крестьян по последней ревизии 190 душ, а налицо мужского пола с 240. Лесу дровяного по Хопру рощами верст на шесть, мельница об одном поставе, земли по урочищам душ на 500, также и сенных покосов с четвертями, что явится по писцовым книгам. Если кто пожелает купить по 80 руб. душу или перевести его долги на себя, те б благоволили явиться к помянутому архитектору самому, в доме его, состоящем на берегу Москвы-реки в Средних Садовниках, в приходе церкви Софии Премудрости божии».

Объявление в «Московских ведомостях» попало на глаза известному богачу Прокопию Акинфиевичу Демидову, внуку Никиты Демидовича Антуфьева, простого кузнеца, разбогатевшего на поставках оружия Петру I.

Прокопий Демидов жаждал славы мецената и потому из обширного своего состояния жертвовал на богадельни, устройство университета, на строительство Воспитательного дома. Богач был своенравен, ему нравилось унижать человека гордого, но неимущего. Баженова он не любил, считал амбициозным, чересчур гордым и заносчивым. И вдруг это объявление! Ну как тут

не покуражиться над гордецом, который отказался делать проект Воспитательного дома. Прочитать его, чтобы не задира л нос! С этой мыслью подъехал Прокопий Акинфиевич в роскошной карете к дому Баженова. Арапы в пунцовых чалмах соскочили с запяток и, согнувшись до земли, отворили украшенные чеканным серебром дверцы кареты. Демидов весело шагнул на мостовую и направился в дом.

Баженов удивился гостю, но принял его достойно, без суеты, угостил чаем.

— Узнал из газеты о твоём бедственном положении, — сказал Демидов, — и решил помочь тебе, Василий Иванович. Дом и имение не продавай. Дам тебе денег под вексель на десять лет. И процентов не надо. Не обеднею. Вместо них сделаешь для задуманных мноюстроек проекты и планы.

Мог ли Баженов размышлять? Он был счастлив, благодарил благодетеля, истинного мецената, протянувшего руку художнику, чтобы избавить его от унижительного разорения. Не знал Василий Баженов, что «добрейший Прокопий Акинфиевич» сыграл с ним злую шутку, что решил его взять в кабалу, поиздеваться вдоволь, затеять с ним долготелую тяжбу, окончательно подорвавшую душевные силы и здоровье архитектора.

Но в тот день Демидов казался ему спасителем, чудодеем! Теперь можно расплатиться с проклятыми долгами и спокойно продолжать работу над царицынским ансамблем.

Приступая к проекту императорской резиденции в Царицыне, Баженов, как всегда, все тщательно подсчитал — количество строительных материалов, потребные к стройке средства, договорился с поставщиками. Собирался сделать модель, но из Петербурга, от Екатерины, последовало указание: «Нет в оном нужды».

Как и в годы кремлевского строительства, архитектор предлагал устроить собственные кирпичные заводы, но велено было покупать кирпич и черепицу по подрядам. Для отделки царицынских построек решили пустить подмосковный белый камень — люберецкий, хорошевский, мячковский. Баженов любил его теплый цвет, мягкую фактуру — лучшего камня для декора не найти. Известь взяли из неистраченных кремлевских запасов, тех, что были приготовлены для строительства дворца.

Очень надеялся Василий Баженов, что в Царицыне будет с ним его архитектурская команда, его испытанные помощники, ученики. Но команду и школу распустили, при Баженове осталось только два «запомощника», Михайло Комаров и Алексей Третьяков. Остальные получили отставку или назначены были в помощь Матвею Казакову, которому императрица поручила проектировать здание Сената для Московского Кремля.

Вновь судьба развела их. Казакову доверена важнейшая

стройка именно в Кремле, откуда он, Баженов, изгнан. С Казаковым остались лучшие баженовские помощники, которых он подбирал и воспитывал годами. Удачлив, счастлив Матвей Федорович, и, хоть Баженов не чувствовал зависти к другу, все-таки иногда мучило: отчего же так не везет ему?

В Царицыне Баженов чувствовал себя одиноким — рядом не было друзей, не было незаменимого спутника и собеседника Федора Каржавина — он уехал во Францию. Изредка писал из Парижа, вспоминая об их молодости, о мансарде, где Баженов строил модель колоннады Лувра, а Лосенко писал свою картину. Суждено ли им снова встретиться?

От тоски спасала работа, хотя прежний азарт, прежняя страсть и вдохновение, какими он жил в годы кремлевской стройки, уже не приходили. Зодчий не воспринимал и не мог воспринимать царицынские постройки как дело великое, начертанное ему судьбой, но живописный ландшафт, многообразие зданий, которые необходимо было связать в цельный ансамбль, ставили перед ним новые, интересные задачи. И Баженов горячо взялся за дело. Он снимает план местности, набрасывает эскизы будущих построек, уточняет планы отдельных сооружений. Часами бродит он по царицынским оврагам, старому парку, берегам прудов, уходит на Коломенскую дорогу и на расстоянии одной-двух верст рисует панораму будущей резиденции Екатерины.

Василий Баженов задумал царицынское строение как группу павильонов, свободно расположенных вдоль дороги, ведущей из Коломенского в царицынский парк. Фасады дворцовых зданий и корпуса для дам и кавалеров, хозяйственных зданий выходят на дорогу и пруды.

Итогом натуральных зарисовок стала панорама — «генеральный фасад» села Царицына, сделанный со стороны прудов. Василий Баженов создал удивительное произведение: в нем мечта и реальность, поэзия и расчет, природа и архитектура слились так нераздельно и естественно, что кажется, будто павильоны и дворцы от века стояли на этой земле, на краю этого оврага и только здесь могли стоять. Движение рельефа, прихотливые изломы холмов, перепады высот, овражки, рощицы — живое дыхание природы — в царицынской панораме Баженова находят тонкий отклик в архитектуре павильонов и их живописной разбросанности вдоль «березовой перспективы». Они удивительно соразмерны, соотнесены и со старой церковью, и высотой деревьев, и масштабом всей панорамы. Их композиция так гармонична, будто архитектор творил ее в лучшие и безоблачные дни своей жизни. Вот где проявилось его гениальное пространственное мышление! В левой части панорамы сбиваются плавные ритмы холмов — глубокий провал оврага разрушает гармонию. Но рука зодчего

восстанавливает ее, вставляя между откосами оврага мост о пяти арках с мощными колоннами посередине. Разъятое пространство вновь спаяно.

С великим искусством, пониманием законов линейной и воздушной перспектив строит Баженов ансамбль в глубину: он у него будто бы растет над приземистыми постройками переднего плана, растворяется в дымке, среди куп деревьев — башни и кровли воздушных замков.

Ритмы окон, пилястр, бегущих вдоль дороги, соединенные с ритмом стволов, дают ощущение непрерывного движения всего ансамбля. Баженов был мастером вертикальных ритмов — как легко выстраивалась его кремлевская колоннада и как удивительно тот же ритм, то же колонное членение увидеть в панораме Царицына, которую архитектор воспринимал, словно фасад одного гигантского монументального здания, фасад, в котором нет мелких деталей, нет монотонного единообразия, а есть множество мотивов, форм, движений, острых всплесков и спокойных протяженностей, собранных рукой мастера в сложное единство, увенчанное царицынским «фаросом» — островерхой башней с часами.

Покой и романтическая тайна царят в царицынской панораме, она манит заглянуть в глубину, взбежать на холм, в парк у интимного дворца императрицы, пройти по мосту в центре композиции, глянуть с его высоты вниз, на гладь прудов. И кажется, что этот мир художник создал из своего воображения, а не реального пейзажа, и жить в этой таинственной красоте не людям, а призракам, бесшумным теням.

Екатерине понравилась панорама. Понравилась она и Потемкину и Завадовскому. Красиво, поэтично — не отнимешь у Баженова талапта. А как все ловко, разумно спланировано: павильоны изящные, небольшие, друг другу не мешают — перспектив не перекрывают и в то же время не отдалены друг от друга, связаны удобными аллеями и дорожками. Скорее построить!

ПОЭЗИЯ ГЕОМЕТРИИ И НЕЖНАЯ ГОТИКА

В царицынской панораме Василий Баженов создавал общую картину будущего ансамбля, но уже тогда в деталях представлял, каким будет каждый отдельный павильон, корпус, дворец — каких размеров и планировки, как декорирован.

Изобретательность Баженова в планировке отдельных зданий поразительна. Его фантазия прихотлива, как никогда прежде — разве что в ходыньском строении он сочинял так же вольно.

Планы дворцов и павильонов — поэзия геометрии: крестообразная композиция, посаженная на восьмиугольник, звезда-

шестигранник с двумя крыльями-выступами, круг, словно впаиваемый в ладью, квадраты с округлыми углами, эллипсы и овалы, артистично соединенные с прямоугольниками. И самое удивительное, что все это снаружи обретает не барочную или классическую плотность, но готико-романтическую. Только такой мастер, как Баженов, соединяя в архитектуре разные ипостаси, разные стили, мог не впасть в эклектику, а создать нечто новое, небывалое — царицынское.

Истоки царицынского стиля обнаружить не просто, но главное здесь в том, что Баженов прекрасно знал и древнерусскую архитектуру и средневековую западную готику, элементы которой, сильно переработанные, стали частью декоративного убранства царицынских построек. Еще в годы кремлевского строительства зодчий соединил две эти архитектурные стихии, когда проектировал сени для гробниц митрополитов Петра, Ионы и Филиппа в Успенском соборе. Здесь уже есть почти все элементы декора, которые Баженов применил в Царицыне. Это была его первая попытка приспособить к своим целям древнерусское наследие, дать ему новое звучание. В Царицыне он доказал бесспорно: прием сочетания кирпичной кладки с использованием белого камня в отделке — как у старых мастеров — может блестяще употребляться и в новое время, при новых потребностях и вкусах. Белый камень, «нежная готика», как называет его Баженов, дивным кружевом одел кирпичную стену царицынских дворцов и павильонов, придав им почти сказочный строй, сделал загадочными их декоративные цветения.

Екатерина с восторгом приняла проекты всех павильонов и зданий. Сказалось влияние Потемкина, любившего в архитектуре «готико-мавританское, романтическое».

Царицынская стройка началась весной 1776 года. «Было затчато строение, то есть мост и три домика от него к церкви, которая уже прежде тут была», — сообщал Баженов Завадовскому. «Лето было мочливое», но, несмотря на непрерывные дожди, «приятного вида мост с четырьмя по углам башнями и парапетами, кроме малых на оном украшений», каменщики-нижегородцы окончили.

Кабинет-секретарь отвечал Баженову из Петербурга: «Имею честь сообщить Вам высочайшее Ея и. в. повеление, что всеми Вашими распоряжениями и хорошим успехом в производстве строения Ея величество изволит быть довольна».

«Добрый знак, — думал Баженов, — дело началось хорошо. Может быть, на сей раз и кончится все удачно?»

Фигурный мост стал первой постройкой царицынского ансамбля. Башни с двурогими зубцами, колонки, карнизы, кирпичная кладка с белыми швами, белокаменный цоколь — многое напо-

минало старомосковские постройки. Генерал Измайлов, в ведении которого состояла царицынская стройка, заметил, пройдясь по мосту:

— Башни у тебя, как в Кремле.

Баженов ничего не ответил на это замечание, но ему было приятно, что начальник Кремлевской экспедиции правильно понял его замысел.

Осенью архитектор в письме к Завадовскому спрашивал не без тревоги: «Будет ли что строиться на 1777 год: те ли дворцы, из коих один почти весь выбучен, а другой рвами изготовлен, или что другое в прибавок?..» Он-то знал, как капризна бывает Екатерина, и потому неспрадно волновался — решено ли стройку продолжать и какие суммы на то положены?

Знать это необходимо было заранее, задолго до начала нового строительного сезона, чтобы договориться с артелью каменщиков, — иначе уйдут к себе в Нижний, ищи их потом.

По каждому вопросу приходилось снова и снова писать в Петербург: Баженов неволею был сам решать, как крыть кровли — железом или черепицей, как отделять интерьеры. Это скосывало, мешало быстро разворачивать дело — пока курьер доскачет до Царского Села да вернется назад... Вот и писал Баженов кабинет-секретарю, делал ему «докуку»: «А будущим летом обдывать стены внутри штукатуром или чем другим? А по штукатуре расписывать ли альфреском или будут обои? Однако клопы в таком водятся. А панели столярные еще неудобнее.

Полы в них делать из кирпичной глины плитками и сементом по-венециански? Или по-русски деревянные? Печи в них изращатые или другие какие?»

В окошки делают переплет столярной работы готической, как на чертежах назначено; какие ж в них стекла употребить — русские или иностранные?»

Как и в годы кремлевского строения, приходится Баженову просиживать вечера над бумагой — писать, писать. Будто бы он сам не мог решить, какие лучше сделать полы и какие стекла вставить.

Нет же — пиши, потому что императрица вообще любит заниматься строительством, особенно своих дворцов, в чем и Гримму признавалась: «Стройка — дело дьявольское: она пожирает деньги, и чем больше строишь, тем больше хочется строить. Это — болезнь, как запой...»

Строительство в Царицыне, хоть и с задержками, остановками, продолжалось. Баженов неотлучно был на стройке. В разгар сезона редко случалось бывать в Москве. Заезжал в Кремль, к Матвею Казакову, смотрел, как подвигается закладка фундамен-

тов Сената, давал советы другу. Баженова в Кремле встречали радушно — почти все, кто работал на стройке Сената, еще недавно были его сотрудниками.

Крестообразный павильон Баженов закончил в 1777 году. Острые, сердцевидные кокошники, ряды пирамидок вокруг восьмигранного купола — многое взял архитектор из русского зодчества допетровской поры. Во втором павильоне, шестигранном, что тоже строился слева от Фигурного моста, — уже новые орнаментальные детали, новое плетение белокаменных узоров: резные овалы и ромбы, парапет из трилистников. Фантазия зодчего неисчерпаема: в третьем Кавалерском корпусе, в малом интимном дворце, украшенном фронтоном с вензелем Екатерины, — все новые и новые комбинации арок, овалов, ромбов, декоративных обелисков.

По Москве пошла молва о диковинных постройках в Царицыне. На Коломенской дороге все чаще пылили кареты — приезжали любопытные, немало знатных особ.

«Вчера мы со своей семьей ездили в Царицыно гулять, — сообщает княгиня Куракина родственникам. — Загляделись на строение, которое беспримерно хорошо». Писала княгиня о дворце для приемов, спектаклей, парадных вечеров — об Оперном доме, «что подле сада». Фигурные фронтоны над входами во дворец украшены белокаменными двуглавыми орлами. Композиция здания, его план классически ясны и просты. Все в нем логично связано — от зала приемов до будуара царицы. В декоративном оформлении Оперного дома Баженов виртуозно использует белый камень в готических арках окон первого этажа, в плавных дугах — второго, в кругах, овалах, ромбах — на стенах, лучистых звездах, дисках и серпах, символизирующих небесные светила, — на парапетах. Белокаменный руст дает дворцу ощущение монументальности, устойчивости. Хотя декор на здании обильен и сложен, он органичнее, чем в других царицынских постройках, связан с архитектурой. В нем есть благородная мера и высокий вкус. Это был самый удачный павильон-дворец, «не из больших, однако и не из малых», как называл его Баженов в очередном письменном сообщении Екатерине.

Еще не закончен был Оперный дом, как Баженов начал новую постройку — одну из самых изящных в царицынском ансамбле — Фигурные ворота при входе в парк. Василию Ивановичу и самому нравилось его творение, о чем он не удержался сообщить в официальном докладе: «...ворота прекрасной фигуры, по моему мнению, и прямо нежной готической архитектуры совсем же отделаны».

У них действительно «прекрасная фигура»: стройные, легкие при всей монументальности и осязаемости кирпичной плоти двух

тур — башен, несущих хрупкий венец стрельчатой арки. В ее остром проеме — сквозная белая резьба, как каменная вуаль. Это мог создать только художник, умевший в строгом искусстве архитектуры говорить лирикой. И снова звучат мотивы древнерусского зодчества: кремлевские двурогие зубцы у основания второго яруса башен, наряд кокошников, белокаменная резьба, которая прекрасно согласуется с красным кирпичом. Фигурные ворота восхитили Матвея Казакова, который изредка наезжал в Царицыно, чтобы увидеть работу своего учителя. Царицынский ансамбль очень интересовал Казакова, так как сам он в это же время строил Петровский путевой дворец, тоже в готико-романтическом духе.

Одновременно с Фигурными воротами в Царицыне шло строительство небольшого Камер-юнгфарского корпуса — садового эрмитажа с фонарями, спальнями для камер-юнгфер, девиц из дворцовой прислуги. Камер-юнгфарский корпус архитектор поместил на переднем плане своей панорамы между Фигурным мостом и Полуциркульным дворцом. Его размеры, относительная миниатюрность позволили Баженову тонко построить глубинную перспективу: от малых объемов к более крупным и представительным — Кавалерскому корпусу, дворцам Екатерины и Павла.

Оформлен павильон для камер-юнгфер изящно, с выдумкой, с щедрой декоративностью; в плане же классический прост — комбинация квадратов, образующих крест.

Закончив осенью 1778 года Камер-юнгфарский корпус, Василий Баженов завершил фасад царицынского ансамбля со стороны прудов. Оставался лишь один мост через овраг, строительство которого затянулось, так как при рытье рвов «открылось множество ключей». Пришлось бить сваи.

После сноса старых строений в усадьбе Кантемира Баженов приступил к главному делу — сооружению дворцов Екатерины и Павла. Дворцы были невелики, камерны, интимны, в два этажа, с одним лишь залом. Архитектор предложил их сделать совершенно одинаковыми — и императрица одобрила эту идею.

Дворцы Екатерины и Павла украшали пилястры, стрельчатые арки окон, парапеты с острым гребешком кокошников. Над екатерининским возвышалась башенка с открытым бельведером, с часами и шпилем. Между дворцами императрицы и наследника Баженов поместил скромный дворец для детей Павла. Вместе с соседним Кавалерским корпусом — для ближайшей свиты Екатерины — императорские дворцы образовали центральное ядро всего ансамбля. Баженов несколько раз показывал эту планировку в Петербурге. Екатерина одобрила все предложения архитектора, а Александр Безбородко, один из приближенных императрицы, сказал Баженову на прощание:

— Торопись, голубчик, ее величеству не терпится побывать в Царицыне.

И Баженов торопился — здания строились быстро, хотя трудностей на стройке было достаточно: то эпидемия лихорадки, то дожди, то нехватка кирпича. Не торопились только сама Екатерина и Безбородко, особенно когда речь заходила о деньгах. Баженов устал постоянно напоминать о них, просить, словно просил для себя. На 1782 год должно было быть отпущено пятьдесят тысяч рублей. В расчете на них архитектор заключил контракты с подрядчиками на поставку кирпича, леса, извести, белого камня, скобянки. Время шло, Петербург молчал, купцы-подрядчики требовали денег, требовали платы и мастеровые. С раздражением писал Василий Баженов князю Безбородко: «Поставщики уже неотступно требуют у меня за свои выставленные материалы денег. Я теперь от их приступов претерпеваю немалое беспокойство». Архитектор вынужден был занимать деньги, чтобы расплатиться с самыми нетерпеливыми, удержать на стройке каменщиков.

Наконец-то из Петербурга прибыл курьер, но сумму он привез вдвое меньшую обещанной. Значит, опять приходилось писать, просить, ждать, терять часы на переговоры с разгневанными подрядчиками.

ТАЙНЫЕ ЗНАКИ НА ЦАРСКИХ ЧЕРТОГАХ

В это-то трудное время обернулось бедой для Баженова щедрое меценатство Прокопия Демидова. Богач словно ждал, когда житейские дела архитектора придут в крайнюю нужду. Нарушив свое обещание, Демидов потребовал оплатить векселя. Баженов напомнил ему, что договор у них был на десять лет, что он выполнил по заказам Демидова проектов никак не меньше, чем на десять тысяч рублей. Но Прокопий Акинфиевич ничего слышать не хотел, ни на что не соглашался, требовал немедленной уплаты денег. Началась долгая безобразная тяжба. Демидов добился наложения запрета на имущество Баженова.

Архитектор вновь умоляет о помощи Екатерину, но в помощи вновь отказано. Баженов в отчаянии пишет Безбородко, «что отдаю совершенно на разорение». «Если не поможете, то не избегнуть мне безвременной смерти, кою я воображал бы за ничто, если б не имел семерых детей совершенно разоренных сирот...».

Посредником в деле со стороны Баженова взялся быть граф Алексей Орлов. Но даже всемогущий герой Чесмы не мог скоро урезонить мстительного купца — ведь он, Баженов, посмел ему когда-то отказать. Продав деревню жены, архитектор уплатил

своему гонителю часть долга. Тяжба тянулась восемь лет. И только в 1786 году, получив деньги от своих друзей масонов, Василий Баженов внес долг в губернское правление. Но и получив сполна всю сумму, Демидов еще долго терзал Баженова, требуя уплаты всякого рода процентов и издержек.

Тяжба эта, затеянная в самый разгар строительства царицынской резиденции Екатерины, тяжело сказалась на здоровье и душевном состоянии Баженова. Демидову он мог в глаза сказать: «Вы, сударь, подлец», но что он мог сказать ее величеству, которая спокойно взирала на травлю «своего архитектора» и не сочла возможным одолжить ему пустяковой суммы, чтобы огородить от унижений, от издевок судейских чиновников, от разорения? Он должен молчать, он не смеет высказать горькой своей обиды.

«Ненавижу власть, унижающую гений и свободу художника». Кажется, он сейчас был готов повторить слова Федора Каржавина. И чем суровее его испытывала жизнь, тем сильнее тянулся Баженов к масонам, к их идеям о равенстве людей, о добре и справедливости на земле.

Но масонство разнолико. Иные масонские ложи были подобием дворянских клубов, где почитали таинственность обрядов и церемониалов, где богатые бездельники играли в розенкрейцество с его алхимическими бреднями, в «вольных каменщиков», надевая поверх бархатных камзолов кожаные фартуки, где грессмейстеры больше походили на предводителей дворянства, чем на духовных наставников.

Но были в Москве и масоны — просветители, мечтавшие о реформах в стране, понимавшие их необходимость, говорившие на своих тайных собраниях об ограничении монархии, отмене крепостного права, о просвещении народа, самопознании. Это масонство, дворянское и разночинное, тяготело к Московскому университету, к его куратору Михаилу Матвеевичу Хераскову, поэту, публицисту, издателю.

С переездом из Петербурга Николая Ивановича Новикова часть московского масонства — маргинисты — стала еще радикальнее. В молодые годы Новикову пришлось служить в комиссии по составлению нового «Уложения». Он вел ежедневные записи «о среднем роде людей», о разночинцах, их предложениях, порой очень смелых, республиканских. Тогда-то и заразился бывший гвардеец «вольтериянством», идеей равенства сословий, страстью к просветительству и издательской деятельности. В своих журналах «Трутень», «Кошелек», «Живописец» Новиков бичевал за невежество дворянских недорослей, смеялся над правами богачей-самодуров, галломанией. Человек действия, острой политической мысли, он был далек от религиозных и мистических исканий масонов. В масонстве он видел форму организации, союз

единомышленников. В Москве Новиков учредил тайную ложу, близкую к кругу Хераскова, взял в аренду университетскую типографию и газету «Московские ведомости», число подписчиков которой очень скоро выросло с шестисот человек до четырех тысяч.

Баженов близко сошелся с Новиковым — их объединяло не только масонское братство, но и убеждения, личная дружба. Они вместе учились еще в гимназии Московского университета. Николай Иванович Новиков помог избавиться другу от преследований Демидова, заплатив за него значительную часть долга. Баженов был первым читателем книг, издаваемых «Дружеским ученым обществом» Новикова: в его царицынской квартире появились переводы сочинений Вольтера, Дидро, Руссо, Лессинга, Свифта, Фильдинга, Стерна.

Встречались масоны, члены новиковского кружка, в доме у Меншиковой башни, а позже — на Садовой в доме Гендрикова, недалеко от того места на Мещанской, где Баженов еще в пору работы над кремлевской моделью построил особняк своему тестю Луке Долгову.

Здесь, на Садовой, Баженов однажды услышал о намерении московских масонов создать в Сибири республику. Но услышал это не он один — на собрании мартинистов присутствовал некий Филимон Распадов, из духовного сословия, доносчик и шпион московского главнокомандующего графа Брюса. Прямо из дома Гендрикова он спешно отправился к графу — дело неотложное!

Яков Александрович Брюс, внук первого обер-коменданта Петербурга, строителя Петропавловской крепости Романа Брюса, с головы до ног был военным человеком. Участник Семилетней войны, в двадцать лет — генерал-майор, в тридцать — генерал-аншеф; геройски проявил себя в турецкую кампанию; командовал левым флангом при Ларге и каре при Кагуле. Он любил армию и презирал гражданских, знал службу, но не очень тонко разбирался в искусстве, философии, истории. Был суров и надменен, честен и строг, предан престолу без лести и корысти.

Граф по позднему часу был в плафроке и колпаке, зевал спросонья. Филимон говорил торопливо, скороговоркой:

— Ваше сиятельство, заговор! На монархию посягнули господа масоны!

— Говори толком — какой еще заговор? — грозно пробасил Брюс, и синие глаза его заблестели охотничьим блеском: уж очень не любил он масонов, особенно Новикова. Давно мечтал граф увидеть всех этих ученых, книжников да сочинителей в кандалах — надобно Москве жить спокойно, без тайных обществ. Тайное опасно для власти, литература — плохая опора для трона — эту истину главнокомандующий усвоил давно.

— Заговорщики хотят устроить республику, спаси бог! Сначала в Сибири, а оттуда — по всей России пойдет.

— Так, так... — повторял Брюс. — Запиши-ка имена всех, кто был на собрании.

На следующий день в Петербург отправился курьер — он доставил Екатерине список опасных, по мнению графа Брюса, людей, имеющих вредные для монархии замыслы. Среди них значилось имя Василия Баженова.

Тайный рапорт Брюса насторожил императрицу.

— Каков господин архитектор, князь, — говорила Екатерина Безбородко, прочитав донесение из Москвы. — Позволить себе такую вольность — ходить на тайные сборища. А Новиков — я-то его обласкала. Прикажи Брюсу следить за ним и мне доносить тотчас о новых его изданиях.

— Слушаюсь, государыня.

— А Баженову сообщи, чтоб кончал поскорее дела в Царицыне, — пора и посмотреть, что он там наделал. Кстати, и за ним не мешает последить — о чем это он беседует с Павлом Петровичем? Уж не к масонам ли склоняет сына?

Безбородко понимающе кивнул, поклонился и вышел.

Василий Баженов не знал, что над его головой сгустились тучи. Он продолжал царицынское строительство, хотя после каждой встречи в масонской ложе испытывал двойственное чувство: говорить о республике и строить императорскую резиденцию... Так и на стенах царицынских построек запечатлелось это чувство зодчего: двуглавые орлы, вензели Екатерины рядом с тайными масонскими знаками, символическими каменными письменами, смысла которых не могли узнать непосвященные: трилистники (природа), круги с лучами (солнце, звезды, вселенная), кресты (тайна), перекрещенные в квадрате мечи (верность, союз, справедливость). У архитектора, художника нет иной возможности, как своим произведением — открыто или тайно, иносказательно — утверждать выстраданные идеалы. Масонские символы помогли Баженову сказать: в мире должна быть гармония, братство, справедливость. Умеющий слушать, да услышит. Как надеялся зодчий, что когда-нибудь его поймут и услышат. В каменных шифрах-орнаментах на царских чертогах он скрывал для будущего свою веру.

В 1782 году Василий Баженов завершил строительство трех главных дворцов — для императорской фамилии. Тогда же он начал сооружение самого крупного корпуса во всем царицынском ансамбле — Кавалерского для придворных дам и кавалеров. Здание располагалось совсем близко ко дворцу Екатерины — свита

всегда должна быть рядом. За два года Кавалерский корпус был в основном построен.

Это было не первое сооружение в Царицыне, но плана архитектор не повторил — его воображения хватило бы на десятки таких дворцов. Кавалерский корпус — это круг, вписанный в квадрат, по углам которого — лапки прямоугольных выступов. Они дают особую живость и пластичность фасаду. Огромные стрельчатые окна прекрасно освещали залы и спальни. Между окнами — пучки стремительных копий-пилястр, рвущихся ввысь острыми наконечниками шпилей. Ступенчатый купол — единственный раз у Баженова — венчает здание. Поистине праздничный вышел корпус, кавалерский, для утех, легких интриг, флиртов, развлечений. Так и слышится из раскрытых зеркальных окон звук клавесина, смех дам, шелест шелков, звон шпор, бокалов, хрустальных подвесок на жирандалях...

После Кавалерского корпуса Баженов построил в Царицыне еще несколько павильонов, в том числе «домик управительский», владелец которого Карачинский был тоже масоном, потому на фронтоне дома управителя Царицына появились масонские символы: звезды, лучи, трилистник.

В начале 1784 года из Петербурга пришло указание — завершить строительство в наступившем году. Дел оставалось множество: Хлебный дом, мост через овраг, декоративные ворота, служебные павильоны... а зодчий был слаб после тяжелой лихорадки, на несколько недель свалившей его в постель. К тому же ассигнованной суммы — ста тысяч рублей — явно не хватило бы на завершение стройки. Баженов отправился в Питер объясняться с Безбородко. Сумму удалось увеличить вдвое, но сроки остались прежними — так велела Екатерина. Мало того: поручено было Баженову срочно сделать еще один проект — для дворца в селе Булатникове.

— Через год, весной или летом, государыня прибудет в Москву, а резиденция не готова. Не гневи судьбу, — наставлял архитектора Безбородко.

Проект для Булатникова Баженов сделал в несколько дней, сразу же после утверждения началось его строительство. Вот уж выпал год! Василий Иванович почти и дома не бывал. В Царицыне и в Булатникове кипела работа от зари до зари. Шестьсот каменщиков «работали более нежели лошади», как сообщал в Петербург архитектор.

В короткие летние ночи и вовсе не уходили со стройки — соснут под рогожами три-четыре часа, а с первым светом напьются квасу, луком закусят — и снова за мастерок. Только кирпичи подвози. Сам Баженов постоянно в гуще работы — следит за кладкой, за теской камня, подбадривает людей:

— Торопитесь, ребята, до зимы поспеть надо. Зимой на печах отлежитесь.

Но с каждым днем труднее ему было убеждать мастеровых торопиться — деньги шли из столицы неисправно, плату приходилось надолго задерживать или платить вдвое-втрое меньше. Рабочие роптали и ушли бы со стройки, если бы не уважение их к Баженову, которого они любили и почитали как мастера в каменном, плотницком, во всяком строительном деле. К тому же «господин архитектор» — не обидчик, зряшних наказаний не допустит, если и накричит на кого, то не по злобе, а сгоряча. Жалеет людей, а к себе — без жалости.

Осенью, в сентябре, Василий Баженов, измотанный вконец работой и тяжбами с поставщиками, пишет Безбородко раздраженное письмо: «...приходит и мне конец: извините, милостивый государь, что не умею писать красноречиво, а что чувствую, то и доношу... Я со всеми моими собранными силами и ревностью, чтоб угодить монархине нашей рвался, мучился и построил весьма много, в обоих порученных мне местах (в Царицыне и Булатникове.— *С. Р.*). Но что же теперь со мною делается: получено только денег сначала в марте пятьдесят тысяч, коими кое-как удовольствованы были поставщики и подрядчики.

Взойдите, милостивый государь: возможно ль столь огромное здание строить столь малыми деньгами. По счастью моему, было то, что мне поверили — работали и со слезами по окончании штукатурки с триста человек отошли: они ряжены по контракту за восемь тысяч четыреста пятьдесят рублей всю работу, а выдано им только две тысячи четыреста пятьдесят рублей, по когда они получают шесть тысяч рублей, еще неизвестно. Сим бедным надо идти по домам своим — что они принесут женам и детям!

...Бедные плотники, кузнецы, печники, столяры и всякие другие мастеровые все терпят. Но и я принужден занять на себя еще пять тысяч рублей и те все истратил па крайние надобности по строению.

Со всем тем еще приступают, просят и мучить будут поставщики, да и все не отступают и не дают нигде мне прохода. И до тех пор станут мучить, пока ваше сердце не тронется о человечестве; простите мне, милостивый государь, что я истину пишу, моего терпения более нету: я принужден буду бежать из Москвы к вам; оставляю жену, детей в болезни, из коих сына одного уже и похоронил на сих днях. Да и сам, может, не доеду до вас...»

Александр Андреевич Безбородко недовольно морщился, читая письмо. Право, до чего же настырный и непокладистый этот Баженов, о мастеровых печалится. И без него в империи дел хватает. Однако деньги придется высылать.

Стройка в Царицыне продолжалась. Каменщики кончали пер-

вый этаж здания для кухонь — строгого и монументального Хлебного дома, где Баженов вспомнил любимый мотив — округлые углы. Хлебный дом, хоть и был хозяйственной постройкой, однако из декоративного строя всего ансамбля не выпадал: стены его богато украшены. На глубокие погребки и ледники в Хлебном доме Баженов использовал крепкий хорошевский камень, запасы на Царицыном лугу еще до кремлевского строительства — «оний камень, по мнению архитектора, лучший всех здешних, пехорского и мячковского, а особливо в терпении мороза и сырости».

Для Баженова-строителя не существовало мелочей, как всегда, он был крайне разборчив и требователен в выборе материалов. И другой бы камень пошел в дело, но хорошевский — лучше, значит, его надо перевезти в Царицыно, раз уж он не пригодился на строительстве Кремлевского дворца.

В последний перед приездом Екатерины год достраивался мост через овраг, сооружение мощное, крепостного духа, по многим мотивам напоминающее русское зодчество XVII века. И вновь в его орнаментах — тайные масонские знаки — лучи планет, круги, перекрещенные копыя. Мост-загадка, мост-скрижаль. Впрочем, граф Брюс никакой загадочности в нем не увидел, ненавистных масонских знаков не разглядел и потому с чистой совестью докладывал в Петербург, что мост «имеет вид огромный и великолепный... и напоминает век Древнего Рима».

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

К концу 1784 года почти все царицынские постройки, кроме Хлебного дома, были закончены. Шла внутренняя отделка зданий, которая несколько лет откладывалась «до повеления». Сама Екатерина распорядилась: «Отделывать их только наружными украшениями, а до внутренних не касаться, ибо довольно еще останется на то времени».

Но времени явно осталось не «довольно», пришлось спешить, работать с полным напряжением. Детали интерьера, «полы, печи, штукатурка, живопись, с оконницами и с прибором, то есть задвижек, замков к дверям и протчего», — все до мелочей продумывал зодчий. Он представлял свое сооружение в полном его виде — от панорамы ансамбля до дверных задвижек. Тщательно работал Баженов, прекрасный рисовальщик и офортист, над изображениями будущих бронзовых светильников — паникадил, бра, таганков. За рисованием он отдыхал, любил по вечерам при свете свечи мечтать с карандашом в руке. Свободно и легко ложились штрихи рисунка, но так редко за размахом строительных дел приходилось Баженову вспоминать о том, что он начинал свой

путь как художник. Он поручал помощникам сделать нужный рисунок, и лучше других с этим делом справлялся Казаков, тоже хороший рисовальщик, так точно запечатлевший для истории и закладку Кремлевского дворца и ходыньские павильоны.

Может быть, лучшей постройкой в Царицыне должна была стать башня с часами — фaros, как называл ее Баженов. Называл так не случайно: как знаменитый античный маяк, царицынская часозвоня издалека открывалась бы тем, кто ехал в царскую резиденцию из Москвы, со стороны Коломенского. Профиль башни, тонкий, изящный, Баженов часто рисовал — в ней он хотел повторить колокольню-свечу в Кадашах, которую очень любил и едва ли не каждый день видел в детстве и в годы работы в Кремле.

Василий Баженов просил у Безбородко разрешения и ассигнования на постройку башни: «Если б не задержка денег, то б осталась нынешним летом (1784 года.— С. Р.) одна только башня для часов. По моему мнению, украсилось село Царицыно еще больше сим фаросом, и прибыло бы величавости всему фасу от прудов и от въезда от Москвы».

Но мечте архитектора не суждено было сбыться — распоряжения из Петербурга об ее строительстве не поступило: там решили обойтись без фароса.

В начале лета 1785 года Екатерина прибыла в Москву. Прошло ровно десять лет с тех пор, как на Ходынском поле, среди диковинных павильонов, гремел праздник по случаю победы над турками. Десять лет прошло с того дня, когда Потемкин встречал императрицу в только что купленном Царицыне. Тогда в беседке из полевых цветов, затейливо устроенной ее любимцем, Екатерина сказала, что хочет здесь, в бывшей усадьбе Кантемира, иметь свою подмосковную резиденцию. И вот резиденция была построена и приготовлена к приезду могущественной хозяйки. Этот день настал, страшный день в жизни Василия Ивановича Баженова.

С женой и детьми, с помощниками вышел архитектор навстречу пышному императорскому поезду. Екатерина была весела. Она захотела сразу же осмотреть свой и Павла дворцы, а уже потом остальные павильоны. Стоял жаркий июньский полдень, лакеи метлами сгоняли тополиный пух с ковра, по которому царица со свитой вошла во дворец. Здесь было прохладно. Екатерина быстро осмотрела спальню, кабинет, заглянула в зал. Лицо ее помрачнело, она молчала, сопровождавшие ее сановники и иностранные послы граф Сегюр и граф Кобенцль, настроенные на комплименты архитектору, растерялись и не знали, что же выразить на лицах — восторг или неудовольствие. Скоро Екатерина разрешила их сомнение.

— Довольно, — раздраженно сказала она, обращаясь к начальнику кремлевского строения Измайлову. — Жить здесь невозможно — это склеп, а не дворец!

Она мелкими шагами направилась к своей карете, не сказав ни единого слова Баженову. Он хотел было объяснить, что все построено по подтвержденным планам и чертежам, в согласии с ее пожеланиями и вкусами, но генерал Измайлов вовремя остановил его:

— Ступай-ка ты лучше к своей Аграфене Лукиничне. Государыня в гневе.

Граф Сегюр, садясь в карету рядом с Екатериной, пытался шутить, но развеселить ее не смог. Из-под густого слоя пудры на ее старушечьем лице появились пунцовые пятна.

Никто не смотрел в сторону Баженова, все спешили занять места в каретах. Скоро с Коломенской дороги доносился тяжелый гул копыт. Столб пыли долго стоял в знойном воздухе.

Десять минут пробыла Екатерина в Царицыне, но их оказалось достаточно, чтобы перечеркнуть десять лет, отданных Баженовым строительству царицынского ансамбля. По Москве пошли слухи, свидетельства очевидцев, догадки, отчего императрица с такой поспешностью покинула свою новую резиденцию, почему ей так решительно не понравился дворец. Тем более что большой неожиданности для нее быть не могло — ведь она сама подписывала чертежи и эскизы архитектора. Говорили разное. Одни считали, будто Екатерине дворец показался похожим на катафалк, другие утверждали, что ее возмутило полное сходство собственного дворца с дворцом для Павла. Так или иначе, но во всех московских, а затем и в петербургских салонах гадали о причинах монаршего гнева.

Сама же Екатерина в очередном письме барону Гримму не замедлила сообщить, что в новом ее дворце тяжелые своды, узкие лестницы, что в нем тесно, а залы плохо освещены. Уже тогда, сразу после посещения Царицына, Екатерина решила дворец сломать и тем примерно наказать «своего архитектора» — может быть, за узкие лестницы, а может быть, и за масонство Баженова и его подозрительно частые встречи с нелюбимым наследником, Павлом Петровичем. Но поначалу надо было сделать вид, будто она желает лишь исправить недостатки. Она так и написала Павлу в Петербург: «Дворец внутри должен быть изменен».

Желая уязвить Баженова, задеть его самолюбие, Екатерина распорядилась, чтобы «план о переправке со сметами» представил и Казаков. И вновь волей судьбы старый друг становился соперником. Куратором «переправки» назначен был генерал Измайлов. Оба архитектора обязались представить проекты осенью, в октябре.

С тяжелыми предчувствиями принялся за работу Василий Баженов. В трудном положении оказался и Матвей Казаков, хорошо понимавший, с какой целью его пригласили делать «переправку». Ведь один раз уже так было — в Кремле, где вместо грандиозного баженовского дворца он достраивал здание Сената. Что же за доля такая — получать заказы за счет неудач друга и учителя? Разве в радость такая работа?

Мучительные мысли не давали покоя. Матвей Федорович собрался в Царицыно. Баженов встретил его холодно. Некоторое время они молча сидели, не глядя друг на друга.

Потом Баженов прервал тягостное молчание:

— Говори, с чем пожаловал. Я все понимаю и тебя ни в чем не виню.

— Василий Иванович, воли государыни я послушаться не умею, но с проектом спешить не буду. Потяну,— Михайло Михайлович согласен, я уж с ним об этом переговорил.

— Нет уж, делай, как тебе Измайлов приказал: чтобы к октябрю проект приготовил. Меня жалеть нечего.

Баженов встал, подошел к раскрытому окну.

— Работай спокойно, Василий Иванович,— сказал Казаков.— Я к октябрю никак не поспею. Дай бог, к рождеству успеть. У меня ведь в Кремле дел хватает. Прощай.

Баженов ничего не ответил. В окно он видел, как Казаков быстро прошел к своей коляске, вскочил на подножку. Тотчас коляска помчалась по «утренней дорожке».

«Зачем я так с ним? — думал Василий Иванович.— Он-то чем виноват?»

Казаков сдержал слово: с планом «переправки» не торопился. Генерал М. М. Измайлов, любивший и высоко ценивший Баженова, был посвящен в этот маленький заговор. Расчет у него был нехитрый: Баженов сделает план раньше, исправит все, как императрица пожелала, тем дело и кончится. Мог ли начальник Кремлевской экспедиции предположить, что баженовские дворцы уже обречены?

В декабре генерал докладывал Екатерине: «Всемиловейшая государыня! По высочайшему в. и. в. именному указу касательно переправки строения, в селе Царицыне производимого, приказано от меня архитекторам Баженову и Казакову сделать планы, коим образом поправить там сделанное. Вследствие чего архитектором Баженовым те планы в разных видах и сделаны, которые на высочайшее в. и. в. рассмотрение при сем всеподданнейше и представляю. А для лучшего по оным объяснения по просьбе архитектора Баженова и его отправил; относительно же планов по сему строению архитектора Казакова, то и им оные в скорости изготовлены будут».

Но дипломатия Измайлова успеха не имела. Василий Баженов, хоть и сам отправился в Петербург, однако защитить перед Екатериной своей проект не смог: ему было отказано в аудиенции. Екатерина лишь мельком взглянула на новые планы своего царицынского дворца, показанные ей Безбородко, и тотчас отвергла их. Генералу же Измайлову в Москву отправили строжайшую депешу, из которой явно следовало, что затея его не удалась и в Петербурге немедленно ждут исполненного Казаковым плана.

Делать было нечего. Генерал собрался в столицу с казаковским планом. В Твери, на Ямской станции, они встретились: Баженов убитый возвращался домой. Пока меняли лошадей, Измайлов расспрашивал о петербургских новостях, избегая говорить о царицынских делах. Вскоре они разъехались в разные стороны.

Из Петербурга генерал Измайлов привез тяжкую для Баженова весть: Екатерина издала указ о разборке царицынского дворца и постройке на его месте нового, по проекту Матвея Казакова. Самого Баженова на год уволили от всех должностей — «для поправления здоровья».

— Мне отставка полная. Заказов больше не будет, — все, что сказал архитектор жене, когда узнал о решении Екатерины. Слова эти он произнес спокойно, без отчаяния и горечи, достойно приняв новый удар судьбы. Он не стал дожидаться дня, когда в Царицыно явились каменщики, чтобы разобрать дворец. В ту же зиму архитектор покинул несчастливое Царицыно и переехал в Москву, где на Ваганьковском холме, на стыке Знаменки и Моховой, по его проекту строился дом для лейб-гвардии капитан-поручика Пашкова.

VII

ДОМ НА МОХОВОЙ

За год до царицынской трагедии к Баженову явился в богатом экипаже дородный господин лет пятидесяти. Назвался Пашковым, Петром Егоровым.

— Едва ли вы меня вспомните, лет десять назад был я у вас в Кремле, в модельном доме, — сказал Пашков. — В числе прочих приходил любопытствовать о дворце — каков он будет?

— Что вас сейчас привело ко мне? — перебил его архитектор.

— Хочу предложить вам построить дворец для меня в таком же, как кремлевский, стиле.

Увидев удивленный взгляд Баженова, Пашков поспешил добавить:

— Конечно, скромнее и меньше, чем ее императорского величества, и не дворец, пожалуй, а дом.

— Где же?

— Ваганьковский холм изволите знать? Так вот на нем. Купил я по случаю у генеральши Племянниковой плохонькую усадьбу — дом, каменную кузницу при нем, деревянные покои, отдаваемые внаем, да еще дал бог тургеневские богадельни, что по соседству, присовокупить. Землицы вышло не для малого строения — вот я к вам, господин архитектор, зная ваше искусство, и дерзнул обраться.

— Проект я вам составлю, но надобно осмотреть место, где быть зданию.

Василий Баженов не впервые соглашался на частный заказ. Это давало ему необходимый для содержания большой семьи доход. К тому же приходилось помогать немощному отцу и младшим братьям, занявшимся, как и он, архитектурским делом, но без особых успехов. Немалых средств стоили эстампы, гипсы, книги, гравюры, которые Василий Иванович приобретал постоянно в надежде когда-нибудь открыть «партикулярную академию» — учить русское юношество трем знатнейшим искусствам. Это было мечтой, призванием. Нередко Баженов ссужал учеников деньгами, хотя у самого, особенно в царичинские годы, хватало долгов. Из казенного жалованья с ними не рассчитаться — приходилось сочинять проекты богачам и вельможам. Однако ж достоинства своего при этом архитектор никогда не ронял, высоко почитал профессию и от других требовал уважения к ней. «Истинно добрый архитектор есть редкий на свете человек, — говорил он ученикам. — У нас дают без всякой осторожности название архитектора множеству таких людей, которые, соединяя часто тщеславие, невежество и нечистоту совести вкупе, берут на себя выстроить человеку дом... Мне кажется, надлежало бы лучше, дабы не обесславить столь почтенное искусство, называть сих людей простыми каменщиками, которые без вкуса и без рассудка накладывают кирпич на кирпич и делают каменное здание безо всякого намерения, невзирая на пользу хозяйскую, но только на собственную корысть».

Но заботясь о «пользе хозяйской», Баженов никогда капризам заказчиков не угодил. Уж сколько работал он для обидчика своего Демидова — «немалые прожекты и планы», все же тот не мог подчинить себе архитектора, заставить его делать что-то против воли, в чем сам и признавался: «Баженов амбиционен; хорош, да черта в нем; целуй, лижи, улаживай».

Еще в кремлевские годы построил архитектор дом Долгову на Мещанской, двухэтажный особняк семье Прозоровских, украшенный пилястрами, каменными гирляндами, на Большой Полянке,

прямо у Каменного моста. Пашков, конечно, дом Прозоровских знал и неподалеку, с другой стороны моста, хотел поставить подобный, но пороскошнее.

Петр Егорович, сын денщика Петра Великого, много преумножил скромное папашино наследство. Человек ловкий, коммерческий, но талантами не одаренный, он вовремя понял, что карьеры на службе ему не сделать. Занялся откупом городских земель, втянулся в тяжбы, даже с церковными причтами судился из-за земли. Завел птичники, торговал экзотическими птицами: его попугаи славились по всей Москве. Вот и разбогател. А с деньгами пришла и гордыня: чтобы дворец для него построил знаменитый царский архитектор.

При первом визите Пашкова в Царицыно Василий Баженов принял его предложение о строительстве дома без энтузиазма, рассчитывая более на гонорар, чем на славу. Как ни хороши были иные его постройки для частных лиц, Баженов понимал: крупные, по-настоящему масштабные вещи можно сделать только по правительственным заказам. Ему нужен был размах, простор для фантазии, пространство для осуществления грандиозных проектов.

Осмотрев участки, приобретенные Пашковым на Ваганьковском холме, Баженов сразу оценил их значение для будущей архитектурной композиции. Будь место попросторнее, здесь можно было бы такой дворец построить! Но и того, что есть, достаточно. Ах, господин Пашков, как же вовремя вы купили дом у генеральши Племянниковой! Баженов ликовал — он ясно представил себе, как здесь, в соседстве с Кремлем, должна мощно звучать архитектура, вознесенная холмом над суетой узких городских улиц. Здание будет видно из Кадашей, с Полянки, с Москвы-реки. Оно всей Москве станет видно. Лишь бы Пашков не поспешил, не умерил своего честолюбия.

Баженов почувствовал то счастливое состояние, когда все отходит на второй план, уступая жажде творчества, лихорадке воображения, потоку пластических образов, которые немедленно надо зафиксировать на бумаге. Такого подъема у него не было со времен начала работы над Кремлевским дворцом.

— Это будет твоим реваншем за Кремль, — сказал ему Федор Каржавин, который недавно вернулся из Парижа и снова был рядом со старым другом.

«Да, нужно так соотносить дом Пашкова с силуэтом Кремля, чтобы он слился с ним в одной панораме, воспринимался в пространстве как его часть, — думал Баженов. — Здание не может быть хоть бы и богатой, но просто городской усадьбой. Оно будет настоящим дворцом, как вы и пожелали, господин Пашков. И портик его будет гордо смотреть на Кремль».

Через несколько недель проект в основных чертах был готов. Баженов работал над ним по ночам, так как день проводил на царьцынской стройке. Пашкову проект понравился, но, когда он увидел смету, восторг его поубавился.

— Соглашайтесь, — убеждал его Каржавин, — другого такого случая прославить в потомках свое имя у вас не будет.

И Пашков согласился.

Дело пошло быстро. Будущий хозяин торопился, поскорее хотел переехать в новый дом, поэтому сам хлопотал о строительных материалах, подряжал каменщиков, следил за сломом старой усадьбы и богаделен. В два сезона дом был построен. Архитектор впервые за долгие годы почувствовал себя свободным от тяжелой опеки императрицы. Не нужно было писать бесконечные реляции в Петербург, испрашивать высочайшего указания по любому вопросу, не ведая, будет ли завтра продолжено начатое сегодня или очередной поворот в политике приведет к прекращению строительства.

Никогда на Моховой не было таклюдно, никогда не съезжалось сюда сразу столько карет: Москва спешит увидеть только что законченный дом Пашкова, тем более что хозяин приглашает всех заглянуть и на парадный двор и в сад, где по случаю новоселья устроен фейерверк, а по аллеям бродят диковинные птицы.

Творение Баженова становится одной из главных примечательностей Москвы. Его показывают иностранным гостям и путешественникам. Один из них, Иоган Рихтер, пишет в книге о Москве: «На Моховой, недалеко от Каменного моста, на значительном возвышении, возносится этот волшебный замок. Сзади, из переулка, вы входите через великолепный портал в пространный двор, постепенно расширяющийся от ворот. В глубине этого двора вы видите дворец, в который ведут несколько ступенек. Вы достигаете верхних помещений и выходите на вышку в куполе дома, откуда открывается прелестнейший вид на всю Москву. Вы сходите вниз среди кустарников, по склону горы, на которой стоит дом. Внизу два каменных бассейна, посреди — фонтан, а от улицы все отделяется железной решеткой. Сад и пруд кишат иноземными редкими птицами, китайские гуси, разных пород попугаи, белые и пестрые павлины живут здесь либо на свободе, либо висят в дорогих клетках. Ради этих диковинок и прекрасного вида по воскресеньям и праздникам собирается здесь множество народа. Впечатление, производимое домом во время иллюминации, — неопишуемо».

«Волшебный замок» на Моховой влечет публику. Летними вечерами он парит над городом, освещенный десятками газовых фонарей и лампов. Днем он празднично сверкает на солнце, голубые тени скользят между колонн, прохладой дышат его пор-

тики. На закате, как венец, пламенеет на нем бельведер. Белый камень мгновенно откликается на свет, на состояния природы; в сумраке — синее, на рассвете — золотится, в полдень — ослепительно звонок, белоснежно чист, почти прозрачен. Он каждый час — новый.

Художники по достоинству оценили архитектуру дома Пашкова: одни спешат зарисовать его, другие по рисункам делают гравюры. Господин Антинг устроился у будки при въезде на Каменный мост и старательно перерисовывает в свой альбом детали дворцового фасада. Дворянская чета остановилась перед оградой, у подножия холма, и внимательно разглядывает владения Пашкова.

Француз Делабарт избрал другую позицию: он рисует московское чудо из глубины Моховой, так что дом у него получился в перспективе с левого крыла. Воскресный день — и у ограды масса любопытных: монахи, мастеровые, знать в колясках и каретах, девицы в киках и пестрых сарафанах. Мужик бойко торгует пирогами — знает, где народ нынче собирается: лоток у него быстро пустеет.

Московская публика любит посудачить: капитан-поручику Пашкову косточки перемывают — откуда у него столько денег, чтобы эдакую громадину построить, да еще императрицына архитектора Баженова нанять. Но уж, правду сказать, славный дворец получился, такого в Москве не бывало. Недовольны только извозчики: по Моховой теперь свободно не проедешь.

Василий Баженов поставил дом, чуть отступя от края холма. Вот чутье гения! Этим он добился не только того, что здание оказалось словно на пьедестале, его слиянность с холмом стала естественнее, мягче. Высокое, видное отовсюду место давало зодчему не одни лишь преимущества, но и усугубляло трудности: силуэт дворца со всех точек должен быть безупречен, а главное — здание должно связать пространство вокруг, иначе оно окажется пусть прекрасной, но неуместной вставкой. Баженов с присущим ему градостроительным тактом сумел соотнести дом Пашкова с масштабом окружающего города, с высотой соседних кремлевских башен, с высотой Ваганьковского холма: будь дом ниже, врос бы в холм, провалился в него, будь выше — подавил бы, расплющил своей громадой. Колонны его не могут быть ни больше, ни меньше, окна ни шире, ни уже, а только такими. В этом редкостном умении ощущать архитектуру в гармонии, в соразмерности с миром — истинное величие Василия Баженова. В конце концов, красивую капитель может парисовать любой грамотный зодчий. Созданная архитектором форма должна входить в пространство без усилий, без напряжения, с естественностью живой природы. Недаром современники, свидетели рождения Пашкова дома, называли

его «волшебным замком»: легко и светло он возник на Ваганьковском холме, как возникает на голубом небе облако.

Симметричные флигели с ионическими портиками и фронтонами так связаны с главным зданием дворца, что, с какой бы точки на них ни смотреть, вся композиция не теряет цельности, не разъединяется. Баженов вообще был мастером протяженного фасада — как целно он спроектировал гигантский фасад Кремлевского дворца. Этот опыт не пропал даром — так же, как в Кремлевском дворце, нижняя часть здания мыслится могучим пьедесталом: крепкая аркада прочно и надежно держит взлетные, колонные части дворца. Дворец и флигели связаны не только логикой масштабных отношений, но и крыльями галерей, раскинутых вправо и влево вдоль кромки холма.

Вершины здания обозначены тремя острями: флигельных фронтонов и шпилем бельведера. Вся композиция фасада строится на игре разной протяженности равнобедренных треугольников, но геометрия эта отнюдь не суха — она незримо подчиняет массы здания строгости построения, мастерски скрытой за праздничной декоративностью пышных коринфских колонн, статуй, каменных гирлянд, каннелированных пилястр.

Дворец венчают грузные карнизы, парапеты над ними с вазами, кружащими вокруг бельведера со статуей на вершине. Триумфально-праздничное звучание верхней части здания тем мощнее, что низ его, первый этаж-цоколь, сдержан и строг. Это тоже — любимый баженовский мотив, уже использованный им в архитектуре Кремлевского дворца, — как бы двойственность построения, строгость и праздничность вместе, отчего здание обретает особую живость и образную содержательность. Оба фасада Пашкова дома — городской и со стороны двора — рукотворно пластичны, легко откликаются на игру света и тени, которая вертикальной рябью скользит в течение дня по каннелюрам пилястр и колонн.

Городской фасад имеет небольшой выступ, выдвигающий вперед колоннаду коринфского портика. Со стороны двора, где ощущается атмосфера усадьбы, выступ больше, и здесь есть свой тонкий расчет: дворец словно устремляется вперед, навстречу гостям, въезжающим через парадные, богато украшенные ворота. Это ощущение усиливается декоративными стенками по обоим сторонам парадного двора.

Архитектура дворца наполнена движением: стремлением вверх, если смотреть на него с улицы, и навстречу зрителю, если увидеть его с противоположной стороны. При этом зодчий не использует никаких композиционных трюков.

Ясное соотношение частей, простота плана — никогда прежде так близко не подходил Василий Иванович Баженов к идеалу

классицизма. Впрочем, человек такого темперамента, такой богатой фантазии, как Баженов, легко соединял в себе античность и современность, готику и классицизм, русское и французское понимание архитектурной формы. Это не было выражением неустоявшихся вкусов, неизбежной эклектичностью переходной — от барокко к классицизму — эпохи, а выражало суть творческого сознания Баженова, постоянно ищущего обновления формы, дающего от школьной приверженности истинам своего века.

Долгие годы в творчестве Василия Баженова жили два разных стиля, два разных подхода к архитектурному наследию: классический, кремлевский, и национально-романтический, царицынский. Линии эти пересекались, влияли друг на друга. Зодчий мог почти одновременно работать над строго классическим зданием Павловской больницы с монументальным дорическим портиком и над усадьбами для видных вельмож в Михалкове и селе Красном, в которых он повторял декоративный строй царицынских построек: красный кирпич с белокаменной отделкой, килевидные кокошники, декоративные стрельчатые арки.

В одно время он проектировал колокольню-ротонду церкви Всех скорбящих на Ордынке, украшенную арками, люкарнами и колоннами с любимым его сочетанием ионического и коринфского ордеров, и романтические, похожие на ходынские постройки, башни с зубцами, как в конном дворе села Красного.

Все же основной линией его творчества оставалась кремлевская, он сам отдавал ей предпочтение, потому что в ней было больше исторической логики, больше возможностей для выражения высоких гражданских идей, меньше моды. И надо отдать должное художественной зоркости и взыскательности Баженова, он никогда не пытался загородный, усадебный царицынский стиль использовать в ответственном городском строительстве. Потому Пашков дом, хоть и проектировался он в дни, когда завершались работы в Царицыне, продолжал прерванный десять лет назад опыт кремлевского дворцового строения.

У стен Кремля Баженов построил дом богатому откупщику, а не императорский дворец, но у него получились истинно царские черты. Не было ли это вызовом Екатерине, своеобразным ответом зодчего на прекращение кремлевского строительства? Конечно, Пашков дом интимнее, не так монументален и величав, в нем легко угадать черты городской дворянской усадьбы, но все же он воспринимается как общественный ансамбль, а не частное строение. И здесь ясно выразилось кредо Баженова, считавшего архитектуру величайшим искусством, способным говорить с потомками от имени времени.

Это была большая удача: наконец-то ему удалось к пятидесяти годам довести до конца хоть один свой замысел. Но в дни,

когда завершалось строительство Пашкова дома, в Царицыне заканчивалась разборка императорских дворцов. Казаков, встреч с которым Баженов невольно избегал, на прежних фундаментах закладывал новый дворец, это омрачало радость — успех Пашкова дома у публики.

Впрочем, публика да и сам капитан-поручик Пашков недолго были склонны восторгаться Баженовым: все очевиднее становилось, что императрица круто переменялась к «своему архитектору», и связано это было не столько с делами строительными, сколько с близостью Баженова к масонам, к Новикову и его кружку. Вчерашние почитатели, узнав о полной отставке Баженова, стали его сторониться: царская опала — не шутка. «Да он опасный человек», — зашептали о нем по московским гостиним. Небольшой любитель света, не так уж часто выезжавший на балы и обеды, Баженов с некоторых пор почувствовал, что в тех редких домах, где он прежде бывал, принимают его с неохотой и настороженностью. А ведь просто было поправить дело — отстать от Новикова, от масонов, еще лучше осудить их публично, а еще полезнее — сообщить властям списки своей ложи. Тогда гроза августейшего гнева, нависшая над московскими мартинистами, дай бог, пронесется мимо. Намекали ему на это в Петербурге, в канцелярии Безбородко, когда он ездил похлопотать о сохранении содержания, «хотя и в отставку, но с пенсиею». Пенсию ему сохранили, но дали понять, что ненадолго.

Отставка сулила нищету и полное разорение, так как здоровье Баженова было крайне расстроено: очень плохо стало со зрением, подкрадывалась слепота. Архитектор почти не мог чертить, едва читал. Сказалась нервная перегрузка и годы работы без всякого отдыха. Баженов вынужден писать Безбородко: «Я всем буду доволен, только бы не лишился я нынешнего жалованья, без которого я семью свою содержать не могу».

И опять ему намекали, чтобы порвал с масонами.

VIII

ДЕЛО НОВИКОВА

В низком сводчатом зале все затянуто черным атласом: жертвенник, треугольные столы секретаря и ригора, кресло надзирателя. Поверх атласа на жертвенник наброшено простое тапи, на нем — четыре бронзовых светильника. Свечи изрядно оплыли — уже больше часа шла ресепция, прием в ложу. Наконец ритуал закончился. Братья сдержанно поздравили неофита, вновь приятного.

Неровный свет свечей падал на лица сидевших за длинным столом Н. Новикова, князей А. Черкасского и Н. Трубецкого, И. Тургенева, А. Кутузова, С. Гамалеи, М. Хераскова, В. Лопухина, В. Баженова.

После окончания ресепции поднялся бледный, взволнованный Новиков и сообщил, что в типографии был обыск, у него потребовали реестр всех изданных книг.

— Что делать, не обратиться ли за помощью к государыне? — заключил Николай Иванович.

Он не знал того, что и обыск и реестр затеяны губернским прокурором по указу Екатерины. «Из типографии Новикова, — говорилось в нем, — выходят многие странные книги». В них не должно быть «колобродства, нелепых умствований и раскола».

Велено было московскому архиепископу Платону книги просмотреть цензорским глазом, а самого «типографщика Новикова» испытать в вере — «в законе нашем». Платон с усердием выполнил высочайший указ. Массонских книг с их таинственной символикой он не понял, в чем откровенно признался. Отметил пользу книг богословских, исторических. «А в третьем разряде, — доносил архиепископ, — суть книги самые зловерные, сии-то гнусные и юродивые порождения так называемых энциклопедистов следует исторгать». Это место покорило Екатерину: ведь она с Дидро и Вольтером была в дружественной переписке. «Однако пастырь прав, — думала императрица. — Энциклопедисты открывают дорогу революции».

«Странные книги», изданные Новиковым, как того и хотел архиепископ Платон, были «исторгнуты». Запрещены и конфискованы многие масонские издания и прежде всего — Сен-Мартен. Все школы и больницы, заведенные мартинистами в Москве, Екатерина приказала подчинить Приказу общественного призрения. Платон долго и пристрастно испытывал Николая Ивановича Новикова в вере и, к удивлению своему, нашел в нем доброго христианина. Однако ж зловерные книги строго наказал не печатать.

Стало ясно: Екатерина занесла над мартинистами меч. На собрании ложи решено было действовать с крайней осторожностью, завести тайную печатью для масонских изданий. Василию Баженову, вхожему к Павлу, поручили вступить с наследником в переговоры — не согласится ли он взять на себя заступничество и руководство масонами.

Баженов отправился в Петербург. Безбородко, которого архитектор просил об установлении надежной пепсии, стало известно, что Баженов ездил в Гатчину, встречался с Павлом. О чем они говорили, узнать не удалось, иначе бы Василию Ивановичу не только остаться без пенсии, но и домой не вернуться.

Цесаревич почти безвыездно жил в Гатчине, во дворце, построенном Ринальди. Отношения его с матерью окончательно испортились, они ненавидели друг друга. Екатерина подозревала сына в заговорах, Павел, зная повадки матери, за каждым деревом гатчинского парка видел наемного убийцу. Гатчина стала маленьким государством опального наследника престола — со своими границами, войсками, двором.

Перед мостом через ров коляску Баженова остановили часовые. Молоденький сержант отправился во дворец узнать, можно ли пропустить архитектора. Баженов вышел из коляски и, прогуливаясь перед полосатым шлагбаумом, осматривал дворец — похожее на средневековый замок здание. Василий Иванович знал Ринальди, ценил его, но близких отношений у них не было.

Вернулся сержант и повел архитектора во дворец. На плацу маршировала караульная рота. Под каблуками солдат звонко скрипел недавно выпавший снег. Офицер крутился на рыжей мохнатой лошади, выкрикивая команды.

Павел принял Баженова в одной из дворцовых башен. Он был в форме — собирался на плац: любил цесаревич воинские экзерциции. Во время беседы не отходил от окна: с пристрастием смотрел на маршировку караульных. Когда же речь зашла о масонах, встрепенулся, забежал по шестигранной комнате.

Они не впервые говорили о масонских делах — Павел проявлял к ним жгучий интерес. Баженов рассказал о «Типографской компании», о Новикове, конфискации книг по указу Екатерины.

— Знаешь ли ты, как ненавидит вас мать? Опасайтесь. Пока что она взялась за перо — сочиняет о твоих мартинистах пасквили, но может взяться за кнут.

— Мы это знаем. Потому я здесь: будьте с нами, государь. По просьбе братьев я привез вам книги.

— Книги оставь... А пет ли среди вас заговора? — неожиданно спросил Павел, пристально взглянув на архитектора.

— И не помышляем об этом, — горячо ответил Баженов.

— Может быть, ты не знаешь, а которые старше тебя, те знают и тебя самого обманывают: ты же художник, что ты смыслишь в политике?

Павел замолчал. Снова подошел к окну и, сгорбившись, уставился на плац, откуда доносилась барабанная дробь. Потом повернулся к Баженову.

— Я подумаю о вашем предложении. Бог с вами, только живите смиренно.

Баженов поклонился и вышел.

Вернувшись в Москву, он изложил письменно все подробности своей встречи в Гатчине, бумагу эту Новиков размножил и передал другим членам ложи.

— Главное, что сия особа приняла книги и всерьез заинтересовалась нами, — сказал Николай Иванович.

Имени Павла решено было даже в разговорах между собой не называть. Конспирация не лишняя, так как Екатерина легко могла посчитать привлечение Павла в масонскую ложу политическим заговором против себя — и тогда... Все же Новиков допустил роковую ошибку... не уничтожил писанную рукой Баженова бумагу о переговорах с Павлом. Через несколько лет она решила его судьбу.

Екатерину все больше раздражали масоны. Тайные ложи в Петербурге, в Москве, особенно новиковский кружок. Она была не очень довольна цензурством Платона: архиепископ не понял, что от него хотели более суровых оценок личности Новикова и его изданий. Инстинктивно императрица чувствовала: мартинисты становятся опасными, не случайно и «Дружеское ученое общество» создали — чтобы за этой вывеской скрывать тайное, подчас вольнодумное — «колобродства». Она хорошо понимала разницу между новиковцами и разного рода масонскими кружками, занятыми алхимией, спиритизмом и прочим «плутовством и оболъщением», но сочинила пьесу, в которой все масоны одинаково изображались авантюристами, вымогателями, обманщиками и уловителями добрых душ. Пьеса так и называлась — «Обманщик». Игралась она в Эрмитажном театре, главным героем ее был граф Калиостро, личность таинственная, сводившая с ума петербургский свет, особенно дам и девиц. Василий Баженов по совету Павла пьесу эту посмотрел и без труда узнал в ней пародии на своих единомышленников. Мартинисты были названы «мартышками» и отнюдь не походили на бескорыстных служителей истины, просветителей народа, вестников передовых идей.

Граф Калиостро, в пьесе Калифалкферстон, бывший вор из Палермо, своей темной репутацией чародея-шарлатана бросал тень на масонов — так ловко получалось у Екатерины. Калиостро имел тесные связи с немецкими масонами, получал от них деньги. В Петербурге появился, обхвачен с триумфом чуть ли не все европейские столицы. Называл себя полковником испанской службы. Устраивал оккультные сеансы, давал уроки демонологии, показывал алхимические фокусы, вызывал духов и тени умерших. Черная магия давала ему приличный доход, и нажил бы Калиостро в Петербурге миллионы, если бы испанский поверенный не объявил в газетах, что такого полковника не числится в испанской армии. «Обманщика» выслали из России.

После пьесы Екатерины в журналах и газетах, как по команде, стали появляться статьи, осмеивающие мартинистов и вообще масонов. В Москве, в Немецкой слободе, появился даже «Евин клуб» — пародия на тайные масонские ложи. Впрочем, клуб

вскоре закрыли за чересчур откровенный разврат, процветавший в нем.

От скорейшей расправы с мартинистами и Новиковым Екатерину отвлекли события на юге России, где все очевиднее становилась угроза турецкого нападения на Крым, недавно присоединенный к империи. Екатерина вместе с союзником австрийским императором Иосифом II готовилась к путешествию на юг, в Крым, чтобы увидеть молодой черноморский флот и убедиться в боеготовности южной армии под началом Потемкина.

В январе 1787 года царский поезд тронулся из Петербурга. Стояла суровая зима, обещавшая гибель садов и озимых. Но, как и в дни путешествия по Волге, весь путь императрицы проходил счастливо и безмятежно: по ночам вдоль дороги горели огромные костры, при въезде в села и города обыватели ликовали, а надписи на триумфальных воротах славили «матушку». Худые мосты наскоро починили, колдобины присыпали снегом, упавшие заборы кое-как выправили, фасады храмов и казенных заведений побелили, нищих да голодных разогнали. Императрица могла быть уверена: в России, как всегда, полный порядок и изобилие. Рядом с ней были очередной фаворит Мамонов, Безбородко, всегда любезные и остроумные Кобенцль, граф австрийский, и Сегюр, граф французский, — те самые, что сопровождали Екатерину в Царицыно.

Потемкин встречал императрицу в Киеве. Сюда же прибыл Иосиф.

Город звенел от балов, маскарадов, фейерверков, шествий, карнавалов. Вино лилось рекой, деньги — тоже. Ничто не говорило о том, что Россия накануне изнурительной войны.

Только с началом навигации путешествие продолжалось. Екатерина плыла на роскошной, раззолоченной галере «Десна» в сопровождении пестрой флотилии из восьмидесяти судов. Никогда берега Днепра не видели такого ошеломляющего зрелища.

В Кременчуге состоялся смотр войскам: дивизия генерала Суворова производила боевые маневры. Учебный бой потряс воображение иностранцев — такой армии они еще не видели. И тут уж все было не показное: огонь батарей — точным, атака пехоты — стремительной.

— Александр Васильевич, какой вы молодец! — похвалила Суворова Екатерина, наградив его дорогой табакеркой.

В Херсоне, Бахчисарае, Севастополе — всюду Екатерину встречали гирлянды цветов, иллюминации, триумфальные арки, благодарные депутации греков, украинцев, татар, армян. Потемкин умел потешить царицу. Но более всего радовала эскадра в Севастополе. Удивляя и пугая европейских послов, полнились паруса нового черноморского флота.

На обратном пути, под Полтавой, на месте, где Петр разгромил шведов, императрице вновь показали большие маневры, в которых егерский корпус генерал-майора Голенищев-Кутузова разыграл эпизоды полтавской баталии. Суворов, стоявший среди зрителей на высоком холме, сказал Екатерине:

— С такими-то генералами турок одолеем!

Через три года они вместе с Кутузовым брали неприступный Измаил.

Екатерина была довольна состоянием южной армии и черноморского флота: Таврида под надежной защитой. Светлейший князь Потемкин в награду получил титул Таврический.

Обо всем этом писали московские и петербургские газеты, но они молчали о другом: о голодных губерниях, о погибших в жестокие морозы ржаных посевах.

В один из дней, когда Екатерина находилась в Крыму, на собрании членов «Дружеского ученого общества» горячо выступил Николай Иванович Новиков, он призвал помочь голодающим. Богач Григорий Походяшин тотчас объявил, что жертвует большую часть своего состояния на покупку хлеба для голодной Москвы. Его примеру последовали и другие. Василий Баженов, хотя сам едва сводил концы с концами, отдал скудные сбережения на общее дело.

«Дружеское ученое общество» закупило огромное количество хлеба и устроило бесплатную раздачу его голодным горожанам и жителям окрестных деревень. Руководили всем Новиков и Баженов, типографик и архитектор, люди в делах опытные, деятельные, одинаковых нравственных убеждений.

Екатерину сообщение о раздаче хлеба в Москве привело в бешенство. Правительство, занятое ее поездкой в Крым, и не подумало о помощи голодающим. К тому же на всем пути царица видела лишь картины изобилия. «Выходка» Новикова стояла ему новых притеснений. Снова была запрещена часть изданных им книг, снова прокурор строго предупреждал его о последствиях. К тому же власти распустили слух, что Новиков для покупки хлеба печатает в своей типографии фальшивые ассигнации. Уголовного дела из этого не получилось, но репутация «Дружеского ученого общества» в глазах публики пострадала.

Екатерина решила было покончить с маринистами, но начавшаяся в августе 1787 года новая война с Турцией надолго отвлекла ее от внутренних дел.

Турки арестовали русского посла Якова Булгакова и заключили его в Семибашенный замок. Так началась война. Оттоманская Порта, подстрекаемая Англией и Пруссией, стремилась вытеснить Россию с берегов Черного моря, изгнать из Крыма. Турки учили уроки первой войны, настроены были решительно и хорошо

вооружены. Но первое же сражение у крепости на Кинбурнской косе кончилось для них плачевно: десант отборных янычар загнал в воду и уничтожил Александр Васильевич Суворов. Через год после длительной осады пал Очаков. Потемкин был обласкан безмерно: Георгий первой степени, медаль в память потомству, орден Александра Невского, усыпанный бриллиантами жезл, шпага с бриллиантами и сто тысяч на Таврический дворец, который в Петербурге достраивал Иван Старов, друг Василия Баженова.

Каждый раз, со времен Академии, бывая в северной столице, Василий Иванович виделся со Старовым. Был Баженов и на строительстве Таврического дворца и от души поздравил младшего товарища с успехом. При встрече вспомнил, как Гришка Потемкин, его сверстник и однокашник, с грехом пополам учился в университетской гимназии, курса не кончил и был отчислен за нерадивость. А теперь — Таврический, светлейший князь! Впрочем, перед Баженовым носа он никогда не задирает и искренне жалеет о судьбе царицынских построек. Потемкин высоко ставил талант Баженова и именно ему заказал проект величественного храма у Никитских ворот в Москве — он жаждал славы у потомков и понимал, что лучший путь к этому — увековечить память о себе в великой архитектуре. Ему очень нравился услышанный от Баженова рассказ Плутарха о Перикле. Афиняне были недовольны тем, как много средств тратит Перикл на строительство и украшение зданий. «В таком случае, — сказал он в ответ, — пусть эти издержки будут не на ваш счет, а на мой, и на зданиях я напишу свое имя».

Василий Баженов сделал проект и построил модель храма у Никитских ворот, но дело на том пока и кончилось: светлейший оправдывал титул Таврического в южной кампании против турок, где после Очакова последовали блестящие победы Суворова при Фокшанах, на реке Рымник, штурм Измаила, морские виктории Федора Ушакова при Тендре и Калиакрии.

В самый разгар войны с турками, когда с Очаковских минаретов еще кричали муэдзины, призывая к стойкости янычар, на севере открыли боевые действия шведы. Они мечтали ни больше ни меньше как захватить Петербург, чтобы в конце века взять реванш за тяжкие поражения в его начале. Но успеха шведы не имели ни на суше, ни на море, где у острова Гогланд эскадра адмирала Грейга отразила нападение королевского флота Швеции.

В дело намеревалась вмешаться Англия: ее флот готовился к походу в Балтику. Подняла голову Польша, Пруссия придвинула к русским границам войска. В Петербурге с тревогой следили за событиями во Франции. Мрачным эхом отозвалась в Зимнем весть о начавшейся революции.

Шел 1790 год, дела принимали опасный оборот, время либерализма кончилось. Новиков был лишен права возобновить контракт на университетскую типографию. Под негласный надзор взяли всех французов, живших в России. Всякое вольнодумство пресекалось немедленно и решительно. Жестокая кара обрушилась на друга Новикова Александра Николаевича Радищева за его «Путешествие из Петербурга в Москву».

— Бунтовщик хуже Пугачева! Он — мартинист! — кричала Екатерина, прочитав «Путешествие». — Он казни достоин!

Радищева схватили, поспешно судили, приговорили к смерти, но ханжество императрицы спасло писателя — казнь заменили ссылкой на десять лет в Сибирь, в Илимский острог. Книга же его казни не избежала: ее сжег палач.

В Москве главнокомандующим был назначен генерал-аншеф Прозоровский, не уважавший просвещения солдафон, презиравший людей искусства и литературы. Брюс по сравнению с ним казался либералом.

Московским масонам, Новикову и его друзьям это предвещало скорую и крутую расправу. «Дружеское ученое общество» генерал иначе не называл, как шайкой преступников.

Потемкин, узнав о назначении Прозоровского, написал императрице с театра военных действий: «Ваше величество выдвинули из вашего арсенала самую старую пушку, которая будет непременно стрелять в вашу цель, потому что своей собственной не имеет. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью в потмстве имя вашего величества».

На Екатерину это предостережение не подействовало. Ей теперь нужны были именно такие люди, как генерал Прозоровский, она хорошо понимала, что Французская революция началась в салонах энциклопедистов, а русская — не дай бог! — может вспыхнуть в доме «Дружеского ученного общества».

Прозоровский энергично взялся за дело. Приказал все письма мартинистов вскрывать, за каждым следить.

— Эти люди страшней французов, а Новиков хуже Радищева, — пугал Екатерину Прозоровский.

— Для чего ж ты его не арестуешь? — отвечала она раздраженно.

— Только прикажите, государыня! — багровея, сжимал кулаки генерал.

— Нет, надобно найти причину, — подсказывала «матушка» чересчур прямолинейному служаке.

Но мартинисты, чувствуя дыхание идущего по их следу охотника, действовали крайне осмотрительно, старались не давать повода для нападков властей. Генерал Прозоровский вынужден был с досадой докладывать в Петербург в феврале 1790 года:

«Касательно до шайки людей под названием мартинистов, они после последнего в. и. в. указу о поверке книг тиснения Новикова, скромнее себя располагают».

Все-таки в феврале же посчитались с Василием Баженовым: он был окончательно отставлен от службы и лишен содержания. Архитектор писал в Петербург, напоминал, что числится в Академии и уже за одно это по закону должен получать пенсию, но ему не отвечали. Архитектор пытался попасть на прием к Безбородко, но принят не был. В приемной канцелярии вежливый чиновник сказал ему:

— Вас предупреждали, голубчик.

Это было страшнее тюрьмы — остаться с семьей без средств к существованию. Больной, в нервной депрессии, Василий Иванович Баженов пытается воспользоваться отставкой, чтобы осуществить давнюю свою мечту — завести архитектурно-художественную школу, «партикулярную академию». Школа сулила хоть и небольшой, но доход, так как за учащихся полагалась плата сто пятьдесят рублей в год, если курс обучения состоял из архитектуры и математики, и триста рублей, если к этому добавлялось рисование и «прочие искусства», связанные с архитектурой. Но Баженов был верен себе, уведомляя, что «бедных и неимущих родителей дети могут приходить к нему обучаться без всякой платы, лишь бы только имели они нужные способности и были бы добронравны».

С предложением о создании школы Василий Баженов обратился в Московскую управу благочиния. «Многие знаменитые особы, — писал он, — любители просвещения и распространения в отечестве нашем полезных наук и художеств, с давнего уже времени изъявляли ему желание свое, чтоб он принимал к себе учеников для наставления, но разные важнейшие дела и должности исполнить такового лестного для него препоручения не допускали.

Ныне же, имея к тому удобный случай, решился уделить свободное время на образование дарований молодых людей, кои ему вверены будут от родителей своих, господ или начальников, сообщая им все пужные сведения в архитектуре, живописи, скульптуре, перспективе, оптике, гравировании, мозаичной работе».

Программа предлагалась достаточно серьезная и разнообразная.

Срок обучения назначался до пяти лет, если в первые три месяца ученик обнаруживал «способности и остроту ума». Прирожденный педагог, Баженов собирался преподавать сам, но обязался пригласить и нужных для широты образования учителей, в числе их верного друга Федора Каржавина, эрудита и полиглота,

к тому же хорошего рисовальщика. Принципы обучения требовали не только усвоения знаний, но и творческого их применения — так, как это было в архитектурской команде Баженова на кремлевском строительстве.

В проекте, направленном в управу благочиния, архитектор предлагал организацию первой в Москве художественной галереи. «Ежели кто из патриотической любви к распространению художества желает учинить ему (Баженову.— С. Р.) пособие в постройке галереи и в наполнении ее художественными произведениями, в каковой досель сия столица имеет еще недостаток, то он таковое предложение примет с величайшей готовностью».

В управе благочиния долго не знали, как поступить с баженовским проектом. Отказать в таком полезном начинании? Нужны веские причины. Разрешить? Значит, дать мартинисту возможность для смущения юных умов. Да и главнокомандующий едва ли позволит — о его отношении к новиковскому кружку в управе прекрасно знали. Поступили по-русски мудро: не разрешили и не отказали. Положили проект до времени под сукно, а там вид-но будет, вдруг что и переменится.

Василию Баженову оставалось ждать и рассчитывать на частные заказы. На Мясницкой, неподалеку от его любимой Меншиковой башни, достраивался по его проекту дом богача, генерал-поручика Юшкова. Здание было самым представительным на Мясницкой. Оба фасада соединяла мощная полуротонда с шестью ионическими колоннами. Многое здесь — от нестроенного Кремлевского дворца: здание монументально, декоративная отделка проста. Сколь ни полна трудных испытаний была в эти годы жизнь зодчего, но творческий дух его не угасал, он все определеннее шел к ясности классики, прокладывая дорогу новому поколению русских архитекторов.

Дом Юшкова стал последней постройкой Василия Баженова в Москве. По его же рисунку в церкви Ивана Воина на Якиманке был сделан четырехъярусный иконостас и деревянная резная сень. Зрение ослабло, но рисовал Баженов по-прежнему мастерски, и линии его карандаша виртуозно точны и легки, как прежде. Художник, как всегда, был в нем неотделим от архитектора.

Василий Иванович ждал скорого возвращения с войны Григория Потемкина — тогда, верил он, светлейший непременно начнет строительство храма у Никитских ворот. Победа была близка, бриллиантовый дождь лился на Таврического, но триумфатором ему не суждено было вернуться, он умер в год победы над Турцией. В степи под Яссами Потемкину стало плохо. Князь приказал себя вынести из кареты. Он лежал на плаще под мелким осенним дождем и прощался с жизнью. Сообщение о смерти Потемкина быстро дошло до Москвы, Василий Баженов понял,

что собор у Никитских ворот в память о покорении Крыма построен не будет. Ну что ж — еще одна неудача, еще одна несбывшаяся мечта...

Изредка архитектор наведывался в подмосковное Авдотьино, где следил за строительными работами в усадьбе Николая Ивановича Новикова. Под наблюдением Василия Баженова шла перестройка и купленного Новиковым дома Гендрикова, в котором обосновались московские мasons. Это о нем и его обитателях докладывал генерал Прозоровский Екатерине в 1790 году: «Смотря на построенный ими дом, судить должен, что в сей шайке людей, ежели осмелюсь так вашему величеству объяснить? Одни мошенники, а другие дураки, как то обыкновенно в сектах бывает, только оные бедных и сирых призируют, а богатых обирают».

Генерал явно был не в ладах с изящной словесностью, зато выражался ясно и просто: мошенники и дураки — и все тут. Екатерина, любившая стиль изысканный, не очень восторгалась депешами князя Прозоровского, но рвение его и настроенность против мартинистов нравились императрице.

Она решила: пора кончать с московскими «якобинцами». В помощь Прозоровскому Екатерина послала Безбородко. Он привез с собой указ об открытии следствия по делу мартинистов. К расправе с Новиковым и его кружком Екатерину подбивал ее новый фаворит, двадцатитрехлетний офицер конной гвардии Платон Зубов. Он быстро нашел путь к сердцу одряхлевшей императрицы, и могущество его, особенно после смерти Потемкина, час от часу возрастало. Да и другие близкие сподвижники Екатерины уже были в могилах: Григорий Орлов, Никита и Петр Панины, Александр Бибииков. Никто Зубову помешать не мог.

Развязка близилась. Закрылась «Типографская компания». Обыск в книжной лавке Новикова. Конфискация книг. Допросы.

В это время у Николая Ивановича Новикова умерла жена. Спасаясь от горя и преследований, он поспешно уезжает с детьми в Авдотьино, благо там закончилось строительство. В таком отчаянном положении Василий Баженов вновь решает ехать к Павлу, предупредить его о начавшемся следствии. Павел был очень напуган московскими событиями. В камин полетели мasonicские книги, компрометирующие бумаги. Баженову он сказал:

— Я тебя люблю и принимаю как художника, а не как мартиниста, об них же и слышать не хочу, и ты не разевай рта об них говорить.

...Стояла весна 1792 года. В лесу еще лежал снег, а на открытых местах видна была темная сырая земля. Подсохли дороги. В Авдотьино жизнь текла своим чередом. Хозяин усадьбы

Николай Иванович Новиков принимал гостя — Василия Баженова, который только что вернулся из Петербурга, из Гатчины, и рассказывал о своей встрече с Павлом.

— Ах, молодец, Василий Иванович! Слава богу, все бумаги сожгли, — сказал Новиков, выслушав рассказ. — Выходит, мы особу и не помышляли вводить в орден...

Не знал Новиков, что в час, когда он провожал до околицы друга, в его московском доме шел тайный обыск. Среди прочих бумаг была найдена одна, забытая им, в которой Баженов описывал свою встречу с Павлом несколько лет назад. В тот же день бумага легла на стол князя Прозоровского. Генерал глазам своим не верил и все повторял слова Екатерины: «Надобно найти причину!»

— Да вот же она, матушка, причина! Найдена!

Генерал вновь и вновь перечитывал баженовскую записку. Как же его теперь наградит государыня? Он чувствовал себя так, будто это он присоединил к России Крым или штурмом взял Измаил.

Арест Новикова назначен был на 22 апреля, наутро после бала, посвященного дню рождения Екатерины. Советник уголовной палаты Олсуфьев явился в Авдотьино ни свет ни заря. Перепуганная прислуга толпилась полуодетая перед господским домом. Плакали поднятые с постели дети Николая Ивановича. Сам Новиков крепился, но ему стало плохо, его уложили на диван в кабинете.

Два часа шел обыск, полицейские чины перетрясли все шкафы, конфисковали книги, бумаги. В это же время в Москве по приказу оберполицмейстера еще раз основательно обыскивали дом Гендрикова, книжную лавку Новикова, дома других мартинистов, вольные книжные лавки.

Прозоровский с раннего утра был на ногах и все ждал, когда к нему привезут Новикова. Но из Авдотьино сообщили, что «типографчик» в обмороке и везти его нет никакой возможности. Велика была досада генерала. В Авдотьино он тотчас приказал послать майора гусарских эскадронов Жевахова с отрядом в двенадцать гусар: вдруг крестьяне вступятся за своего барина — он им каменных домов понастроил! Майору велено не спускать глаз с Новикова, караулить его прилежно и доставить в Москву, как только он придет в себя.

В Петербург пошла секретная депеша, в которой Прозоровский просил Екатерину прислать сыскных дел мастера тайного советника Шешковского, «как к таковым производствам приобыкшего». Да, Степан Иванович Шешковский свое ремесло знал — с детства состоял при сыске. Вел дела Пугачева, Радищева. О допросах его ходили легенды. Пытка была запрещена, так он

одним кнутом развязывал языки. Знали его кнут даже чересчур болтливые светские дамы — их он порол с особым удовольствием. В комнате, где Степан Иванович обыкновенно допрашивал, все стены завешаны были иконами: святое дело сыск, считал Шешковский. А когда жертвы его кричали, он начинал читать акафист богородице.

Пока депеша Прозоровского изучалась в Петербурге, Новикова тем временем в кибитке доставили из Авдотьино в Москву. Крестьяне испуганно смотрели вслед, не понимая, в чем так провинился их барин.

Генерал Прозоровский прямо-таки с жадностью принялся допрашивать Новикова. Три часа сам вел допрос, грозил всеми карами, требовал признания в заговоре. Но «якобинец» утверждал, что ни о каком заговоре не помышлял. Пришлось московскому главнокомандующему писать в Петербург рапорт, в котором он сообщал о Новикове, что «мало видел человека столь лукавого и коварного», что он «натуры острой, догадливой», «робеет, но не замешивается». В рапорте генерал вновь просил прислать Шешковского, так как один открыть преступление не может.

Но Екатерина Шешковского не посылала. Все, что ни делается в Москве, у всех на виду, как ни старайся скрыть, считала она. В Петербург, в Шлиссельбург преступника... Тайно! Без огласки. Чтобы как в воду канул — был и нет его. В каменном мешке не отыщется. Так и приказала: Новикова не судить, а скрытно переправить в Шлиссельбургскую крепость, да не обычным путем на Петербург, а через Ярославль и Тихвин, под надежной охраной, в закрытой коляске и следить, чтобы «он себя не повредил».

Дело опять поручили майору Жевахову. Теплой майской ночью поезд из трех экипажей проехал по пустынным московским улицам. Рассвет застал их уже в селе Тайнинском. Через две недели запыленные экипажи въехали во двор Шлиссельбургской крепости. Дежурный офицер и комендант озабоченно встречали очередного государственного преступника. Уж они их повидали! Новикова посадили в каземат, где в свое время сидел император Иоанн Антонович.

Вскоре Степан Иванович Шешковский приступил к «увещению и убеждению Новикова о показе им истины». Узнику было предложено пятьдесят пять вопросов, из которых самым страшным был двадцать первый. По нему Новиков признал себя виновным, «яко совершенный преступник». Вопрос гласил: «Взятая в письмах твоих бумага, которая тебе показывана, чьею рукою писана, и на какой конец она сохраняется у тебя?»

«Бумага сия, показанная мне, писана рукою коллежского советника Баженова», — отвечал Новиков письменно после очередного допроса у Шешковского. Он чувствовал, что сходит с ума в

своим каземате. Страх охватил его — и он назвал имя Баженова. Новиков писал: «По получении от него бумаги, читавши оную с Гамалеєю, мы испугались и ежели бы не для показания князю Трубецкому, то тогда же бы ее сожгли от страха, хотя и радовались милостивому принятию книг... Я показал князю Трубецкому эту бумагу, ее читали и также видели, что он (Баженов. — С. Р.) много врал и говорил своих фантазий, выдавая за учение орденское. ...тогда же решился Баженову этой бумагой отдавать назад... Переписывая, я ее сократил и, все невероятное выкинув, отдал переписанную князю Трубецкому, а эту оставил у себя».

Допрошен был и Трубецкой.

Его спросили:

— Бумагу, писанную Баженовым архитектором, вы читали, и потом сделанная Новиковым из оной выписка отдана вам. Вы же, видя в ней вымышленные и нечистойые слова, не только по долгу присяги не донесли, но еще таковую выписку переслали к Кутузову, для чего о том вредном и вымышленном вранье правительству не объявили?..

Трубецкой ответил:

— Что я читал бумагу, писанную архитектором Баженовым, и не донес об оном правительству, то в том признаю себя виноватым. Я был родня и дружен с Новиковым, по слабости моего сердца усовестился об оном доносить. А что я всегда недоволен был пересказами Баженова и не имел никогда намерения в оных соучаствовать, то я шлюсь на самого Новикова, с которым я убегал говорить и даже отсоветовал ему с Баженовым входить в оное, а в доказательство оного я перестал ездить в дом Баженова, в который ездил часто. А Новиков много раз говаривал, что Баженов фанатик, которому кажутся небылицы и что я фанатиков во всяком случае боюсь, как язвы.

По всем показаниям выходило, что кругом виноват Баженов. Он хорошо знал Павла, он уговаривал вступить его в масонский орден, возглавить тайную организацию, враждебно настроенную к престолу. К тому же Баженов — радикал, «фанатик», настоящий якобинец — французской заразы набрался смолоду.

Задумался Шешковский. С Новиковым все ясно — выпускал недозволенные книги, держал тайную печать, сносился с прусскими масонами. За эти грехи — в каземат. Ну а Баженова за что? От него ниточка прямо к наследнику тянется, значит, Павел — заговорщик? Захочет ли государыня, чтоб дело приняло такой оборот? Недаром Степан Иванович слыл мастером сыска, все точно предугадал, не поторопился взять Баженова. Императрица, точно, не захотела, чтобы к истории масона Новикова примешалось имя сына. Все-таки наследник. Однако ж для видимости сама допросила Павла о «пасквиле», найденном у Новикова.

Великий князь, конечно, все отрицал, назвал написанное «сплетнями передней». Слава богу! Екатерина, не веря ни одному слову Павла, охотно приняла его объяснения, о чем публично говорила: «На него вышеописанный пасквиль всклепал и солгал». «Клеветник» Баженов оказался просто фантазером, отнюдь не заговорщиком. А такой-то грех простителен.

Шешковский с молчаливого согласия Екатерины изъял из дела Новикова роковой двадцать первый пункт допроса и в таком виде отослал его для ознакомления генералу Прозоровскому. Генерал был озадачен, куда же делась найденная им бумага, но вполне доверился опыту и мудрости Степана Ивановича Шешковского. К тому же, очередной орден за разгром шайки мартинистов украсил его мундир.

С изъятием двадцать первого пункта исчезли улики против Баженова.

Москва тем временем притихла — она была потрясена арестом Новикова и его друзей. Прозоровский допрашивал Лопухина и Трубецкого. Лопухин каялся, Трубецкой, как с удовольствием сообщал генерал, «испугался и плачет». Страх сковал оставшихся на свободе масонов.

Ученик Новикова, деятельный сотрудник «Дружеского ученого общества», Карамзин, недавно вернувшийся из-за границы, от Баженова узнал, как арестовали Николая Ивановича. Тогда-то, в мае 1792 года, Карамзин написал свою оду «К Милости», отважно бросив вызов самой Екатерине. Ода была напечатана в майском номере «Московского журнала». Вся Россия повторяла имя будущего великого историка и строчки из его оды:

«Доколе гражданин довольный
Без страха может засыпать,
И дети — подданные вольны
По мыслям жизнь располагать...
Доколе всем даешь свободу
И света не темнишь в умах;
Пока доверенность к народу
Видна во всех твоих делах, —
Дотоле будешь свято чтима...»

Екатерина сделала вид, что стихов этих не заметила или что, во всяком случае, они к ней не имеют никакого отношения. Милость свою на Новикова она не обратила и не дала ему свободу, а приказала побыстрее состряпать приговор и запереть его на пятнадцать лет в Шлиссельбургской крепости. Тайное следствие шло несколько месяцев. Наконец, в августе последовал указ о Новикове и мартинистах. Генерал Прозоровский читал указ и дивился искусству Шешковского, тому, как ловко он изобличил преступников: «...они (кружок Новикова. — С. Р.) делали тайные

сборища, имели в оных храмы, жертвенники, ужасные там свершались клятвы... Дерзнули они подчинить себя герцогу Брауншвейгскому... Имели они тайную переписку с принцем Гессенкасельским и с прусским министром Вельнером изобретенными ими шифрами и в такое еще время, когда Берлинский двор оказывал нам в полной мере свое недоброхотство. Они употребляли разные способы к уловлению в свою секту известной по их бумагам особы (то есть Павла! — С. Р.), в сем уловлении Новиков сам признал себя преступником». А бумаги-то нет, особа не поименована, да она, особа эта, и ни при чем — ее «уловляли», а она уклонялась...

Генерал читал дальше: «Издавали печатные у себя непозволенные, развращенные и противные закону православному книги. И после сделанных запрещений завели тайную типографию».

Одного не мог понять генерал Прозоровский: отчего Баженова оставили на воле и без допроса? На всякий случай велел иметь за ним глаз — не предпримет ли чего? Главнокомандующему докладывали: архитектор из дома почти не выходит, в городе бывает редко, ни с кем не видится, вид — потерянный. Было отчего потеряться. Со дня на день Баженов ждал ареста, о ходе следствия он ничего не знал, но имел основание думать, что без его имени процесс не обойдется. Каждый экипаж, вставший у ворот его дома, заставлял вздрогнуть: «Это за мной». Но Баженова не арестовали, и это было самой большой и неожиданной удачей его жизни. Наоборот, однажды к нему явился курьер Адмиралтейской коллегии с предложением последовать в Петербург — «по архитектурной части». Василий Иванович, готовый кончить свои дни в остроге, был счастлив таким поворотом судьбы. Павел, генерал-адмирал русского флота, в благодарность за то, что Баженов предупредил его о начале следствия, с согласия матери решил взять архитектора на службу в Адмиралтейство.

Предстояло снова вернуться в Петербург. Позади — целая жизнь. Расставание с Москвой, которую он любил, которой отдал лучшие годы творчества, было горьким. Большой, потерявший надежду на успех, он уезжал из города своей юности. Путь его лежал через Каменный мост, мимо Кремля, мимо дома Пашкова — на Тверскую...

IX

ЗАВЕЩАНИЕ

Ничего хорошего для себя Баженов в Петербурге не ждал. Ясно было, что Екатерина более не призовет «своего архитектора», не поручит ему крупного дела. Да и царствование ее шло к концу — не станет она затевать нового строительства.

Болезнь Баженова прогрессировала, он плохо видел, его мучали головные боли. Случалось, целыми днями лежал на подушках и верная Аграфена Лукинична с дочерью хлопотала около него. Будущее для архитектора рисовалось неясно. «Век клонится к закату и с ним — жизнь моя», — говорил он близким с горечью. Все же он не падал духом. Надо было подумать об устройстве на новом месте.

Баженов поступил на службу в Адмиралтейскую коллегию. Жалованье ему положили семьсот рублей — деньги небольшие при шести детях, при петербургской дороговизне и плате за квартиру.

Федор Каржавин написал о переезде Баженова: «...продал свой дом в Москве, а в Петербурге, заходясь всем нужным, снова пришел до совершенного разорения, когда государь-наследник, выпрося его из ведения императрицы, принял под свое покровительство и поправил состояние его, определив его к разным местам, а детей его в собственный свой штат...»

Служба архитектором по адмиралтейской части не очень радовала. Проектировать приходилось немного, больше было всяких перестроек, доделок чьих-то давно начатых и не конченных зданий, в основном хозяйственных. Такая работа никак не могла вдохновлять архитектора, любившего большую, рассчитанную на долгие годы стройку, мыслившего масштабами Московского Кремля, царьцынской резиденции. А здесь... Строил он поначалу в Кронштадте — дела были скромные: казармы, магазинны, то есть каменные склады, сахарный заводик. Но и в этих постройках чувствовалась рука мастера: для провиантских складов избрал Баженов небывалые прежде печи.

В Кронштадте вместе с ним работал сын Владимир.

Изредка бывал архитектор в Петербурге, где хлопотал об участке для постройки собственного дома у Никольского Морского собора. Место это выбрал не случайно — с юности его знал и любил, — здесь на сооружении собора у Саввы Чевакинского начинался его путь в архитектуру.

Вместе с Бренной принимает он участие в перестройке ринальдиевского дворца в Гатчине и камероновского в Павловске. Дело это было как раз для Бренны, посредственного декоратора, Баженову же такая работа была в тягость, уязвляла его самолюбие: неужели он, признанный тридцать лет назад в Париже и Риме, должен в этой глуши достраивать Ринальди и Камерона?

В Гатчине Василий Баженов построил несколько парковых павильонов, мостов, работал над проектом придворного театра, вел реконструкцию парадных залов Гатчинского дворца — Чесменской и Греческой галерей, Мраморной столовой, тронного и гостиного залов.

Однажды Баженова призвал к себе Павел. Цесаревич поделился с архитектором заветной мечтой — ему хотелось построить неприступный замок, дворец-крепость.

— На какие средства, ваше величество? — выслушав Павла, спросил Баженов.

— Тебя это пусть не волнует, — рассердился Павел. — Создай проект!

Маленький — он на голову был ниже Баженова, — рано облысевший, наследник, лихорадочно вращая глазами, бегал вокруг архитектора и почти выкрикивал:

— Мне замок пужен! Романтичный, как в германских балладах, чтобы никто не мог проникнуть в него! Чтоб вон там, — показал он в окно в сторону пруда, — вырастали башни в тумане... Я уже вижу их!..

Баженову была неприятна мистическая экзальтированность Павла, его суетность и постоянный страх, к тому же он не очень-то верил в осуществление очередной прихоти гатчинского затворника. Впрочем, надоело заниматься парковыми павильонами.

Прекрасная Гатчина! Василий Баженов любил бродить по ее паркам, среди почерневших от сырости лип, по горбатым мостикам, плавать на лодке по прудам. Где же поставить замок? Как бывало и прежде, постепенно мыслью его овладел образ нового здания. И чем больше он увлекался работой, тем крупнее становились идеи. Он понимал, что постройка замка потребует перепланировки гатчинского парка. Нужна реконструкция всего пространства вокруг!

Архитектор делает генеральный план Гатчины. Вот и новый замок, он как бы замыкает подковообразную композицию дворца Ринальди. Общий замысел сложился, но образ самого замка не ясен.

Баженов делает эскизы, чертит, насколько позволяет зрение. Пожалуй, скоро можно садиться за проект. Василий Баженов был близок к цели и тогда же довел бы до конца работу, если бы не событие, прервавшее весь заведенный уклад жизни в Российской империи: 6 ноября 1796 года умерла Екатерина.

Утром 5 ноября архитектор показывал Павлу черновой вариант нового гатчинского замка. Проект ему поправился. Закончив беседу с Баженовым, Павел с женой отправился пить кофе в павильоне у мельницы. Вдруг вошел слуга и доложил о приезде Николая Зубова, брата всесильного фаворита Екатерины. Павел побледнел, он знал, что мать хочет лишить его наследства: Зубов явился, чтобы арестовать его...

— Мы погибли! — шепнул Павел жене. Она вскрикнула и уронила на пол чашку. — Сколько их? — спросил цесаревич слугу.

— Они одни, ваше величество, — отвечал тот.

Через мгновение под огромными сапогами Зубова хрустели фарфоровые осколки разбитой чашки, гигант пал на колени перед Павлом, называл его государем, говорил, что Екатерина плоха — надо спешить.

Но Павел не спешил, он все еще не верил, что мечта его сбывается, что путь к трону открыт. Он медлил — а не ловушка ли? Кинешься без памяти в Петербург, по дороге где-нибудь и стукнут. Но потрясенный вид Зубова не оставлял никаких сомнений: мать-императрица умирает.

К вечеру были в Петербурге. В Зимнем дворце царило уныние. Несмотря на поздний час, весь двор был на ногах. Перед Павлом почтительно и молча склоняли головы. Екатерина умерла только на следующий день, около десяти вечера. Главным придворным лейб-медик Роджерсон объявил собравшимся: «Все кончено».

Кончилось долгое царствование Екатерины.

Весь день Павел торопливо просматривал бумаги матери, рыскал по столам и ящикам. Наконец он нашел то, что так жадно искал, чего столько лет боялся: конверт, перевязанный крестнакрест черной тесьмой. В нем было завещание, лишившее его трона. Он прочитал его и бросил в огонь камина. И когда Роджерсон всем объявил о смерти Екатерины, Павел по-военному повернулся на каблуках, надел шляпу, взял в руки трость с бриллиантовым набалдашником и, подняв ее высоко, хриплым голосом закричал:

— Я вам государь! Попа сюда!..

С раннего утра столица кипела, звонили в церквях. Во всех ведомствах чиновники снимали портреты Екатерины, испуганно ждали перемен: уж так привыкли к матушке, казалось, бессрочно будет она царствовать. Усердствовали полицейские чины генерала Архарова: брали нежелательных для нового императора лиц. Верный Аракчеев по приказу Павла устанавливал по улицам милые его сердцу караульные будки, выкрашенные в прусские цвета — черный и белый. На всех углах появились часовые.

В Зимнем стоял гул, дворец превратился в кордегардию. Всюду — в коридорах, на лестницах, в покоях — стук офицерских сапог, звон шпор.

Павел поспешил сделать смотр Измайловскому полку и остался недоволен. На плацу перед дворцом он рассказывал из стороны в сторону, надувал щеки, морщился. Потом прыгнул на свою лошадь Помпону, прищорил ее и поскакал галопом навстречу гатчинским командам, торжественно вступающим в Петербург. Их-то он любил самозабвенно — воспитанников прусского полковника Штейнвера, дезертира из армии Фридриха.

Все, что напоминало об Екатерине, обычаях и порядках ее

времени, стремительно изгонялось. Даже любимый камердинер императрицы Захар Зотов, «Захарушка», пострадал. Его заточили в Петропавловскую крепость, где он сошел с ума.

Люди Аракчеева бесчинствовали на улицах: срывали с прохожих круглые шляпы, обрезали полы фраков и сюртуков. Полицейское усердие едва ли не привело к международному скандалу: на Невском изловили племянника английского посланника Витворта и порезали его изысканный костюм.

Вышел указ, запрещающий круглые шляпы, высокие сапоги, длинные панталоны, башмаки с завязками. Предписывалось носить треуголку, стоячий воротник, волосы зачесывать назад, пудрить их и заплетать в косу.

Одних унижали и преследовали, других возвышали, дарили поместья, деньги, награждали. Всех посаженных при Екатерине, кроме тяжких уголовных, амнистировали. Едва ступив на престол, Павел потребовал: «Бумаги, касающиеся до обвинения отставного поручика Николая Новикова и соучастников его, повелеваем взнести в нашу комнату».

Новиков был освобожден из Шлиссельбурга. Амнистию дали его сподвижникам Трубецкому, Лопухину, Тургеневу. Из сибирской ссылки возвращен и обласкан Александр Радищев. Не избежал царских щедрот и Василий Баженов. Еще недавно человек опальный, он прямо из коллежских советников произведен был в действительные статские, из чина шестого класса — в четвертый, генеральский. Ему пожаловали тысячу душ, деревни. Сразу же после смерти Екатерины Павел издал указ: «Нашим архитекторам действительному статскому советнику Баженову и надворному советнику Бренну повелеваем производить из кабинета жалования в год по три тысячи триста рублей». В один день Баженов стал богат и знатен. Это было похоже на чудо. Конечно, архитектор понимал, что милости Павла — жест политический: все, кто страдал при Екатерине, возвеличены новым императором. Но как бы то ни было, он мог впервые за тридцать лет освободиться от нужды, унижительных долгов. Настал и его час.

Только теперь он осознал, какую страшную, роковую роль в его судьбе сыграла Екатерина. Оп, художник, оказался беззащитным перед слепой волей власти, перед людьми чванливыми, сильными, корыстолюбивыми. И чем больше поощрял его Павел, тем острее чувствовал Баженов всю драму своей жизни, совпавшей с тридцатью четырьмя годами екатерининской эпохи, тем яснее видел, что блага и почести пришли к нему слишком поздно: много ли успеешь в шестьдесят лет, если безнадежно болен и силы день за днем уходят?

Став императором, Павел не избавился от страха быть убитым или отравленным. Он подозревал всех и не чувствовал себя в

безопасности нигде. Мечта о недоступном замке теперь должна стать явью, он скроется за его могучими стенами, они спасут помазанника божия от яда, кинжала, удавного шнурка! Действительного статского советника Баженова — к его величеству!

— Помнишь ли о гатчинском замке? — спросил Павел архитектора. — В Гатчине строить не станем, быть ему в Петербурге, у Летнего сада, где был дворец Елизавет Петровны. Дело неотложное, поспеши с проектом. Знаю, что нездоров. Бери любых помощников. Помянутый замок должно заложить до отъезда моего в Москву на коронацию.

Баженов пробовал объяснить, что такая поспешность повредит делу, но Павел не слушал архитектора. Он очень спешил, страх быть убитым подгонял его, не знал император, что через пять лет именно в Михайловском замке его задушат заговорщики.

Над проектом замка, последним в своей жизни, Василий Баженов работал с напряжением всех сил. Он понимал, что дворец, предполагавшийся для Гатчины, не совсем подходит для столичного Петербурга, хотя Павел и решил его назвать пригородной резиденцией. Нужно переосмыслить планировку замка, декоративную отделку, масштабы, связывающие новую постройку с городом.

Эта работа стала творческим завещанием Баженова, потому что в ее композиции и отделке словно бы оживают любимые архитектором приемы из проектов разных лет: Смольного института, Кремлевского дворца, царицынских павильонов... И в то же время — это не повторение самого себя, а новый, решительный шаг к зрелому классицизму приближающегося XIX столетия.

Прост и строг план замка: квадрат с вписанным восьмигранником, образующим внутренний двор. Углы квадрата закруглены — это по-баженовски, он любил круглые формы. Подобный план уже был однажды у архитектора, когда больше десяти лет назад он проектировал Хлебный дом в Царицыне. И восьмигранник встречался в царицынских композициях — в крестообразном павильоне и Кавалерском корпусе. Планы похожи, но как непохожи — Хлебный дом и Михайловский замок, как различны образы их архитектуры!

Планировка внутренних помещений — парадных залов, кабинетов, спален, вестибюлей, ниш, лестниц, коридоров — виртуозна и, как всегда у Баженова, разнообразна: овалы, круги, прямоугольники. Не было в России другого такого мастера столь сложных комбинаций и сочетаний, какими артистично владел Василий Иванович. В этой своей любви к лабиринту внутренних планировок он навсегда остался верен барокко. Но как бы ни фантастичны были планы помещений внутри здания, они всегда подчинялись классической строгости общего плана. Такова воля архитек-

тора: он не выносит наружу всех чудес своего воображения, они спрятаны внутри здания — как неожиданность, как скрытая до поры тайна. Потому архитектура Баженова живая, в ней особое очарование игры. Те, кто «крадывали и с жадностью копировали» его проекты — а таких в жизни зодчего было немало, — могли научиться баженовским приемам, но баженовской тайне, умению соединять несоединимое не могли. В его проектах спорили классицизм и барокко, он сам спорил с собой, но спор этот никогда не нарушал целостности его архитектуры, а придавал ей неуловимо баженовское — то, что отличало ее от архитектуры современников — французов, итальянцев, русских.

Михайловский замок для Василия Баженова был чем-то вроде воспоминания об идеях и образах, которые в других постройках не воплотились или воплотились не полностью. В отделке, в решении фасадов оживают кремлевские мотивы: они ясно разделены на две горизонтальные части — нижнюю, с рустом, пьедестальной и верхнюю — более легкую.

В замкнутое каре замка мастерски вписан силуэт дворцовой церкви, напоминающей крепостную башню. Ее шпиль должен был, по замыслу Баженова, перекликаться со шпилем Петропавловским. Все четыре фасада в меру различны по оформлению. Так неожиданно в образе романтично сурового, в западном духе замка проявляется древнерусская архитектурная традиция, ее приветливость. Но в руках мастера разнообразие не обернулось пестротой, разностильем, потому что Баженов сполна имел то, что требовал от архитектора, — «живость и вкус в воображениях своих». А «без сих качеств ни совершенным архитектором, ни полезным обществу человеком он быть не может...».

Баженов хоть и строил для Екатерины, для Павла, для вельмож, но всегда мечтал быть «полезным обществу человеком», потому и царские дворцы он старался строить так, чтобы они своей красотой служили городу, «чести века». К чести века мечтал он построить Кремлевский дворец, видный всем и отовсюду; эта «публичность», соединенность с городом есть и в Михайловском замке, хоть Павел и приказал отделить его от народа рвами и артиллерийскими бастионами. Мышление архитектурное и полицейское не совпали, искусство и власть разошлись, потому что логика у них оказалась разной: одна — для людей, другая — от людей.

Впрочем, Павел остался проектом доволен: у него будет внутренний двор, закрытый от пуль и взглядов плац, где можно маршировать вдоволь, разводить вахты, радоваться воинскому порядку на прусский манер. А главное — проект сделал быстро, в три недели! Молодец Баженов, хоть болен и стар, управился в срок.

Кроме замка Баженов сделал проект примыкающих к нему

двух павильонов; в их архитектуре ясно видны черты дома Юшкова на Мясницкой: изящество и монументальность. Архитектор еще не закончил работу над павильонами, когда началась спешная подготовка сметы. Ее поручили Ивану Егоровичу Старову, другу юности Баженова. Вместе они приехали из Москвы в Петербург, вместе начинали свой путь в Академии художеств, когда Баженов учил Старова «рисовать с глазок». Вслед за Баженовым он отправился в Париж, в ателье Шарля де Вайи. Чуть не сорок лет прошло. Многие ли успели? Они оба да Матвей Казаков — лучшие зодчие эпохи. Державин посвящал строчки восхищения и Баженову и Старову, одному за дворец Кремлевский, другому — за Таврический.

Василий Иванович любил своего младшего друга как архитектора и как человека, любил в нем свою молодость и возможность разделить воспоминания о доброй шуваловской Академии, о Париже и Риме.

Уже через три недели после смерти Екатерины, 28 ноября, смета, составленная Иваном Старовым, была утверждена. В тот же день Павел указал тайному советнику Попову, начальнику специальной экспедиции для строения Михайловского замка: ...По представленной смете исчисленную на построение замка Михайловского дворца сумму семьсот девяносто одну тысячу двести рублей назначаю я половину из кабинета, другую же из казначейства, а вам повелеваю употребить всевозможные способы, чтоб помянутый замок в течение будущего 1797 года мог быть вчерне отделан. При сем строении можете употребить коллежского советника Никифора Пушкина и архитектора Соколова с подлежащим числом помощников и каменных мастеров, действительный же статский советник Баженов должен иметь наблюдение, чтобы строение производимо было с точностью по данному плану».

Павел отчаянно спешил. Виданное ли дело — за год вчерне отстроить огромный дворец! Потому-то и предлагается иметь «при сем строении» архитектора Соколова. Павлу было понятно, что большой, стареющий, упрямый Баженов в такие сроки не управится, от правил своих, как ни дави на него, не отступится, в мороз кладку вести не станет. Он свое дело сделал, а по его проекту стройку доведут другие, поворотливые и податливые, без европейской славы. Пожалуй, лучше будет, если Баженова вообще отстранить от строительства Михайловского замка и поручить его Бренце: итальянец хитер и лъстив, сумел добиться доверия Павла, угождая его вкусам, немедленно исполняя любой каприз. А чтобы Баженов не обиделся, отправить его в Москву — подготовить для предстоящей коронации императорскую резиденцию во дворце Безбородко. Дело простое, но почетное.

Василий Иванович прекрасно понял смысл неуклюжего маневра, но с царями спорить бесполезно. В начале 1797 года он в последний раз отправился в Москву.

За свою жизнь архитектор много ездил: из Петербурга в Москву, из Москвы в Петербург. Сколько путешествий совершил из одной столицы в другую, Баженов и сам не знал, со счету сбился еще в годы кремлевской перестройки, когда ему особенно часто приходилось пускаться в путь. Сколько кибиток и лошадей переменил он, сколько ямщицких песен слышался, почтовых комиссаров повидал, сколько ночей провел в придорожных трактирах! А прибавить к этому балтийское плавание, путешествия по Франции и Италии... Не многие из его современников проехали столько верст за свою жизнь. Судьба назначила Василию Баженову быть вечным странником.

Баженов не доехал до Москвы, а Бренна уже держал в руках его проект Михайловского замка. «Слишком мало украшений, — решил он. — Нужны гербы, мраморные барельефы, статуи, изображения военных триумфов. Славы, плафоны надо заказать в Риме и Вене; фасады сделать пышнее, а главное — больше мрамора...».

С доводами декоратора Павел согласился без долгих размышлений: его дворец должен превосходить екатерининские! Тотчас последовал указ: «...состоящие в Царском Селе под ведением дворцовым статуи, бюсты, колонны и прочие такого же рода мраморы, когда надворным советником и архитектором Бренной требованы будут, то и отдать оные ему немедленно для помещения в Михайловский дворец».

Предложения Бренной касались в основном декоративной отделки здания, планы же, композиция оставались баженовскими, поэтому закладку переносить не стали. Она состоялась в конце февраля, перед самым отъездом Павла на коронацию. Все было торжественно и пышно, пушечный гром прерывался речами. Ни одна мелочь в выверенном церемониале не была забыта, забыли только упомянуть имя автора проекта Михайловского замка. И это не было случайностью, потому через три года, когда строительство завершилось, Бренна «забыл» указать имя Баженова на гравированной доске, установленной им на одном из фасадов дворца. Не вспомнил Бренна о подлинном авторе и когда после смерти Баженова выпускал сборник чертежей Михайловского замка. Под ними он поставил свою подпись, надеясь, что она обеспечит ему славу и место в истории. Мог ли думать хитроумный итальянец, что потомки его уличат и осудят именно за эту подпись, равносильную краже?

...Москва готовилась к коронации. Очищали Кремль, разгребали снежные завалы на Тверской, подъезды к Петровскому двор-

цу, построенному Матвеем Казаковым пятнадцать лет назад. Здесь Павлу предстояло по традиции две недели жить, ожидая торжественного въезда в древнюю столицу.

Василий Баженов наблюдал за перестройкой дворца Безбородко. Работал зодчий и над проектом дворцовой церкви. Здесь он снова встретился с Матвеем Казаковым, который вел перестройку дворца, и помощником своим из кремлевской команды Елизвием Назаровым — он по баженовскому проекту строил церковь.

Было о чем вспомнить давним товарищам. Сколько лет минуло с тех пор, как юные одногодки Василий Баженов и Матвей Казаков шли по ночной Москве со строительства Головинского дворца! Тогда еще не кончилась Елизаветинская эпоха... Ныне каждый мог подводить итоги. Свои собственные и общие, потому что, как ни по-разному относилась к ним фортуна, оба они трудились к чести своего века. Что сказать друг другу, как выразить свою грусть от сознания того, что эта встреча — последняя, последнее пересечение их судеб?

В начале марта все было готово к коронационным торжествам. С пышной свитой явился из Петербурга Павел. Двор остановился в Петровском дворце. Павлу на месте не сиделось, и он инкогнито хаживал в город, с неудовольствием слушал, что говорит Москва о новом императоре. Наконец долгие приготовления позади, настал его день! Павел взобрался на старого белого коня, подаренного ему принцем Конде. Свите приказано было тоже ехать верхом. Большинство придворных оказались плохими наездниками. Толпа, собравшаяся на Тверской поглазеть на редкое зрелище, отпущала ядовитые шутки в адрес горе-кавалеристов. Василий Баженов встречал процессию во дворце Безбородко.

Торжества длились две недели. Одна церемония сменяла другую. Павел наслаждался этим маскарадом. Мог ли он еще недавно представить себе, что будет покрикивать на бывшего короля польского Понятовского, когда тот, ссылаясь на старческую подагру, вздумает присаживаться во время коронации? Император готов был бесконечно принимать поздравления министров, вельмож, послов, депутации городов, представителей сословий. Чтобы толпы поздравителей не иссякали, обер-церемониймейстер Валуев по несколько раз пропуская одних и тех же лиц. Но спектакль рано или поздно должен был окончиться. Коронованный монарх вернулся в Петербург.

Покинул Москву и Василий Баженов, на этот раз — навсегда.

В Петербурге архитектор занялся строительством собственного дома у Никольского Морского собора, проектом церкви Семеновского полка, здания строгого, классического. Но до сооружения церкви дело не дошло.

В эту пору на квартире у зодчего бывал совсем еще молодой Андрей Воронихин, жадно слушавший наставления мастера. Кто, как не Баженов, мог вдохновить архитектора на создание Казанского собора, отдаленно напоминающего собор святого Петра в Риме с его колоннадой? Здесь, в Петербурге, у Василия Ивановича не было других учеников, кроме Воронихина. Один, но гениальный! Это он открыл новую блестящую страницу архитектурной истории России, он утвердил классицизм грядущего, XIX века. Баженов высоко ценил талантливость в других, любил одаренных людей, стремился поддержать их, особенно таких простолюдинов, как Воронихин, бывший крепостной барона Строганова.

В 1797 году Баженову исполнилось шестьдесят. Он чувствовал, что силы уходят, что пора подводить итоги. Ощущение близкого конца не покидало его с тех пор, как он переселился в Петербург. Все лето тяжело болел. В сентябре архитектор собрал семью: жену и детей — Ольгу, Надежду, Веру, Константина, Владимира, Всеволода. При них и нескольких свидетелях спокойно продиктовал завещание: «По причине мозговой в голове моей болезни, которую я начал чувствовать уже давно и по многим трудам и печалям мира сего, приступила болезнь, называемая водяная, — это предвещатель должного в коротком времени быть разрушения тела моего, хотя же она болезнь может еще стараниями человеческими быть пресечена, но лета же мои удручили весь состав костей и тела моего, что есть несомненное доказательство, что мне должно готовиться предстать на суд господен...»

Всхлипнула младшая Вера. Отец погладил ее по голове со словами:

— Не плачь — не умер еще.

Выпив морсу, продолжал диктовать. Нотариус прилежно и равнодушно, с надлежащей каллиграфией выводил округлые, с завитками буквы.

Что в этот скорбный час, изведав «многие труды и печали мира сего», хотел поведать своим близким Василий Иванович Баженов? Что из тяжкого опыта своей жизни хотел передать детям, чему научить? Что намеревался завещать им, не только из движимого и недвижимого, но из ценностей душевных, из того, что сам понял, открыл, выстрадал?

Конечно, отец просит детей не ссориться. Жить дружно, особо уважать старшего. Просит не дробить имущества, а всем сообща пользоваться им, дает указание по имуществу — о закладе имущества, о получении ссуды в банке и ломбарде: уж он-то знает, каково жить в долгах, как душат порой кредиторы, каково в ломбарде искать спасения от нужды.

Скрипит пером нотариус и не ведает, что пишет горестную исповедь о судьбе русского художника.

Баженов дает распоряжения о столичном доме, что «против Никольского собора», советует его продать, а приобрести небольшой новый. «А сами не стройтесь, ибо совершенно от строения разоритесь...». Не велит строиться своим детям великий архитектор: ему ли, проведшему годы на стройках, не знать, что дело это хлопотное, разорительное, всяк норовит у тебя лес или кирпич украсть, порченой извести подсунуть. Лихоимцы подрядчики, воры! А чтобы землю получить, сколько по чиновникам взятки дать пужно! Мало в канцеляриях людей совестливых.

Но вот и главное — о крестьянах, о душах, владеть которыми стал Баженов по щедрости царской: «Всячески старайтесь, чтобы крестьян излишне не отягощать работами, иже какими-либо поборами незаконными, а иметь их наилучше... всегда помните, что они наши братья...» Вот так помещик! Да мог ли иначе думать друг Новикова, почитатель Радищева? Не случайно всю жизнь хлопотал Баженов за бедных и обездоленных, если в завещании счел необходимым назвать крестьян братьями, призвал наследников уважать их человеческое достоинство.

Завещание написано, заверено, но жизнь не окончена. Едва оправившись от болезни, Баженов берет в руки карандаш, по памяти рисует то колоннаду Бернини, то набрасывает колокольню Новодевичьего или Меншикову башню, а то и свои московские постройки, на которые порой хочется взглянуть: дома Юшкова, Прозоровских, Пашкова, модель Кремлевского дворца, царцынские руины... Говорят, их совсем забросили, все травой заросло. Обидно. Да что вспоминать, не лучше ль отправиться в коляске к Летнему саду, пройтись по его аллеям, выйти по болотистому берегу Фонтанки к месту, где идет строительство Михайловского замка? Павел поручил все дела Бренне, но детище это его, Баженова, и взглянуть на него тянет. Дай-то бог, не пропадет этот проект, как пропали другие.

Михайловский замок строился необычайно быстро. Что говорить, бывший каменщик Бренна — опытный строитель, дело знает. Работа шла в несколько смен, без перерывов. Ночью зажигали фонари, смоляные факелы. Сигнали на стройку тысяч до шести народу. Материалы везли на телегах, баржах, везли отовсюду. Едва подрядчики замешкались, как решено было взять мрамор, приготовленный для строительства Исаакиевского собора, разобрали галереи дворца в Пелле. Императорские указы подстегивают строителей замка: «Архитектору Бренне требовать в случае надобности из Академии художеств, кабинета его величества и других мест порфир, мрамор и гранит в кусках и изделиях для строения Михайловского замка». Из Таврического дворца забрали мраморные вазы, статуи, зеркала.

Расходы на замок росли как ком. Бренна требовал четыре с

половиной миллиона рублей. «...Как со времени высочайшего препоручения оного строения мне в нем последовали многие перемены и неизбежные прибавления, а именно церковь по крайней мере против прежнего плана увеличена вчетверо, равно и фасады по моим рисункам украшены и увеличены, то натурально, что и издержки должны умножиться». И они умножились — безумная спешка стоила денег: смета, подготовленная Старовым, была превышена в несколько раз. Фасады замка обрастали пышным декором — мраморные барельефы, скульптуры, вазы. Баженов, видевший, как искажается его проект, пытался было протестовать, но бесполезно: это нравилось Павлу. Лишь стены внутреннего восьмиугольника сохранили классическую ясность и высокий вкус архитектора.

Вокруг замка воздвигались саженная стена и брустверы. Землекопы рыли рвы, строились подъемные мосты, платформы для пушек — все шло так, словно крепость готовилась к длительной осаде. На площади перед главным въездом в замок решено было установить конную статую Петра работы Растрелли-отца. Больше полувека она простояла в амбаре на Литейном дворе.

Наступил 1799 год, последний год уходящего XVIII века, последний год жизни Василия Баженова. В феврале Павел назначил архитектора вице-президентом Академии художеств и наградил его орденом Анны второй степени с бриллиантами. Много лет минуло с тех пор, как Баженов, не получив при Бецком обещанного звания профессора, расстался с Академией. Это была обида на всю жизнь. И не задетое самолюбие, а невозможность заниматься любимым делом стала причиной тяжелой душевной травмы зодчего. Он всегда мечтал учить русское юношество архитектуре, которую понимал как дело гражданское, патриотическое. Баженова отлучили от Академии, но не могли отлучить от просветительских идеалов, от жажды отдавать другим все, что умел и знал сам. А умел и знал зодчий многое, в русской архитектуре он занимал такое же место, как Ломоносов в науке. Художник, теоретик, архитектор, строитель, Баженов прекрасно знал историю, театр, философию, литературу. Он без устали читал, переводил. Русское просвещение по праву могло гордиться его именем.

Оказавшись вне Академии, Василий Баженов всегда стремился иметь вокруг себя кружок единомышленников, учеников. Чего стоила его кремлевская архитектурная команда, из которой вышло немало талантливых мастеров. И даже после царичинской трагедии он не оставлял мечты о собственной «партикулярной академии». И вот сбылось! Нежданное — он первый вице-президент Российской Академии художеств. Все-таки он — счастливый человек: жизнь, хоть под занавес, дает ему то, чего лишала дол-

гие годы. Баженов сознает, что времени и сил у него слишком мало, чтобы совершить задуманное.

Почему признание приходит так поздно?

Он с юношеским волнением и трепетом вошел в здание на берегу Невы... Тридцать четыре года назад, в день инаугурации, он встречал здесь в числе первых академиков Екатерину. Давно отгремели праздничные фейерверки. Нынешняя Академия являла собой жалкое зрелище: Бецкий развалил и расстроил все академические дела, от педагогических до хозяйственных. Генерал более годился для дворцовых интриг, чем для управления Академией художеств. Предстояло — и немедленно! — начать возрождение традиций шуваловской Академии.

Василий Иванович горячо взялся за дело, он словно забыл о болезни, о годах. Ему многое хотелось сделать для пользы отечества, для художников российских. Сам просмотрел все деловые бумаги, счета, побывал в классах во время занятий, посмотрел, чему, как и кто учит.

В апреле Баженов подал Павлу доклад, названный архитектором «Примечания о Императорской Академии художеств». «Примечания» стали программой нового академического образования, в них — убеждения и взгляды Баженова, патриота, смело отстаивающего право русского художника свободно творить на пользу Родине, народу, искусству. В «Примечаниях» он продолжает дело Ломоносова — борьбу против иностранного засилья в искусстве: «...Академия могла бы... отдавать казенные работы российским художникам под присмотром академическим, а не иностранцам, отнимающим у россиян не только хлеб, но и самый случай показать свое усердие и искусство». Это место в «Примечаниях» вызвало неудовольствие Павла — уж не на Бренну ли намекает?

Василий Баженов с горечью пишет о развале Академии: «Войдя во все потребности нынешнего положения Академии художеств, нашел я, что она... во многом отошла от намерения, с каким она была основана для общего блага Российской империи... Более тридцати лет уже приметно стало, что от Академии художеств желаемого успеха не видать; хотя появились прямые и великого духа российские художники, оказавшие свои дарования, но цену им не многие знали, и сии розы от терний зависти либо невежества заглохли...»

Причина неудач, считает Баженов, что в Академию — по системе Бецкого — принимают малолетних детей, которые часто не имеют художественных способностей. Их можно научить истории, иностранным языкам, но искусству научить нельзя. «Академия художеств есть училище, основанное для спознания трех знатнейших художеств: живописи, скульптуры и архитектуры; а познание сие требует не только предварительных многих знаний, но и

природную к сему самому склонность». «Закключаю сие примечание таковым моим мнением, чтоб впредь не принимать малолетних».

Баженов развивает целую педагогическую систему, смысл которой в том, чтобы ученики не копировали часами натюрморты, а учились мастерству непосредственно у своих наставников. Такую школу — у Ухтомского, Кокоринова, Растрелли, де Вайи — он сам прошел и требовал ее утверждения в Академии: «Для лучшего успеха профессорам должно быть всякий день в своих классах в часы учения: ибо когда учитель не работает сам в классе, тогда ученик не может примениться к приемам учителя; не видит, как рука его действует молотом или владеет кистью; эстампы, гипсы и картины суть учителя немые, горячат идею, но без деятельного учения должен мальчик до искусства ощупью, и... выйдет из него холодный подражатель, но не будет никогда мастером своего художества».

К этим предложениям Павел отнесся благосклонно. Но дела хозяйственные заставили его поморщиться: в казне и так не густо, а тут Баженов напоминает, что тридцать лет назад на содержание Академии «определено монаршею щедротою по шестьдесят тысяч рублей в год», «но времена переменялись, цены всех жизненных припасов... знатно возвысились так, что по нынешней дороговизне платят втрое либо вчетверо дороже против того времени, как она я Академия высочайше учреждена...»

Требуется «великие поправки», «надлежит во многих местах переменить балки и потолки, станки и оконные решетки, пришедшие в ветхость от давнего времени и угрожающие опасностью». Баженов предлагает дать возможность Академии построить свои дома и сдавать их внаем; на Неве, у пристани, сделать тоню — будет своя свежая рыба; соорудить кладовые, завести «не излишне» собственных мастеровых людей — башмачников, портных, плотников, столяров, печников, трубочистов. А в ремесла «можно отдавать неспособных к высоким художествам учеников».

Павел предпочел эти вопросы не решать, но по традиционной российской бюрократии счел за лучшее — отложить. По седьмому же пункту «Примечаний» он выразил крайнее неудовольствие за дерзость Баженова, который посмел упрекнуть императора в том, что он забрал на строительство Михайловского замка мрамор из академических запасов на сумму в четырнадцать тысяч рублей... У Павла были все основания пожалеть, что он назначил Баженова вице-президентом Академии. Не думал, что старый архитектор с таким размахом и энергией примется за дело, так решительно пожелает сломать укоренившиеся порядки. И откуда силы взялись?

Еще не закончены были «Примечания», а Василий Иванович издал указ по Академии, которым вменялось «под особым смотрением вице-президента оной (Академии. — С. Р.) действ. ст. советника Баженова, приступить немедленно к собранию всех больших зданий, в обеих столицах состоящих, как-то: дворцов, академий, корпусов и всякого рода казенных строений, равно загородных домов и таковых же партикулярных, кои по хорошему вкусу своему и архитектуре то заслуживать будут, присовокупляя к тому и все проекты».

Как это похоже на Баженова: «приступить немедленно!» Архитектор начал одно из великих дел своей жизни: он хотел издать грандиозный увраж русского зодчества разных эпох, составить единственную в своем роде историю национальной архитектуры. Работа эта началась под его «смотрением». Пошли в Петербург пакеты и рулоны с кальками, рисунками, чертежами — бесценное богатство. В Москве Матвей Казаков горячо откликнулся на это начинание и отправил материалы самого Баженова по Кремлевскому дворцу. Но времени не хватило. Жизни — не хватило. Не успел Василий Баженов завершить и это начинание, увеличив тем самым горький список своих фатальных неудач. На сей раз причина была и в самом деле неотвратимо-фатальная: в конце июля его сразил паралич. Он проболел всего пять дней. Старинный и самый верный друг архитектора Федор Каржавин, сознавая себя первым его биографом, записал: «Василий Иванович Баженов скончался 2-го дня августа 1799 года в 9 часов и 10 минут поутру».

Похоронили зодчего в Петербурге, у Смоленской, а потом по зимнему пути перевезли в Глазово, в согласии с его завещанием: «Погребение сделайте мне простое, то есть без всякой лишней церемонии с трезвым священником одним в простом виде и где бог приведет, и весьма желаю быть положенным в Глазове».

Все так и было сделано — «в простом виде», без мрамора, без бронзы, лишь один деревянный крест. Со временем могила потерялась, и теперь никто уже не знает, где лежит великий сын России.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В. И. БАЖЕНОВА

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА АКАДЕМИКА В. И. БАЖЕНОВА К ПРОЕКТУ УВЕСЕЛИТЕЛЬНОГО ДОМА В ЕКАТЕРИНГОФЕ

Воображая по заданной мне сему программе и положению места, что сей дом должен быть увеселительным ионического ордера, иметь зверинец и стоять в роще, вздумал я основание его представить развалинами древнего Дианина храма, и для чего поднять его гораздо выше фундаментом, как назначено в профиле. Предписанную мне сему дому четырехугольную фигуру переменяю на круглую, изображающую изнутри андреевский орден, потому что оный имеет быть обиталищем ее Императорского величества. В местах флигелей, двор отъезжающих, я рассудил сделать амфитеатр, имеющий вид древности, чтобы он тем более приличествовал к представленному в развалинах основанию. Сей дом можно сделать и без руин, ежели то не пожелается. Я расположил на плане на двое, и ежели без руин, то сделать амфитеатр с обыкновенными колоннами, число их употребить такое, сколько у нас есть городов, почему и поставить на них статуи с гербами каждого города. В отношении покоев сделал я так, как мне предписано было, с малыми только отменами, учиненными мною для большего спокойствия и выгоды, как то по описанию, усмотрено будет. Пропорции сему дому я дал Палладиева вкуса, кой в строении увеселительных домов более других я почитаю; во многих же местах пропорции данные мною по моему усмотрению. Против четырех сего дома портиков поставил я летящих на крылатых конях Славы и против них снаружи дома статуи, изображающие четыре части света, чтоб представить там гремящие всюду великие дела обитательницы сего места. Большой двор назвал я Марсов, потому что в оном расположил я покои для конной с одной стороны, и с другой для пехотной гвардии. Побочные дворики служить будут придворным вышним и нижним, служителям, и помещения потребного как то в описании литеррами означено, позади же одного большого двора место промежду каналов, где есть теперь лес, определил я для зверинцев, по родам зверей. Сей дом обнес я каналами как для способности лучше проезжать к нему водою, так и чтоб дать ему течением воды живность и открытый вид итальянских строений. На одном из четырех круглых островков, на каком статуя Геркулеса, что назначить можно позади Славы, по особливом расположении места для карусели и манежа, на другом же подле Славы и в дру-

гом же расположении статуя Дианы, и амфитеатр древнеримско-го вкуса для травления диких зверей. Нынешний в Екатерингофе сад стоит не у места, и будучи в болоте не может ничего произрастить хорошего, и для того и большей пристойности к сему новому дому я назначил его инде. Посему должно поднять землю везде, где строение будет, а особенно главное, фундаментом, и также все берега: и чему щебенъ хрящъ и тому подобные вещи заглушат все это сырое место. Каналами же осушить его скорее можно и истребить столь вредную для жилья гнилость. Впрочем, я не мог найти лучше и красивее выбранного мною положением места, кое почти тут же, где есть теперь строение.

ИЗ «МНЕНИЯ АРХИТЕКТОРА БАЖЕНОВА О КРЕМЛЕ»

Хотя я и упоминал уже и о других великих архитекторах и о практике, что оную я у них примечал, однако не упомянул только того, что не какие эхи (слухи.— *С. Р.*) о мне [здесь] распущены, что будто я никогда не бывал при практиках и не могу производить; только она столько несправедлива, чего несправедливей быть не может; я отважусь здесь упомянуть, что я родился уже художник. Отец мой, бедный человек, не имел понятия о сродности моей, а хотя и примечал во мне, только у него денег не было отдать меня куда-нибудь учиться, но я, как уже стал приходить в смысл, тогда видел близ церкви, где я с отцом моим жил, делали подле оной надгробную позиту, где от ломки камня оставшие[ся] лежали, из коих по несколько я перетаскав к себе, сделал гвозди наподобие долот и ими вырезывал личины. Рисовать я учился на песке, на бумаге, на стенах и на всяком таком месте, где я находил за способ, и так я продолжался лет до десяти. Между прочим, по зимам из снегу дельвал палаты и статуи, что бы и теперь я желал то видеть. После сего я был отдан в монастырь Страшной для бедности отца моего, чтоб я исправлял пение и чтение церковное, к чему ни малейшей охоты у меня не бывало, однако повиновался родителю в его волю. Я всех святых из церкви переносил мыслями под переходы на стены (и делал их своею) композицией, за что меня заставляли и секли часто. Уже будучи в пятнадцати годах я нашел живописца, который Христа ради меня взял к себе, и в ту пору еще я его был уже лучше. Он писывал вместо правой руки или ноги левую, коему я примечал часто. Еще несколько спустя я своему отцу приносил маленькое пропитание (и подрядами крест, которой делался за Мещанской одним стариком) переставлял я сам в Сретенской монастырь, который за куриозную вещь в то время почитался, и оной я срисовавши благополучно поставил, за что получил хорошее награждение. Потом по пожарному случаю дворец в Москве в 754 или

755 г. строился, я в ту пору уже в оном по печам умел мрамор метать, и давали мне 60 коп. на день, по которому случаю я стал учиться живописному у лучших мастеров и был в команде архитектора Ухтомского, потом взят в Университет, а оттуда вскоре его превосходительство Иван Иванович Шувалов проведаль про меня, взял в Санктпетербург и отдал учиться к архитектору Чевачинскому, где при многих строениях я был. Потом Академия Художеств мною первым началась, откуда я был послан и в чужие края, во Франции учился в теории, за что похвалы имею от всей Академии Парижской, примечал и практику (где все архитекторы сматривали мои дела с большою охотою, а мои товарищи французы молодые у меня крали мои прожекты и жадностью их копировали; мой же учитель столько был там велик, что еще до него во многом дойти не мог и поныне, а после его, кто б там ни был, всякой мне не страшен, разве многие другим званием одолеют, да и то Суфлот, Моро, Леруа есть там пять или шесть человек, кои мне и все знакомы). А в Риме единственно и во всей Италии был всегда на строениях, также есть свидетельства из италиянских (академий), и старался весьма крепко учиться оной, а по возвращении из Рима я заехал в Париж в другой раз, ходил в некоторые классы мне нужные к архитектуре; если и ныне нужда потребуется при строении дать могу и сам сделать понятную модель живописцу и скульптору, ибо я рисовать с натуры не покидал до самого в Россию возвращения, (что ж касается до) гридирования и архитектуры, и в оном имел же упражнение. Если б только я установиться мог, то б моя вся веселость была в том, как иметь у себя маленькую партикулярную Академию; к сему же и приготавливаю в Москве мальчиков, с коими уже маленькое и начало имею, но только препятствий к моему намерению весьма есть много.

Здесь я еще осмелюсь приметить, для той причины, что такое великое дело поручается мне, что уже должность моя заставляет писать или говорить резоны такому малейшему человеку с монархом своим, на коего он глядеть без страха не может и ничего изъяснить словами не смеет, единственно для сего отваживается на сем всегда представить свое мнение, а инако он в страхе забывает говорить ему нужное.

Еще ему кажется сомнительно о фасаде, что окошки второго плана кажутся малы в таком великом строении: это правда, но только мне кажется, как в первом рисунке назначено, то будет пропорция хорошая, однако) и то я еще стану ссыскивать перспективою, а теперешним рисунком я сам себе еще не верю. Кажется мне, если строение в три жилья, то нужнее окошки менее верхних пропорций его несколько не делают плоским, а если то в четырех жилых сделать, то три верхние жилья ниж-

ней кажется раздавливают, что я действительно заметил в практиках великих архитекторов и читал критики разных авторов и слышал в лекциях как Михель Анжела, Палладия, и прочих; а особливо сих двух великих мужей, коих я почти более всех авторов почитаю, никогда я не находил, чтоб этаж другого задавливал; недовольно этажи и что и все члены архитектуры весьма согласны, чему и их видно учила перспектива и кою действительно они знали, да и все подражатели были Витрувию кои были и их после где, Витрувий был еще при Иуле Кесаре, которой действительно с греческой архитектурой был согласен, которая уже конечно со всеми регулами дельвана с рассмотрением при хорошем знании, что видел же.

Какая еще нужда упомянуть о материале: самая наинужнейшая извяска, кою непременно заготовляют теперь и чем она доле морится будет, то тем она мягче будет коею пройти тонкостью своей может вязать в поры с собой какие и кирпичи не меньше же камень, который я уже примечал в Мячкове, если он из земли вырытой, вскоре его в строение употребить не можно, а хотя и через пять лет его употребить по выломке, и если он будет лежать, то подвержен воздуху нашему к расчепкам; причина тому, что он в куче воздухом проицатца не может, и через сие он не черствеет, а только делает на себе корку, коя у каменщиков пойдет в опсечку, останется только тот же камень с своей влажностью, как бы почти он вынут из земли.

О кирпиче также нужно попечение иметь, дабы найти глину; в каком бы месте отнюдь не опробовавши глину и не узнавши ее свойства, если в ней натуральной песок, примет ли еще она или нет, не делать, а особливо, нет ли в ней таких камушков, кои по обжиге делаются известкой и что у нас называется, а пока коя как в себя влажность принимает, тотчас распычивается и делает распор, отчего кирпичу дает как огрузу и от распушки трещину.

Всех таких я замечаю в теперешнее время писать еще не могу; а по временам, взашедшие в даль и в тонкость дела, буду на всякую вещь делать описание, а теперь только еще мне дошло доказать, и если все описать, на то надобна время, а притом бы и не утрудить таким почти здором величества.

КРАТКОЕ РАССУЖДЕНИЕ О КРЕМЛЕВСКОМ СТРОЕНИИ

Известно нам по гистории с коликими трудами с каким изданием воздвигнула древность те великолепные и исполинские здания, которыми она пышно славилась, называя их чудесами на свете.

Из казны царя Давыда состоящей в его сокровищах и в добыче неприятельской, употреблено на построение Иерусалимского

храма сто тысяч талантов золотых, и один миллион серебряных талантов; что составляет по счету Виллалландия три тысячи два ста осмдесят два миллиона римских эку; другие писатели оную сумму издержанную царем Соломоном на созидание перусалимского же храма простирают до тринадцати тысяч шести сот девяноста пяти миллионов, трехсот осмидесяти тысяч и пятидесяти золотых монет.

Главная египетская пирамида, которая и поныне весь свет удивляет, продолжалась, по мнению Плиния, двадцать лет в своем строении, к которому употреблено было рабочих людей, числом до трех сот до шестидесяти тысяч человек; Геродот, который считает их только сто тысяч человек, пишет, что десять лет они только возили камни и другие материалы, а десять лет строили оную пирамиду.

К строению храма Дианина Ефесского, вся Азия приложила свои силы через 220 лет (может быть в то время был недостаток в мастеровых или в несобрании денег), создавши его с умыслу на месте болотистом, для сохранения его от земных трясений, а такой медлительности в работе причиною были может быть, или недостаток в совершенных мастерах, или по непривычке к частым путешествиям, трудность доставать нужные материалы из дальних стран, не упоминая здесь о Александрийском маяке, который стал египетскому царю Птолемею Братолюбову в 800 талантов, то есть, около двух миллионов и четырехсот тысяч французских ливров.

Построенной Нероном в Риме дворец назывался златым, по причине великолепия неоцененных его уборов, и всего того, что натура либо искусство могли произвести богатейшего или удивительнейшего; не можно себе вообразить внутреннюю красоту сего блистательного дворца, не имевши понятия справедливого о несчетных сокровищах, которые Рим себе получил в добычу от всех народов принужденных покориться победоносному его оружию. К созиданию и к украшению всего пространнейшего дворца, жертвовали римляне тщеславию Неронову не только тем что восток и запад могли произвести драгоценнейшего жемчугом, редкими камнями, золотом, серебром, перламутром и слоновую костью; но еще и тем, что древность оставила-было любопытнейшего в Египте, с последними силами греческих и римских хитрецов в живописных и ваятельных произведениях.

Оставляю здесь подробно описание прочих древних зданий, как то, стен вавилонских, садов висящих, колосов родоских и олимпийских, гробниц мавзолеевых, водоводниц карфагенских, теплиц диоклетиановых, театров марцеловых, колизеев, и других премногих не меньше славных и важных зданий, из которых явствует могущество и слава многих древних государей.

Возвратим свой взор на наши европейские края, и поищем в них таких зданий, которые, хотя и не могут огромностью и богатством сравняться с теми древними строениями, однако не уступали бы им величавостью архитектуры, и изрядством вкуса их соорудителей. Во-первых, видим мы в Риме Ватикан также церковь и площадь святого Петра, во Флоренции зал (и церковь богородицы цветов), в Венеции церковь и площадь святого Марка (и цейгаус, в Милане церковь белого Мрамора), в Мадриде дворец королевской, в Лондоне церковь святого Павла, в Берлине цейгаус, в Париже дом и церковь инвалидов; площадь Людовика пятого на десять; площадь Вандомскую, хотя сия последняя не больше имеет длиннику как 86 сажен, а поперешнику только 78 сажен, видим еще дворец Тюлерийской, которому первое основание положено по повелению королевы Катерины де Медисис в 1564-м годе; оно строение имеет поличнику 168 сажен к оному присовокупим старой Лувр с его перестилем сему зданию, еще Франциск первой основание положил, а сын его Генрик второй употребил славнейших архитекторов тогдашнего времени к распорядению и украшению сего здания, которое однако еще и поныне к совершенному своему окончанию не дошло по причине частых остановок в выдаче суммы потребной к совершению сего здания. Имеется еще Палеруаяль, построен в 1630-м годе старанием кардинала д'Ришелье, Люксамбур, построен по повелению королевы Марии д'Медисис супруги Генрика 4-го во время малолетия короля Людовика третьего на десять; Валь де Грас, великолепнейшее строение какое было построено во Франции в последнем веке королевою Анною австрийскою, да ныне строящаяся церковь святыне Женьвиевы по прожекам и под смотрением королевского архитектора и кавалера Суфлота; так же великолепна церковь святого Роха, и церковь же святого Сулпиция ныне достраивающаяся по рисункам господина Сервандони. Найдутся и другие в великом множестве строения; но подробное описание оных могло бы здесь быть обременительным: довольно нам знать, что все таковые великолепности имели при сооружении своем всяческие ободрения от целых государств, и на щедрым монархов награждения счастливо сооружены в таких местах, где свободные хитрости находились всегда и ныне находятся в почтении, и получают славные тому свидетельства; где люди высочайшего степени благородства ставят себе в честь знание таких изрядных вещей, где свободными и всегда вольными хитрецами не повелевают чины ни военные ни гражданские, и не гнушаются с ними говорить, и в случае спрашивать у них нужного совета, где не называют просто художниками или ремесленниками тех людей, которые посвятили жизнь свою для пользы отечества хитростям, архитектурной, живописной и ваятельной, а дают им достоинства

кавалерские как Тициену, и фалцграфские, как Павлу Жову (Михель Анжелу давана кардинальская шляпа, как и ныне в Париже получают славные художники кавалерия святого Михаила, а не чины), где наконец говорят об них с похвалою, и ставят их в числе славных и великих мужей, ибо знают, что слава есть первая мать хитростей, но к славе должны также присовокуплены быть ободрения от щедрости монаршей.

Не можно спорить чтоб помянутые как древние так и новейших веков здания не заслуживали нашего почтения к их основателям, однако разные обстоятельства и разные причины находятся в их созидании. Например, пирамиды, сколь они не пышны своею огромностью, украшают только песчаные египетские степи: знаем мы, что сумма издержанная на одну покупку чеснока и луку для работных людей трудившихся около строения большой пирамиды, считается до 4 миллионов и 500 000 французских ливров; однако во дни еще Плиниевы, уже не помнили по чьему приказанию такое огромное здание было сооружено, и которого государя столь тяжелая гробница скрывает. Гисторики нам повествуют, что был какой-то Колосс Родоской, однако нынешние жители сего острова не могут приметить и места, на котором бы мог прежде сего стоять сей тяжелый исполин. Дивимся мы и по ныне великолепностям города Палмира; дивимся мы стенам вавилонским, мосту построенному на реке Евфрате, берегам каменным проведенным по обе стороны сей реки, и другим великолепнейшим бесчисленным зданиям, которыми город Вавилон украшен был от храброй супруги Нина, Семирамиды ассирийской, но если примем в беспристрастное рассуждение, от всеавгустейшей нашей монархини, между прочими отечеству полезнейшими установлениями, учрежденное в 1768-м годе столь важное строение, каково кремлевское, то ни мало в древности прославляемым зданиям удивляться не станем. Могущество, премудрость и высокий разум в предприятиях, счастливые дарования к совершению великих дел и ко всем подданным матерняя любовь и милосердие, суть качества северной Семирамиды, августейшей нашей императрицы, которым Россия все свое обновление должна приписывать, высочайшего оного ее императорского величества учреждения основанного на милостивейшем сея истинной отечества матери о перво-престольном Империи Российской граде Москве благоволения, предмет есть таков, чтобы обновить вид сего древностью обветшалого и нестройного града, жители оного имеют уже счастье видеть начало великолепных зданий, которых совершение восхитит красотою обширные Российской Империи пределы, исчезнет тогда слава древних семи чудес, народы европейские, узрев восставший из недр земных новой Кремль, объята будут удивлением величавости и огромности оного, и не увидят уже красы

своих собственных великолепностей; а от того высочайшее и бессмертной славы по справедливости достойное имя великой Екатерины второй будет вечно потомками прославляемо.

Приняв во уважение сие столь огромное и столь важное от ее императорского величества всемилостивейше вверенное мне строение, каково кремлевское; взирая при том с благоговением на высокоматерние ее величества к своим верноподданным щедроты, которая яко щедролюбивая мать отечества все в пользу и во удовольствие своих подданных устрояет, принял я смелость, по высокомонаршей мне важного сего дела доверенности, некоторые самонужнейшие о должности и о команде архитектурской написать особливые пункты, заключающие в себе все то что может споспешествовать к совершению столь великого и создаемого на славу империи российской строения.

Оные пункты при сем имею честь всеподданнейше предложить попечительному благоразумию ее императорского величества; почитая себе за превеликое счастье, ежели они высокомонаршего ее величества будут удостоены благоволения.

ПУНКТ ПЕРВЫЙ

О ДОЛЖНОСТИ АРХИТЕКТОРА

При всяком здании, каково бы оно ни было, великое ли, малое ли, архитектор должен, во-первых, сообразясь с желанием господина того здания, сделать прожект по которому и начертить планы, фасады и профили. Потом, как уже прожект будет опробован, должно приступить к деланию модели, а понеже она есть почти половина практики, то в ней надобно архитектору, положи все свои силы, смотреть накрепчайше, прибавить ли что или убавить против прожекта в частях архитектуры, дабы с настоящею практикою в крепости, красоте и покое все было сходно. Причина сей перемены против прожекта на модели, есть такая, что на чертежах, а особливо великим зданиям, никак не можно войти во все подробности, и для того-то во время строения модели, да и по окончании ее на самой практике, помянутая перемена архитектору дозволяется, в нескольких наружных частях, и в самых малостях внутреннего расположения, однако не выступая из воли до кого принадлежит строение.

Когда же модель окончится и апробуется господином здания, тогда время архитектору приступить к совершенной практике и для того он должен делать распланировку того места, которое назначено для строения, а ежели здание будет великое, то не можно ему обойтись без помощников, которые будут в таком случае распределены от него по дистанциям на самом деле. По

окончанию распланировки надлежит рыть для фундамента рвы (и тут делать машины машинисту для отводов вод в жидкостях бить сваи, запускать щиты и прочее), при чем должно неотменно быть архитекторским помощником, с добрым наставлением от него о разных грунтах находящихся в земле, а прежде нежели начать бутить, сам архитектор имеет все рвы осмотреть и примечать больше всего вышереченные грунты и жидкие места, ибо от них зависит крепость всего здания, а помощники принявшие наставление и приказ от архитектора, должны исполнять оные с точностью.

ПУНКТ ВТОРОЙ

О МАТЕРИАЛАХ И ЧТО К НИМ ПОТРЕБНО

После твердости грунта, ничто больше не способствует к крепости здания, как совершенство материалов к строению оного употребляемых, и для того, свидетельство оных материалов, в доброте их, никому постороннему и не знающему архитектор поверить не должен, но имеет их осматривать сам или через помощников своих; а что принадлежит до счёту и сбережения оных, и до сходности материалу каменного и кирпичного с показанными от архитектора образцами, то уже ему архитектору никаким образом, усмотреть и соблюсти всего, ниже во всех подробностях освидетельствовать не можно, а надобно к тому быть особливым приставом в рассуждении сего же.

О ЗАВОДАХ КИРПИШНЫХ, КАКИМ ОБРАЗОМ ДЕЛАТЬ И О КАЗНЕ

Инструкция как делать кирпич на кремлевских заводах, есть в экспедиции, и дана подрядчикам с поправлениями архитекторскими... ее можно взять в экспедиции, когда понадобится.

В рассуждении сего, при таких великих зданиях, надлежит быть директору с его помощниками, до которых принадлежать будет не только денежная сумма потребная на строение, но и прием и отдача материалов; также наем работных людей, верная с ними расплата, и отчеты во всех издержках.

А как архитектор во всяком здании есть ключ строения, то оные комиссионеры должны с ним соглашаться во всем: особливо же, в заготовлении материалов, и в числе работных людей подобным образом, когда что будет для строения надобно, и потребуется, например, каких-либо инструментов, или какого особливого материалу, которой надлежит заготавливать заблаговременно, то они должны по требованиям архитекторским исполнять без упу-

щения времени, и без дальних письменных переписок, ибо они только причиняют остановку в работе, и следовательно больше делают убытка, нежели пользы казне определенной на строение.

ПУНКТ ТРЕТИЙ

О ВОЛЬНОСТИ АРХИТЕКТОРА

Отец архитекторов Витрувий пишет в своих сочинениях, что для лучшего успеха в строении, всякой «архитектор должен принимать советы не только от последнего каменщика, но и от тех самых, которые около архитектурной работы по особливому своему званию не обращаются, ибо не архитектор один, но все общество будет судить строяемое тем архитектором здание, однако де в их рассуждениях имеется такое различие, что человек не обращающийся в архитектуре, тогда только может правильно рассуждать о здании, когда оно придет к концу, но архитектор узнает красоту здания, как скоро он его в мыслях своих только вообразил, и не начинавши еще производит его в дело». Взявши в рассуждение сии последние витруевы слова, если кто, особливо не художник, во время сочинения прожектов, или при делании модели, да и на самой практике начнет, сам не зная положения воли и апробации господина того здания, давать архитектору по большинству чина свои неосновательные мысли, и или хуже того и заставлять его делать по своему; так из того выйти никогда не может ни воля ни намерение хозяйское, следовательно архитектор не должен быть под команду ни у кого, кроме как у господина того здания, от которого единственно он должен зависеть.

Что же принадлежит до художников и мастеровых людей паходящихся при том строении, то им всем неотменно следует быть в полной власти и в совершенном послушании у архитектора таким порядком, все части строения потекут из одного источника, и согласно с намерениями хозяйскими. Своих же помощников архитектор определяет по способности, к разным должностям, например, к задаче шаблонов, к теске камня, к деланию в подробности частных чертежей, к смотрению по дистанциям на стенах, дабы порядочно каменщиками и другими работными людьми производилась практика, а помощники желаниям архитекторским должны... соответствовать, исполняя точно все его приказанья.

ПУНКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

О НЕЗАВИСИМОСТИ ОТ ЭКСПЕДИЦИИ

Упомянув в трех прежних пунктах об архитекторе вообще, остается здесь определенному ее императорским величеством к новому кремлевскому строению архитектору Баженову, предло-

жить ее императорскому величеству всеподданнейшую просьбу, в том, чтоб с ним и с его помощниками да и со всею его командою поступано было от экспедиции кремлевского строения, как с художниками, а не как с приказными людьми, ибо он, Баженов, недавно узнал что если в скорости не будет репортовано на полученной указ, то определено с нерепортующего брать штраф и для того, как он не имел случая обращаться в письменных делах, а препровождал дни свои в художествах, то имеет он причину опасаться, чтоб за безумышленное и совсем ему необыкновенное дело не быть штрафован.

А по привилегии императорской Академии художеств, как он архитектор, художник; художество же есть всегда вольное, и никакою командою не связанное, то просит он всеижайше, чтоб не художники, хотя и более чинами, им архитектором и привилегированным художником не командовали, но имели бы общие с ним голоса во всех касающихся до строения делах, почему надлежит назначить в неделю один день, в которой может он в присутствии обще советовать; прочие же дни оставить для его должности, а чтоб от него на словах будет экспедиции в присутствии представлено, то все имеет быть записано в книгу и им архитектором подписано, таким порядком минуются все излишние и данные переписки.

(А как комиссии о строениях, более касаются, да и зависят от архитектора, ибо трудно обращающемуся при письме человеку управить не уразумея и не понимая строением так равно и архитектору не без труда да и невозможно, чтоб имея своего настоящего дела весьма довольно, вступать в письменные, а иногда и бесполезные ответы).

СЛОВО НА ЗАЛОЖЕНИЕ КРЕМЛЕВСКОГО ДВОРЦА

Празднует Восточная Церковь обновление Царя-Града; ибо благочестивый Константин перенес трон от берегов Тибра во Византию и украсил оную великолепием, и богодухновенно освятил то место. В сей день обновляется Москва. Ты, великая Екатерина, посреди кровавой брани, посреди множества порученных тебе от бога дел, и об украшении первопрестольного града забыть не восхотела. Кажется, что судьбина ради того много тебе разных препятствий во исполнении твоих желаний предоставила, дабы более превознести имя твое. Зияющая на нас Отоманская Порта трепещет, Гелеспонт попирается флотом твоим, войски отоманские рассеиваются, Бендер горит, пучина корабли турецкие на воздух мечет. Тамо Голицын побивает и многочисленное срацинское побеждает войско. Хотин опустошается и Молдавия

покоряется Российскому скипетру. Тамо Румянцев гонит и возмечает неприятелей, яко прах, его же возмечает ветер от лица земли. Тамо Панин растворяет адские пропасти и посылает неприступный Бендер; тамо Орлов раздирает валы морские и турецкие корабли из пучины на воздух бросает: суда неприятельские не бурными на водах волнами, но бурным на воздухе пламенем окружены. Тамо Крым, утраченный именем Великия Екатерины, едва воспротивился Долгорукому, полагает оружие и в прежние веки приводящую рассеянную и несогласную державу в ужас, сам стократно более ужасается грома и молний северного Зевса, создавшего Петрополь, и оружия Российския Минервы, возобновляющих, Кремль и Москву. Здесь Волконский, показав искусство свое и в военных и в министерских делах, прехвально наместницы божией наместничество исправляет. Еропкии усмиряет Мегеру и утверждает безопасности верных Ея Величества подданных и сынов отечества. Во дни брани правосудию твердые столпы сружаются: сырые воспитываются и невинно помирающие младенцы не только к жизни, но и к счастливой жизни готовятся, пустыни населяются, училищи умножаются, худовидные грады облачаются в великолепии; дерзостные междусобия прекращаются, смерть изгоняется. А ты, о благословенная река, орошающая кремлевы стены, воздыми главу свою, возведи очи твои и виждь! Се ко твоему Сиону сбегаются жители многонародного обиталища, видети о нем попечение Премудрыя Екатерины! Да украсятся твои брега, яко брега потока, претворенного из блата в чистейшие невские струи и носящего в Петрополе имя Великия Государыни! Ликуйствуи, Кремль! В сей день полагается первый камень нового Ефесского храма, посвящаемого божией в России наместнице, толико же и добродетелями, колико своим саном сияющей. А я, будучи удостоен исполнить Монарши повеления в сооружении огромного дома и всего великолепного в Кремле здания, готовясь зачати оное, почитаю должностью нечто молвить о строениях московских, ибо то к сему дню и к делу сему пристойно, и нечто выговорить и о своей профессии, ибо здание здесь начинается. Иоанн Данилович, сын Даниила Александровича и внук Александра Невского, воспитанный в Москве при отце своем, соделался наследником Российского Великокняжеского престола, возрастая на прекрасных местоположениях Москву, по благословению Петра Митрополита пренес Российский трон из Владимира, а с ним и Митрополит переселился в Москву. Остаток бора, лежащего на горе Кремлевской, окружающего Спасской монастырь, вырублен, а бывшая там монашеская обитель перенесена на Язу и названа Новоспасским монастырем: осталась только посреди дворца одна церковь, называемая и поныне Спас на Бору. От сего бора назван и Боровицкий мост. За-

московоречье составляло слободы переведенцов, как были переведенские улицы и в Петербурге. Где ныне ряды и гостинный двор, тут было поле, а потом поставлены деревянные лавки, ради торгу. При сих рядах поставлена потом ради торгующих перковь Великомученицы Варвары, от чего улица Варварка и имя получила. Жилище великих князей был Кремль, на коем месте и наша Монархия ныне дому Императоров Российских основание полагает. Китай стал потом жилищем мещан торгующих. Тверская, Никитская, Воздвиженка, Дмитровка и Петровка первые населены были, и лучшие князи, господичи и дворяне на них обитали, а особливо на концах, ко Кремлю и Китаю касающихся, по близости дворца и рядов. Тверская, лежащая по хребту высшей горы, знатнейшею почиталась улицею, нося потом имя улицы Царевой, как Никитская имя улицы Царицыной. Пречистенка была улица конюшья, касаяся почти самому Боровицкому мосту и, следовательно, конюшему и колымажному дворам. На Девичьем поле косили сено на государские конюшни, а на Остоженке ставились стоги. Где ныне Земляной город, тут жили мелкие обыватели, а потом стрельцы и всякие ремесленники. По временам Иоанна Даниловича Москва, яко центр российских земель, стала год от года размножаться. Во время великого князя Иоанна Васильевича она возсияла, ибо он увеличил Кремль и обвел его новыми стенами, гордыми украсив их башнями. Во время сына его и внука красоту свою и веление умножала, а внук его царь Иоанн Васильевич воздвиг стены и башни Китая. Царь Борис Федорович Годунов, а по нем царь Михаил Федорович, царь Алексей Михайлович, царь Федор Алексеевич еще Москву и распространили и украшали. А потом и время и радение обитателей привели ее в то состояние, в коем мы ее видим. Но упадающие царские чертоги не могли более стояти без страха и были готовы ко всеконечному разрушению. Сие главная причина благоволения Ея Императорского Величества воставити обиталище предков ее и наших государей. Превзошла она победами славного Российского Монарха Иоанна, деда царя того же имени, а ныне и украшением Москвы его превзойти устремляется. О, дабы труды мои соответствовали моему усердию! Щедрая мать отечества нашего! я все мои силы и все мое знание употреблю и принесу на жертву твоему повелению. Желая, чтобы сие почтенное художество на сем месте во всей своей славе возсияло и было бы сие жилище достойным обитания Великия Екатерины, и сколько Рим и Италия принесли мне одобрения, толико бы принесли мне похвалы за сие начинаемое мною созидание и столько милосердного снисхождения от моей государыни. Египтяне первые привели архитектуру во презрядный порядок, но, не довольствуясь только хорошим вкусом и пристойным благолепием первоначальным,

едину огромность почитать начали, от него и пирамиды их, возносясь к небу, землю отягощают, гордясь многолетними и многонародными трудами и многочисленною казною. Греки, хотя и все от Египтян и Финикиян ко просвещению своему получили, но, став лучшего и почтеннейшего на свете охотниками и введя сию охоту во весь народ, архитектуру в самое привели изящное состояние. Родились от египетской несовершенной архитектуры три ордена: Дорический, Ионический и Коринфский: важный, нежный и цветной, разные в них размеры и расположения, но все приведены в совершенные правила, и все огромностям посвящены быть могут. Некоторые думают то, что и архитектура, как одежда, входит и выходит из моды, но как логика, физика и математика не подвержены моде, так и архитектура, ибо она подвержена основательным правилам, а не моде. Когда Готы овладели Италией, они, привыкнув к великолепию зданий римских и не проникнув того, в чем точно красота здания состоит, ударились только в сияющие архитектуры виды и, без всякого правила и вкуса умножая украшения, ввели новый род созидания, который по времени получил от искусных исполнителей, хотя и не следующих правилам, огромность и приятство. Такого рода наша Спасская башня, но колико она не прекрасна, однако не прельстит толико зрения как башня Гавриила Архангела. Грановитая палата хороша, но с Арсеналом сравняться не может. Колокольня Ивановская достойна зрения, но колокольня Девичья монастыря более обольстит очи человека вкус имущего. Церковь Климента покрыта золотом, но церковь Успения на Покровке больше обольстит имущего вкус, одна смесь прямой архитектуры с Готическою, а другая созиждена по единому благоволению строителя. Видим мы в Москве некоторые хорошие здания и кроме тех, кои мною наименованы. Все кремлевские башни хороши. Церковь, называемая Николы большого креста, церковь Иоанна Воинственника и может ли ей уподобиться стоящая близ оной у некоторой церкви подобная ей тягостные колокольни, вшедшие в моду подобием обезображающих дома подъездов. Хорошо состроен Архангельский собор, хотя и обрушились его галлерей в прежние годы. Царские теремы в Кремле свое достоинство имеют и велелепна церковь на рву у Спасских ворот, хотя приделами после и попорчена. Хороши готические здания Сухаревой башни и Университетского у Куретных ворот дома. Прекрасен берег Аннинского дворца и мосты. Прекрасны еще в Москве дома: Главная аптека и был бы дом сей еще прекраснее, когда бы не было при нем нужной аптеке лестницы, казенный дом на Сретенке, бывший князя Голицына, на Знаменке графа Воронцова. А всех домов прекраснее дом князя Гагарина на Тверской. Имеет великолепие и Воздвиженский монастырь! и приятство церкви Варсонофьевская и Воск-

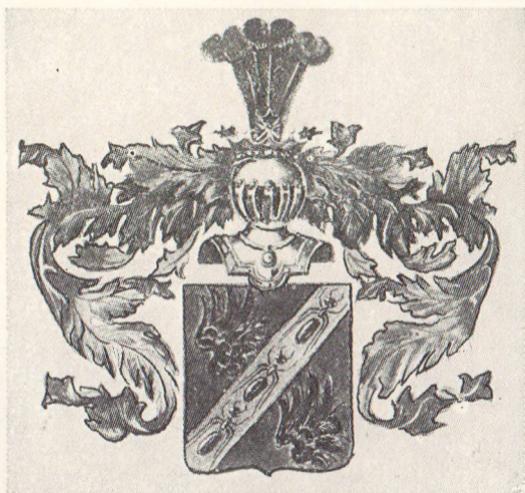
ресения в Кодошове с ее легкою колокольнею. Великая государыня! Тебе вручен от бога России скипетр. Тебе повинуются победа, следуя войску твоему. Ты печешься о сырых, убогих и обидимых. Тебе поручено исправление нравов, законов, просвещение разумов; ко твоей славе и архитектура устремляет усердие, почитая тебя Российской Палладою, а Москва благодарит тебя, что ты, государыня, помнишь о ней и в такое время, в которое венценосная твоя глава множеством неусыпных отягощена мыслей. О, собранные зрители заложения дома великия Екатерины! я желаю и устремляюсь, колико могу исполнить повеление самодержицы. Ум мой, сердце мое и мое знание не пощадит ни моего покоя, ни моего здравия. Архистратиг обладателя вселенные, пред твоими очами, пред самыми твоими очами, сей первый камень во основание полагается: не сам ли ты наименовал сие место срединю начинаемого зданія? Буди хранитель сего дома, сего замка и сего града! буди хранитель и всей России! и повергай врагов нашего отечества силою нашего оружия, как ты поверг надмешенные гордостью духи! Видя храм твой, кажется мне, что я тебя пред собою вижу, воздевающа руки ко престолу Обладателя подсолнечные, слышится мне, что ты уже возносишь общенародный глас севера, сей глас: всемогущий боже, благослови место сие и дай Екатерине толь великий век, коль велика слава ея! О вы, первосвященники, и вы, все сыны отечества! Возведите с архангелом на небо очи свои и да будет сей торжественный день и днем молитвы о здравии и многолетии нашей Государыни и ее наследника!

Сия речь говорена была при заложении Кремлевского дворца Архитектором, Артиллерии Капитаном, Булонской и Флорентинской Академии Членом и Санктпетербургской Академии Художеств Академиком Василием Ивановичем Баженовым.

Архитектуръ
Василий Бартенову

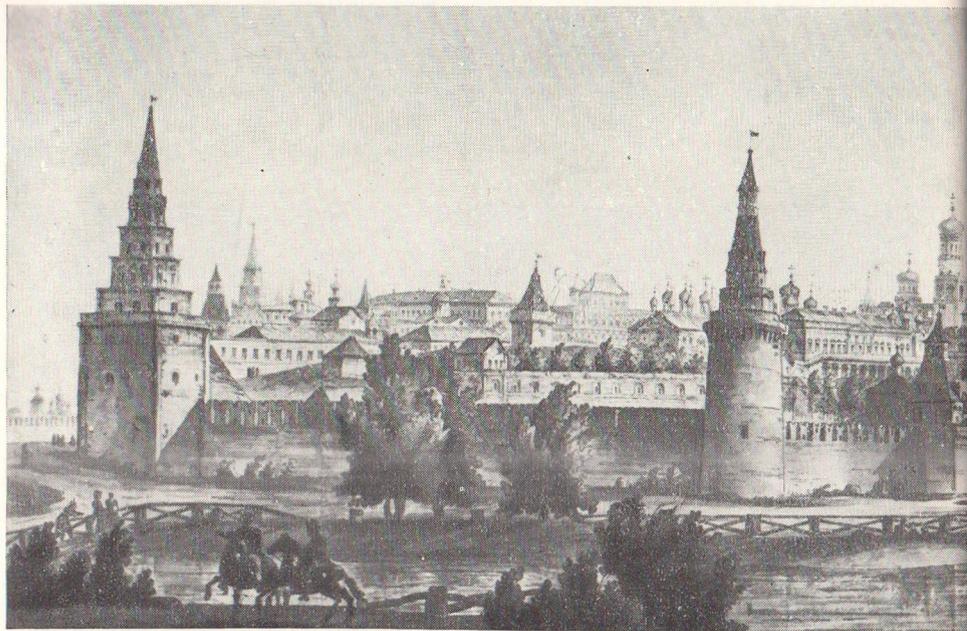

1. В.И.Баженов в кругу своей семьи.
Картина неизвестного художника

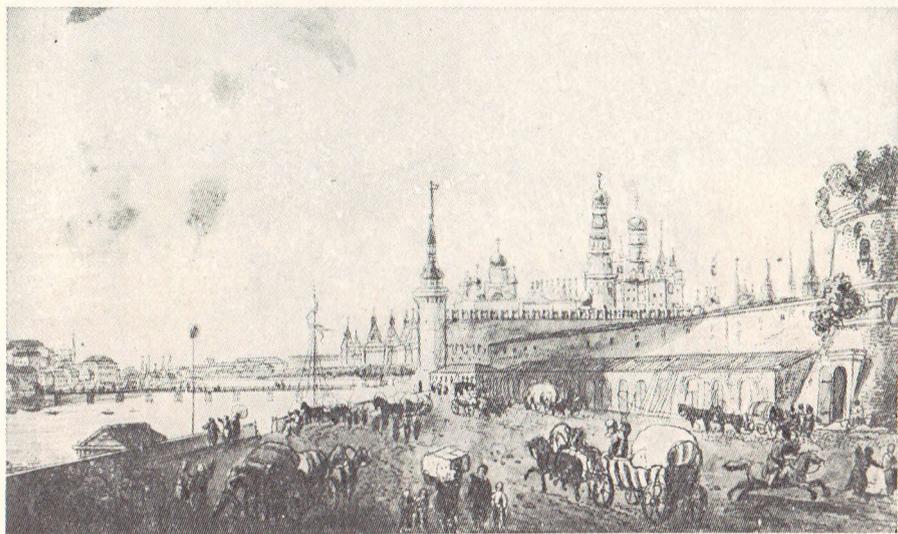

2. Эскиз семейного портрета.
Рисунок В.И.Баженова, данный
художнику И.Некрасову для
задуманной им картины

3. Герб семьи Баженовых

4. Вид Кремля. Акварель Д.Кваренги

5. Вид на Кремль и Китайгородскую стену с Москворецкой набережной. Гравюра конца XVIII в.

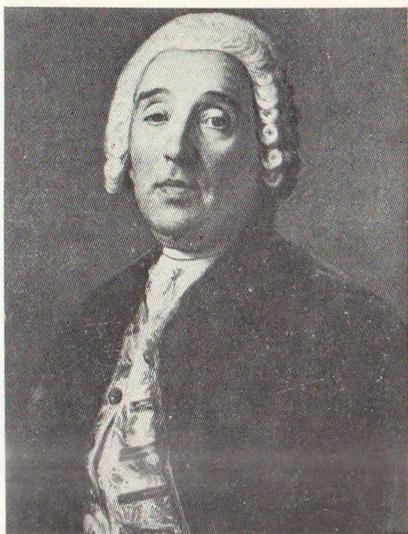
6. Кремль. Вид на Арсенал,
Никольские ворота и Сенат.
Рисунок Ф. Алексеева

7. С. Щукин. Портрет И.Е.Старова

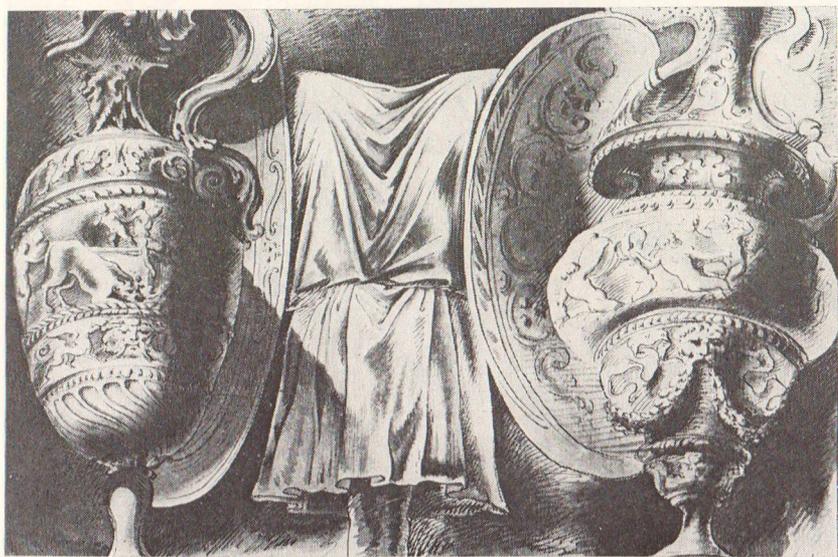
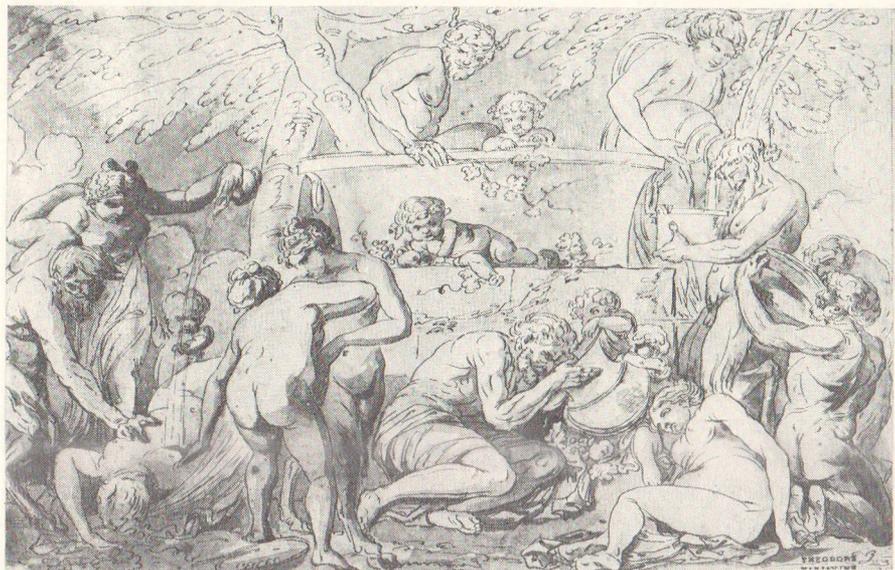
8. Д.Леницкий.
Портрет А.Ф.Кокоринова

9. П.Ротари.
Портрет В.В.Растрелли

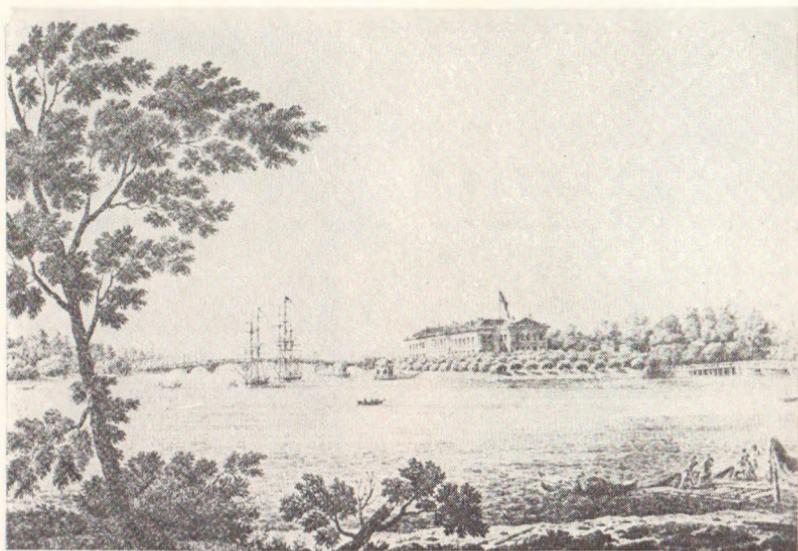
10. Портрет М.Ф.Казакова.
Гравюра Д.Афанасьева

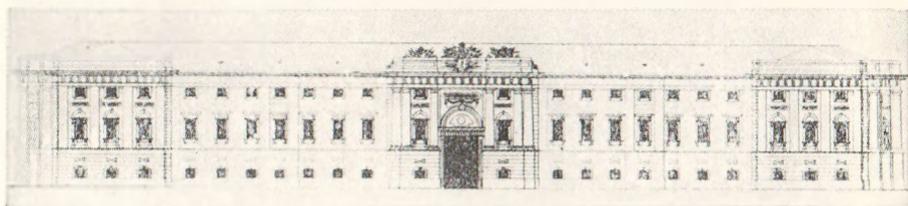
Вакханалия

Две античные вазы. Натюрморт

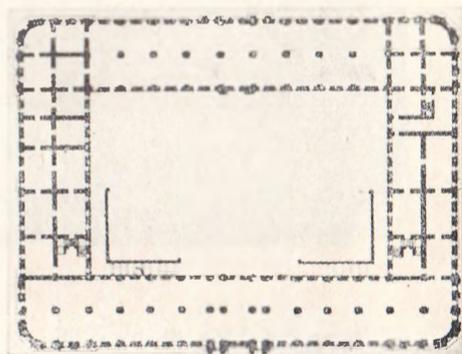
Итальянский пейзаж. Рим

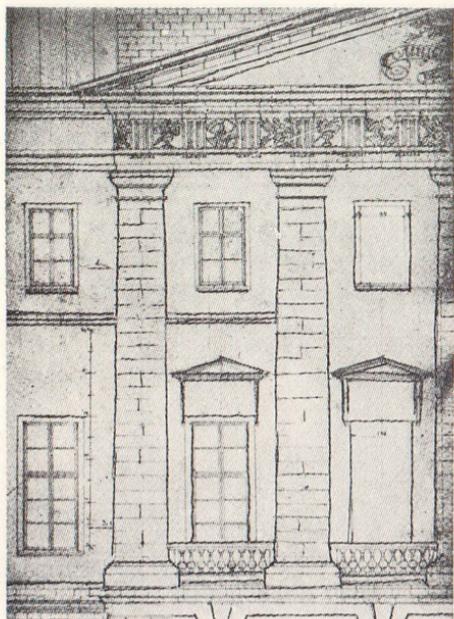
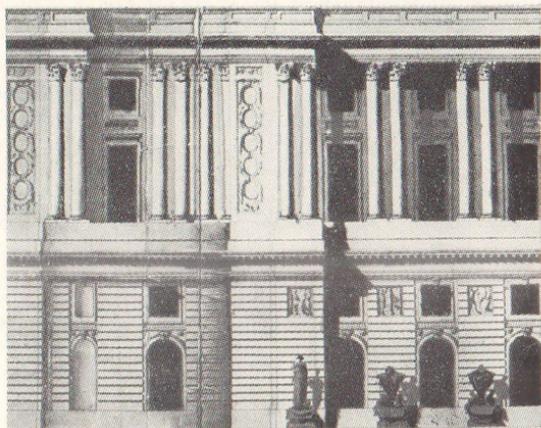
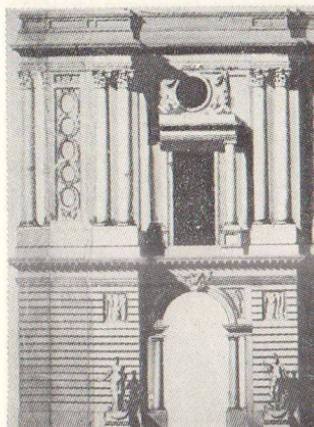
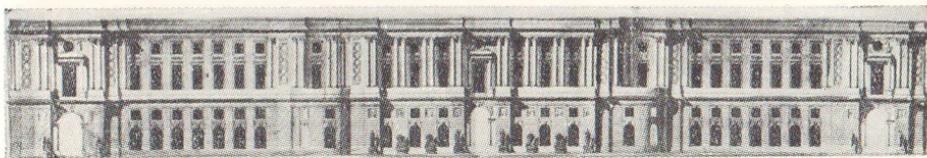
18. Каменноостровский дворец.
Литография С. Галактиопова

19. Здание старого Арсенала
в Петербурге. Литография
С.Галактионова

20. Фасад и план старого Арсенала
в Петербурге

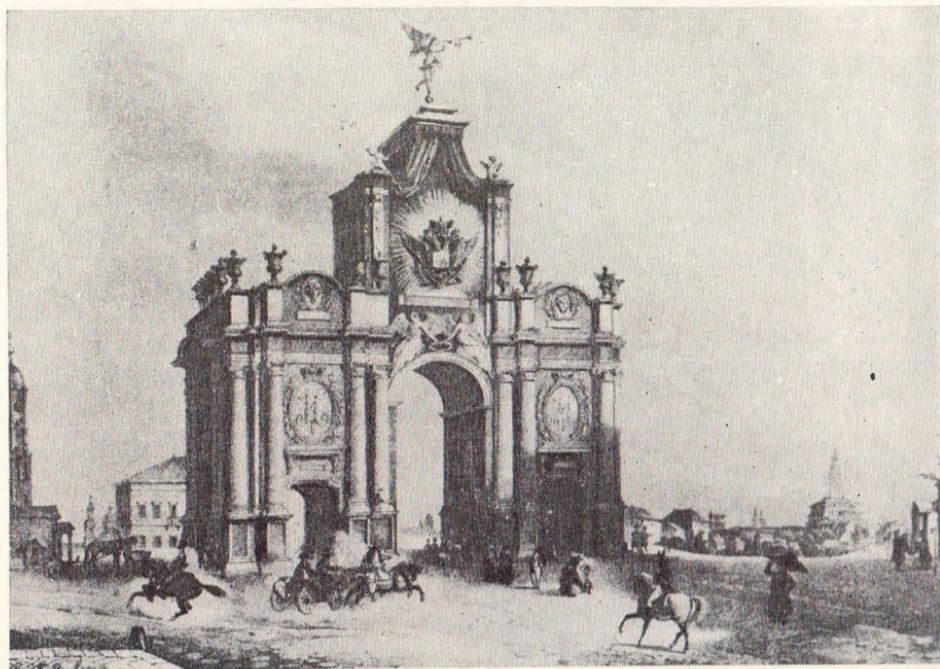
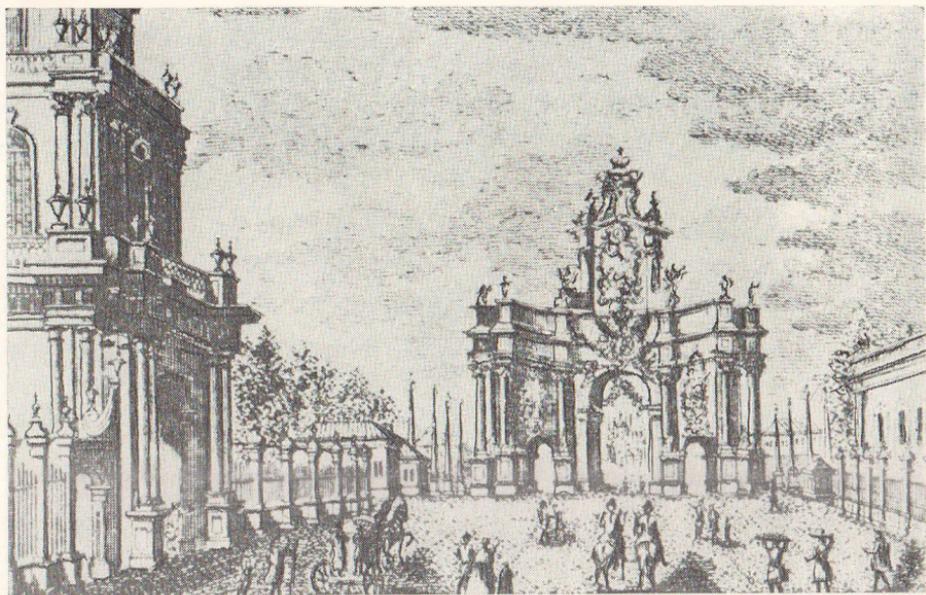

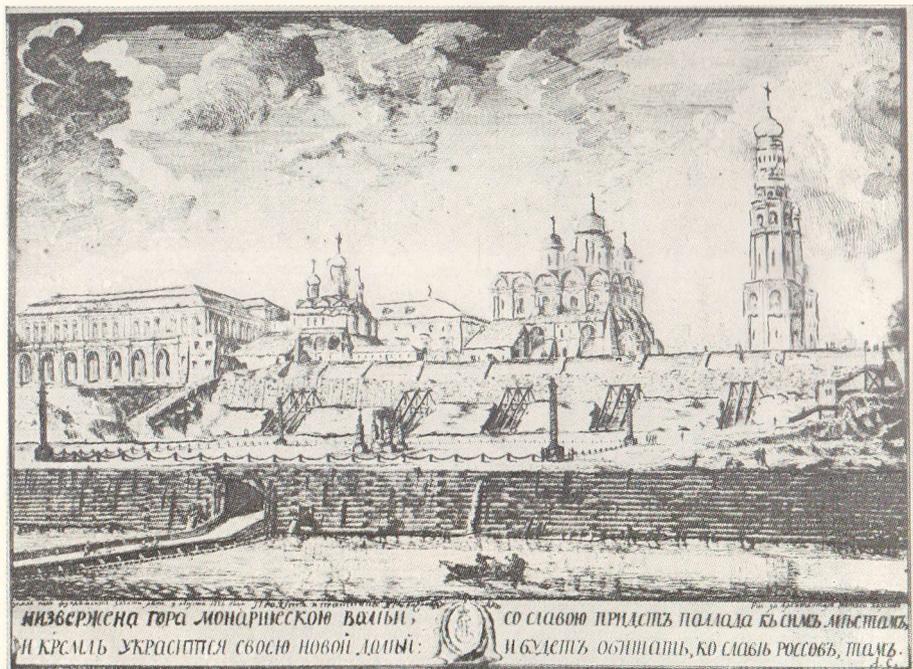

21. Проект Смольного института (?).
Фасад

22. Фрагменты фасада

23. Проект дворцового здания.
Фрагмент

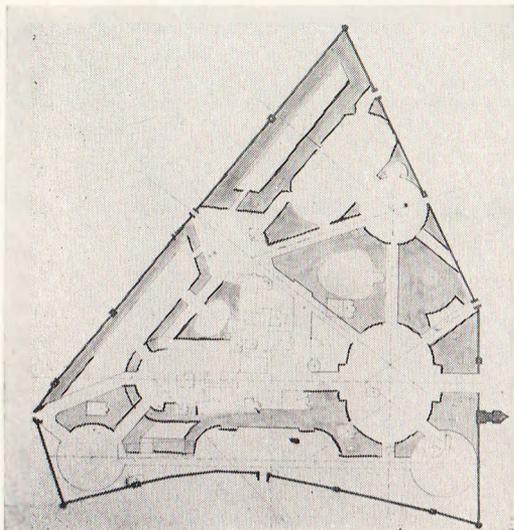

24. Триумфальные ворота в Москве.
Гравюра по рисунку М.Махаева,
1763 г.

25. Красные ворота в Москве.
Литография середины XIX в.

26. Москва. Вид на Кремль
(с изображением начала земляных
работ 1772 г.). Рисунок пером
и тушью М.Казакова

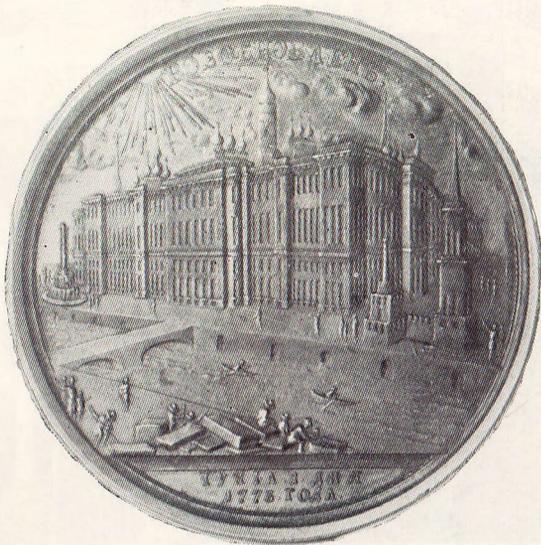
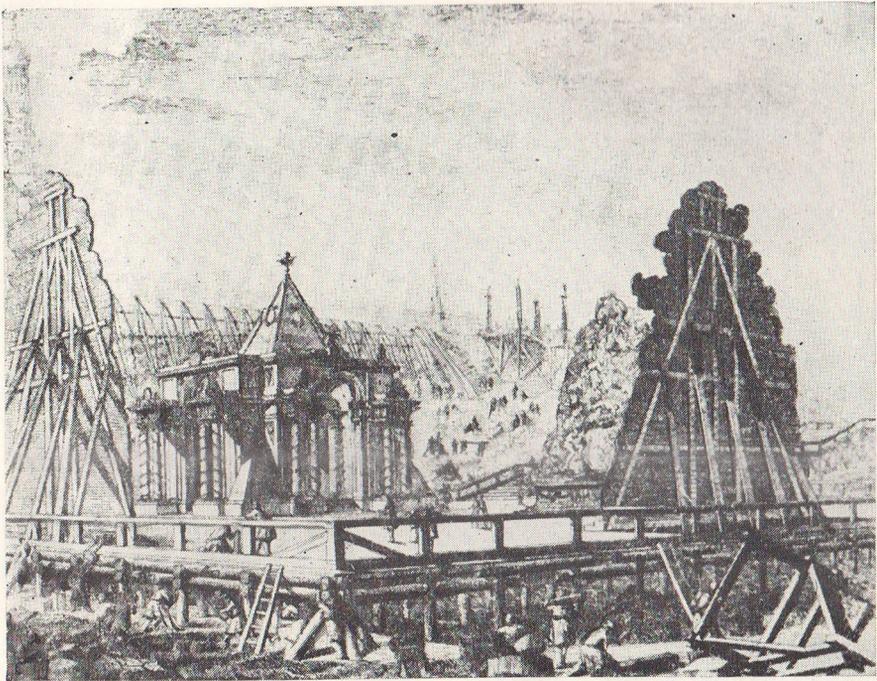

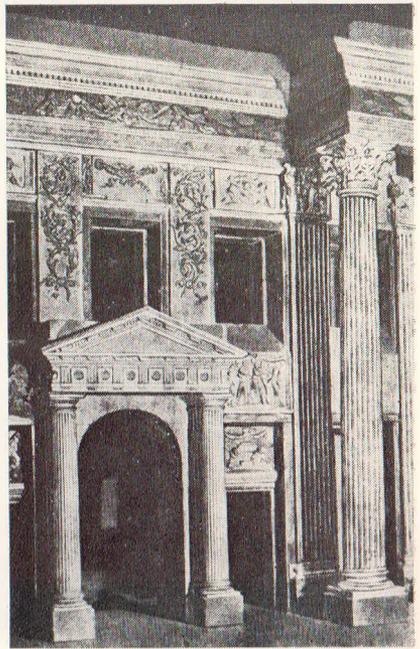
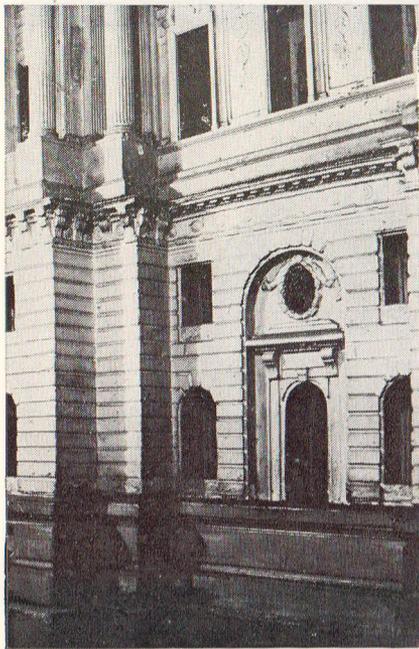
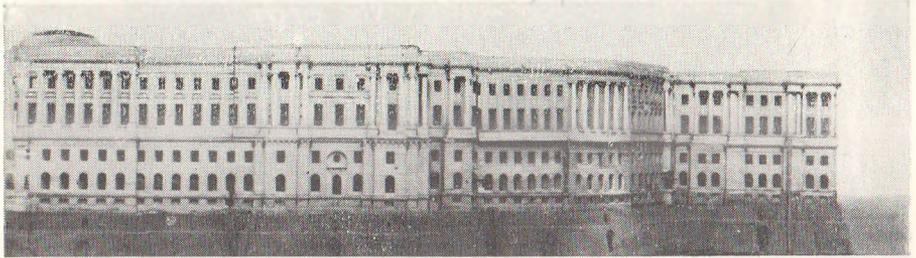
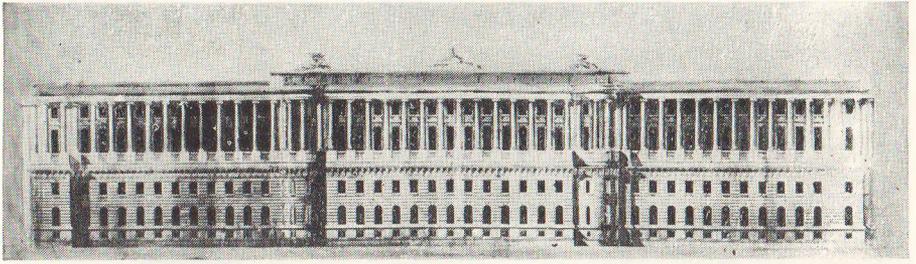
27. Декоративный щит,
установленный при закладке
Большого Кремлевского дворца
в июле 1773 г.
Рисунок пером и тушью
М. Казакова

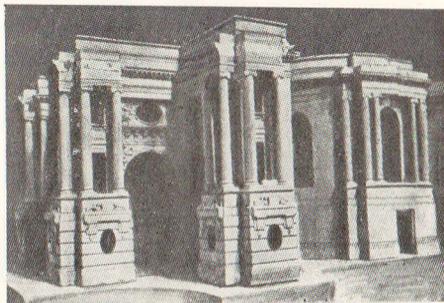
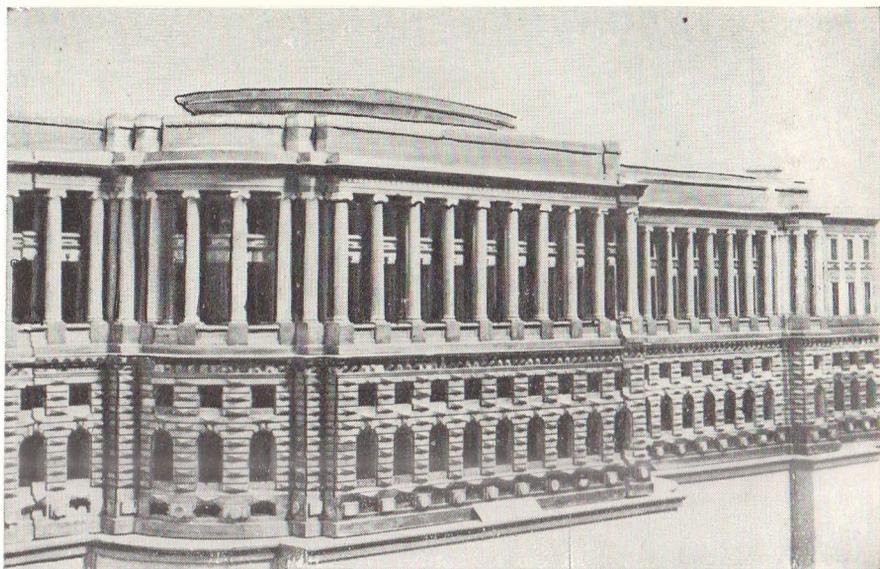
28. Генеральный план ансамбли
Кремля — «первая идея
архитектора»

29. Церемонии закладки
Кремлевского дворца в 1773 г.
Рисунок М. Казакова

30. Медаль в честь закладки
Кремлевского дворца.
Работа мастера Т. Иванова, 1773 г.

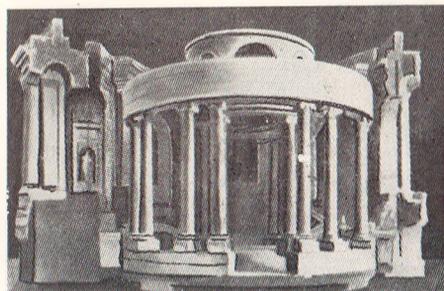
31. Проект Большого Кремлевского Дворца. Фасад на Москву-реку. Первый вариант

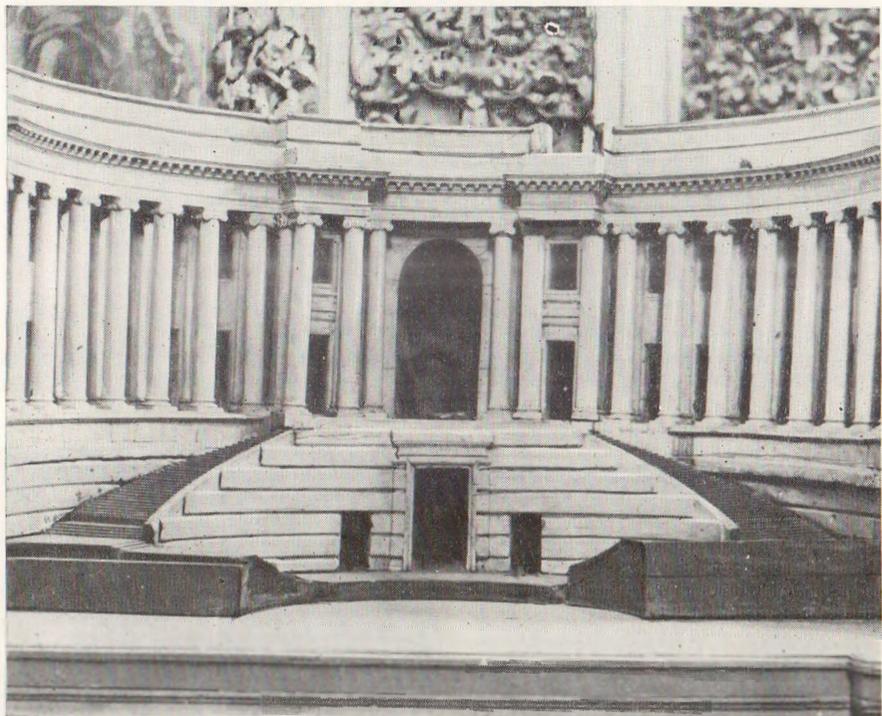
32. Модель Большого Кремлевского Дворца. Общий вид со стороны Москвы-реки

33—35. Детали фасада и интерьера Большого Кремлевского дворца. Фрагмент фасада. Второй вариант

36. Главный подъезд

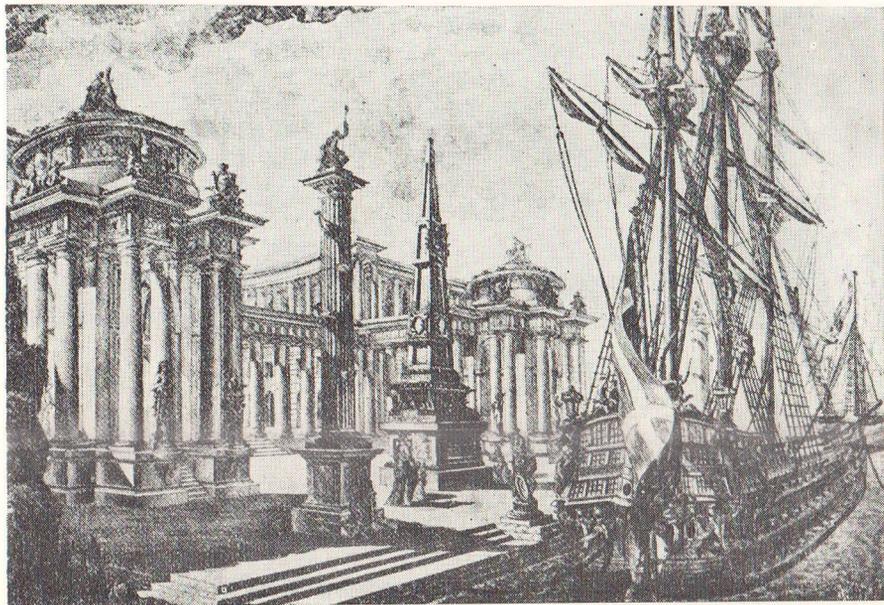
37. Интерьер вестибюля. Парадная лестница (отдельная модель)

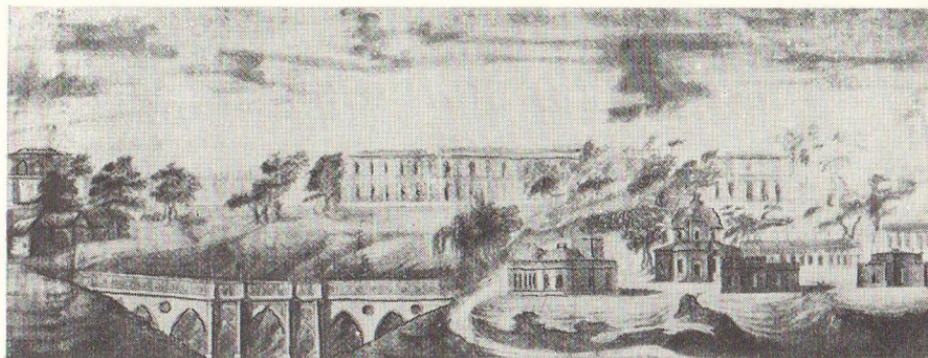

38. Модель Большого Кремлевского дворца. Театральный подъезд со стороны овальной площади

39—40. Увселительные строения на Ходыньском поле в Москве. Вверху — вид с юго-запада, внизу — вид с севера. Рисунки пером и тушью, 1775 г.

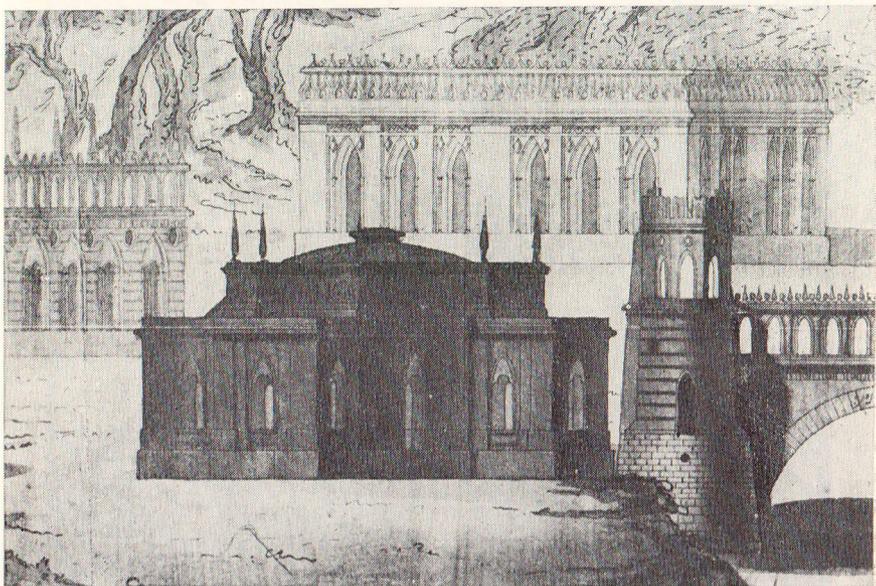
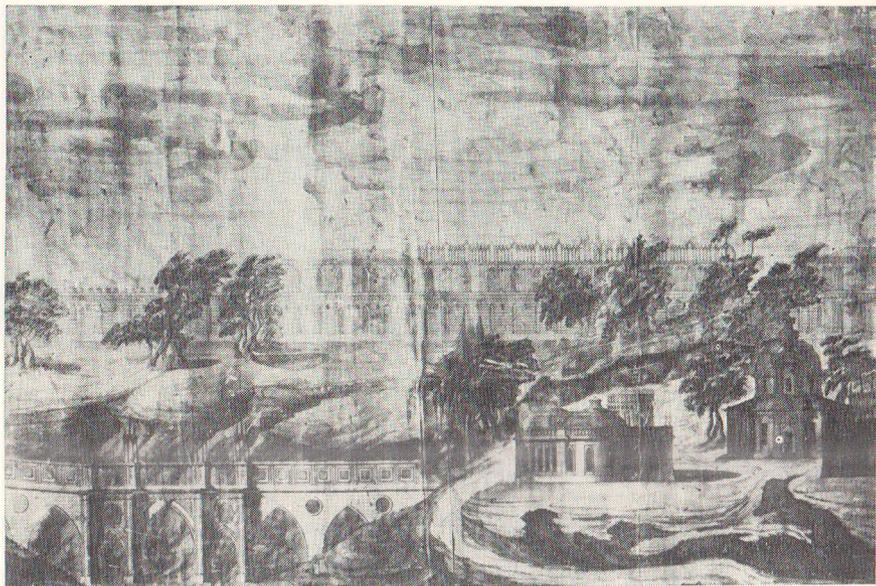

1. Вид на Адмиралтейский остров и на Александровскую колонну, вид с моря. 2. Вид на Адмиралтейский остров и на Александровскую колонну, вид с моря. 3. Вид на Адмиралтейский остров и на Александровскую колонну, вид с моря. 4. Вид на Адмиралтейский остров и на Александровскую колонну, вид с моря. 5. Вид на Адмиралтейский остров и на Александровскую колонну, вид с моря. 6. Вид на Адмиралтейский остров и на Александровскую колонну, вид с моря.

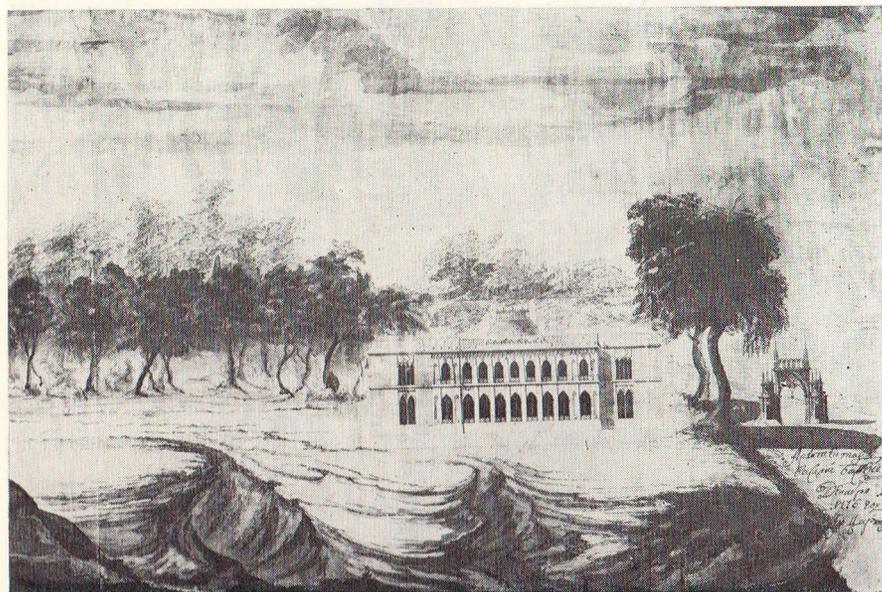
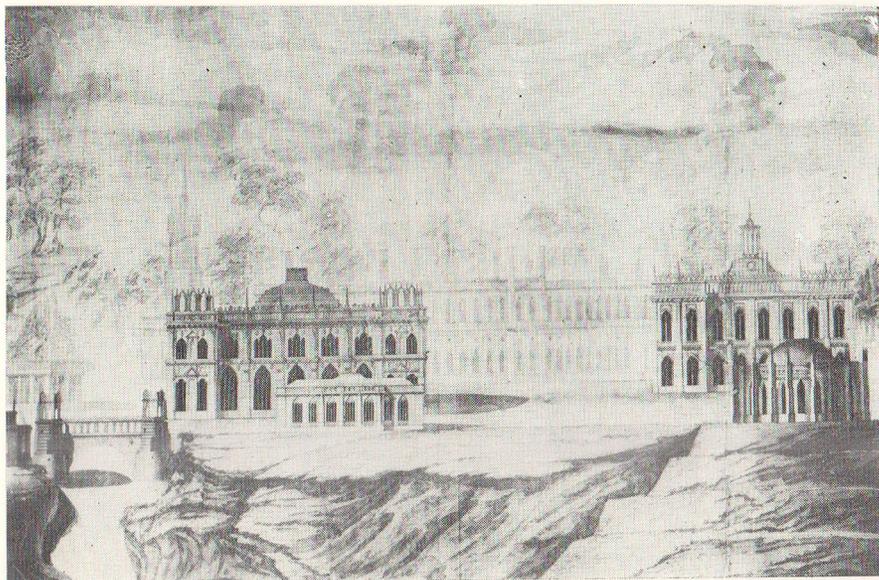
41. Панорама Царицына.
Проект В.И.Важенова

42. Генеральный план села Царицына
С чертежа XVIII в.

43—46. Фрагменты панорамы Царицына:
Мост через овраг и павильон

Крестообразный павильон
и часть Фигурного моста

Дворец и Кавалерский корпус

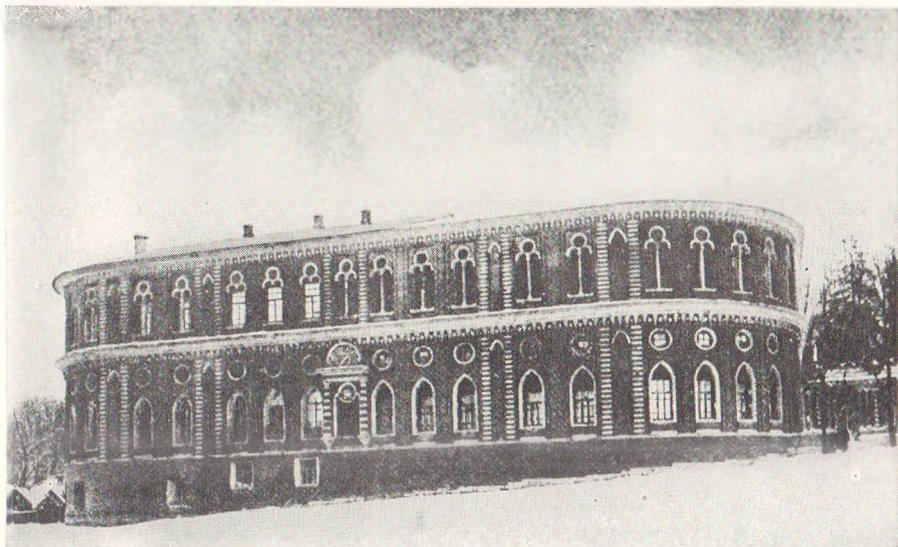
Оперный дом

Александровъ
Базиліи въ Древо

Древеса . 2115
1476. 20902

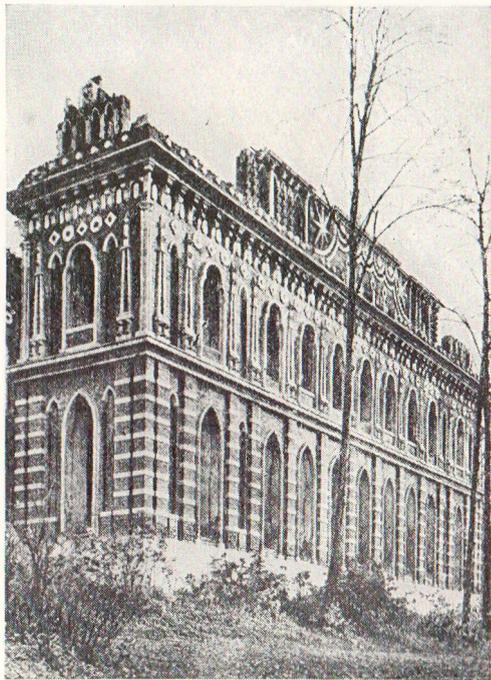
Ано И. Яковлев

47. Царицыно. Ворота в парк.
Фрагмент панорамы В.И.Баженова
с его автографом

48. Хлебный дом

49. Приемный дворец Екатерины II
(Оперный дом)

Лист 1

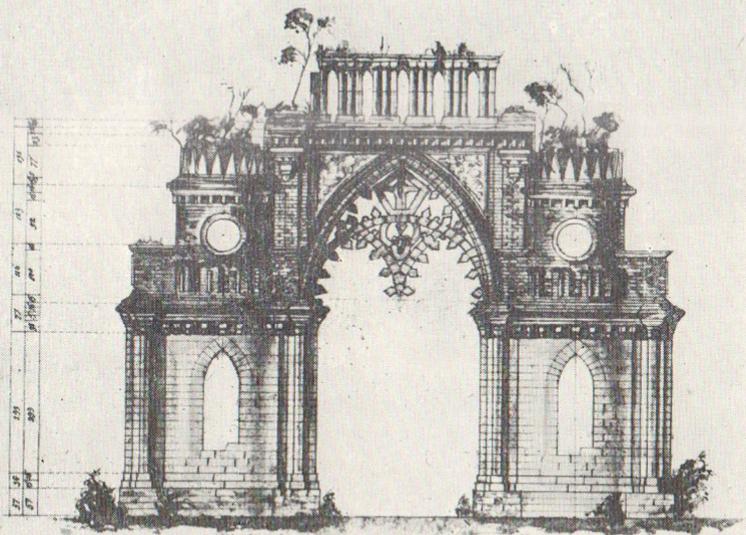
Ворота в Царицынском парке.

арх. В. П. Лажневца

1877 г.

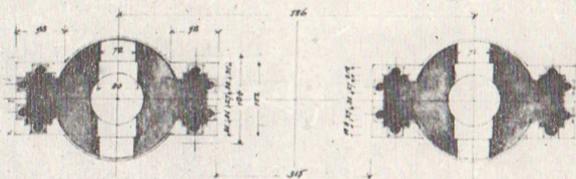
Лист 50

Масштаб 1:50

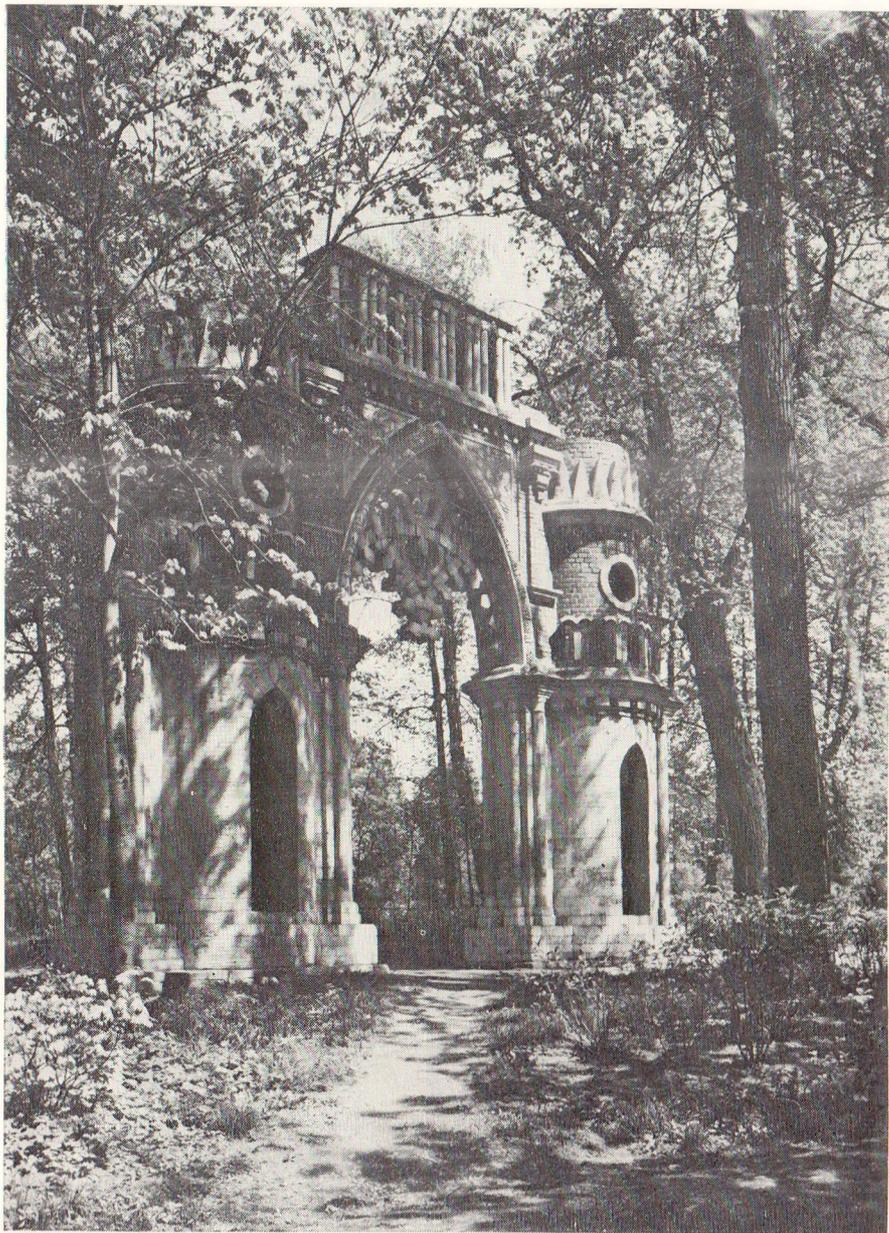
План

Масштаб 1:50

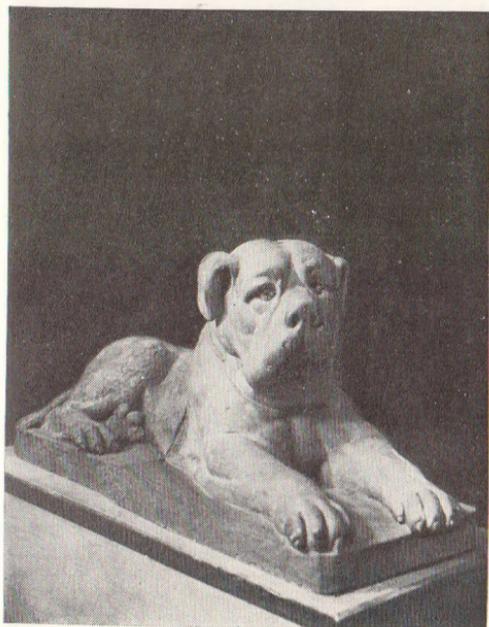
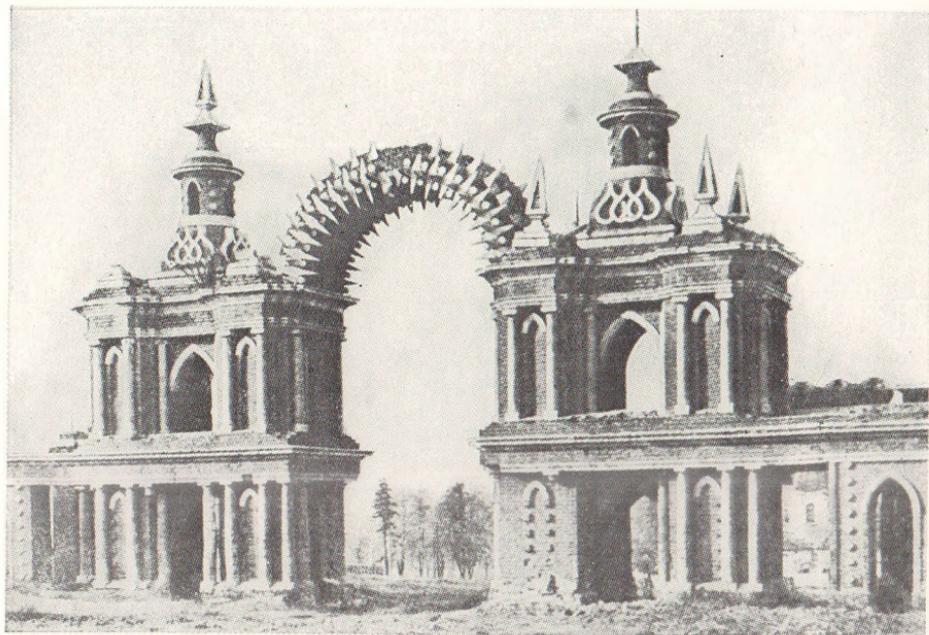

Все размеры даны в сантиметрах
Обмерял и рисовал архитектор В. П. Лажневца
1877 г.

50. Фигурные (Виноградные) ворота в Царицыне. План и фасад

51. Фигурные (Виноградные) ворота
в Царицыне. Общій вид

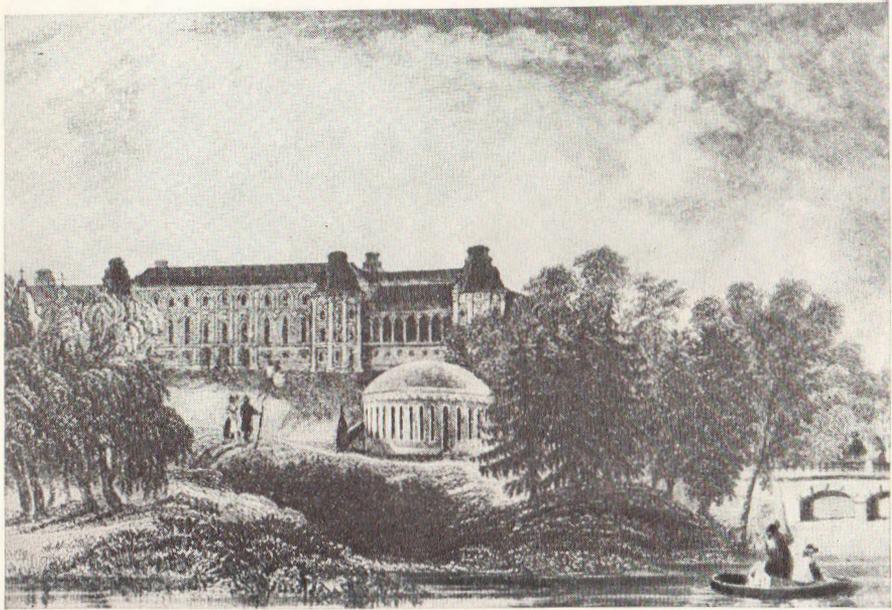

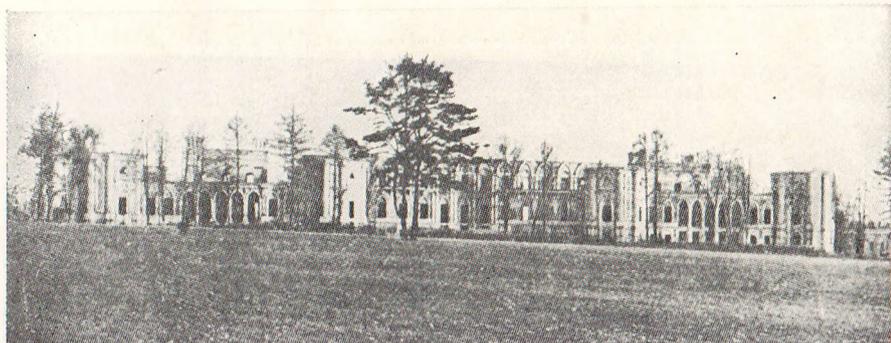
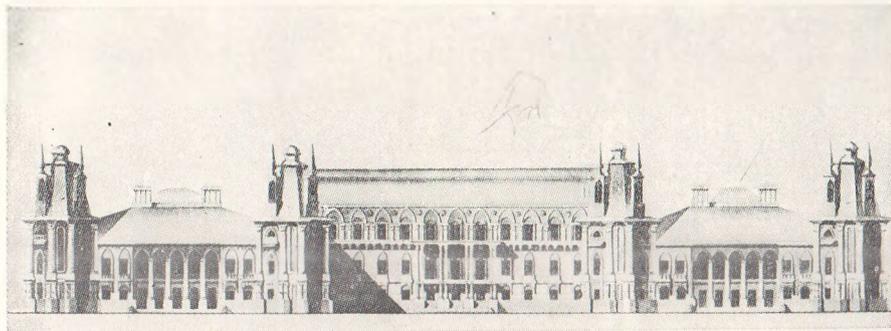
52. Ворота между дворцом
и Хлебным домом

53. Скульптура собаки с Фигурных
(Виноградных) ворот

54. Фигурный мост

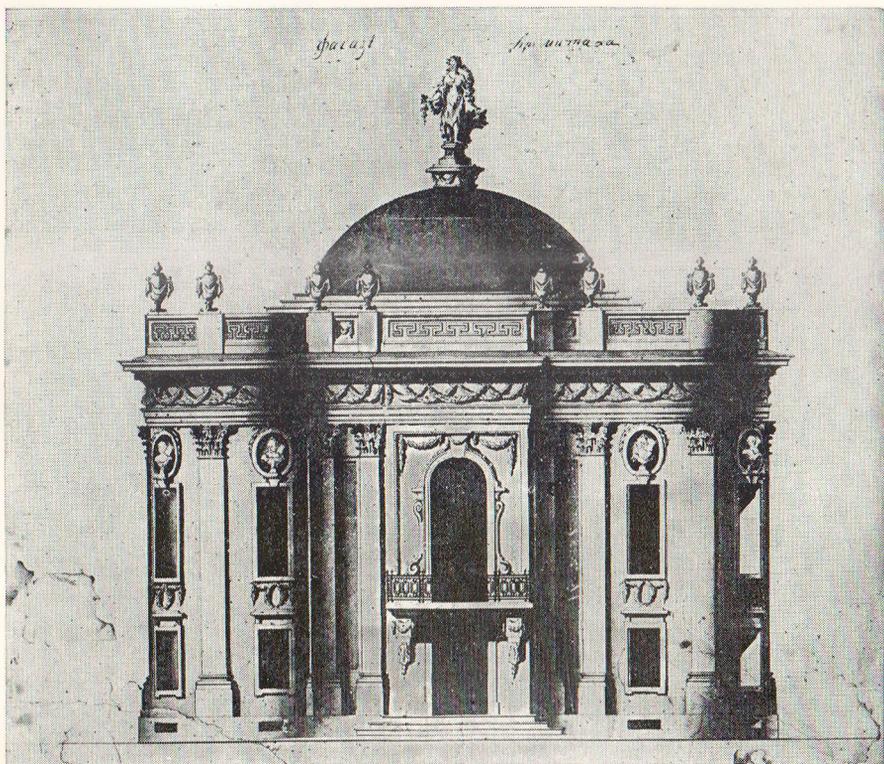
55. Вид Царицына в начале XIX в.
(по рисунку Н.Свинына)

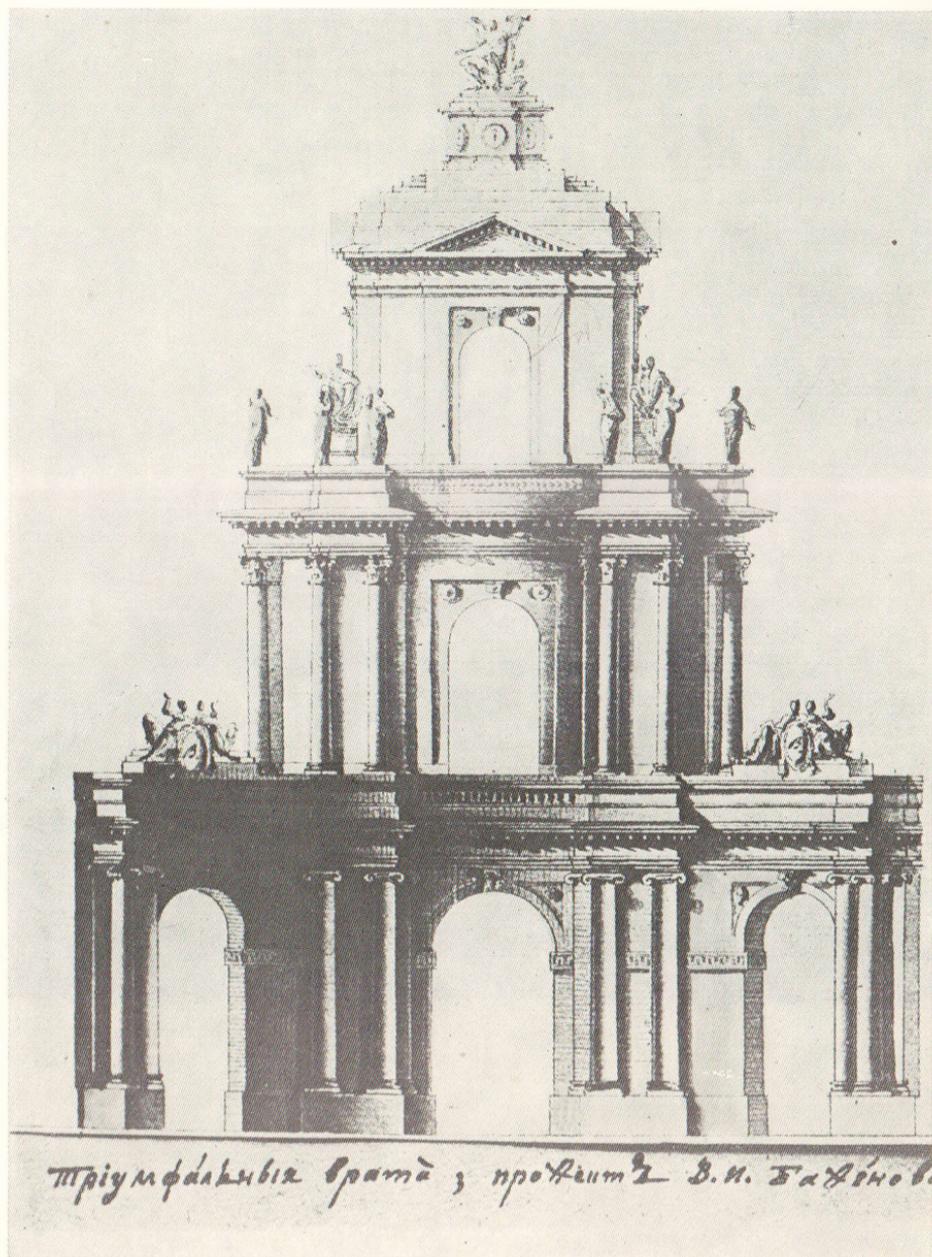

56. Дворец в Царицыне
(по проекту М.Ф.Казачова)

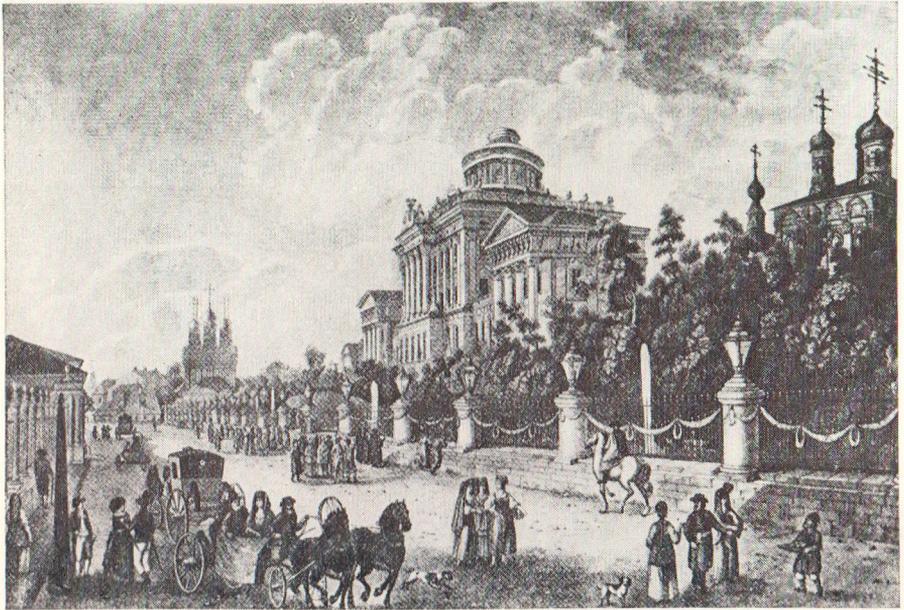
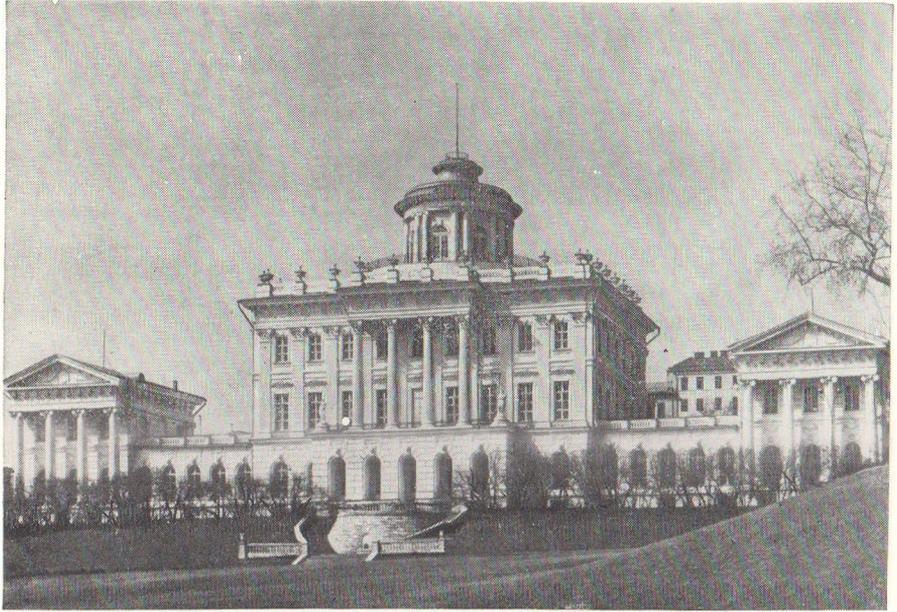
57. Дворец в Царицыне.
Современный вид

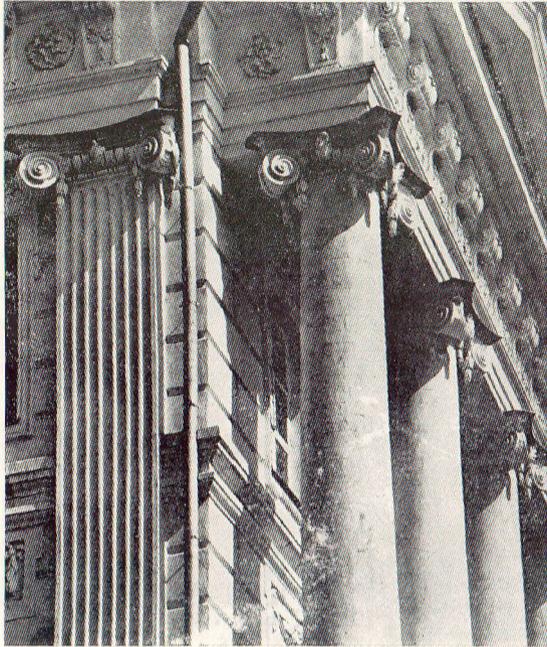
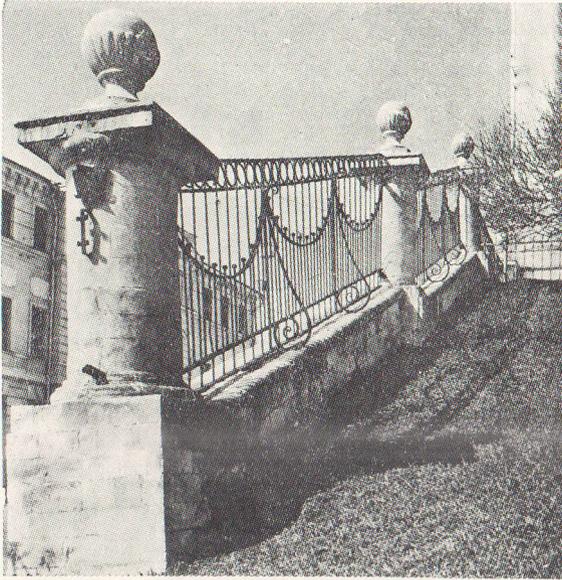

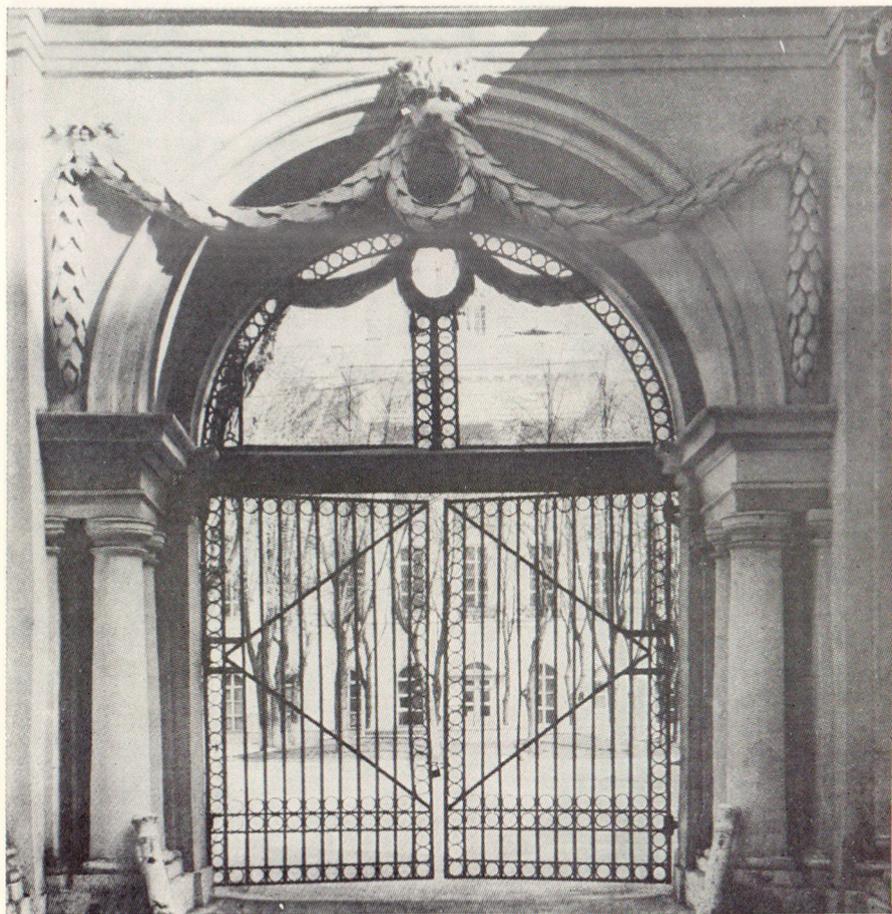
58. Павильон Эрмитаж в Кускове.
Проект В.И.Баженова

59. Триумфальные ворота.
Проект В.И.Вазенова

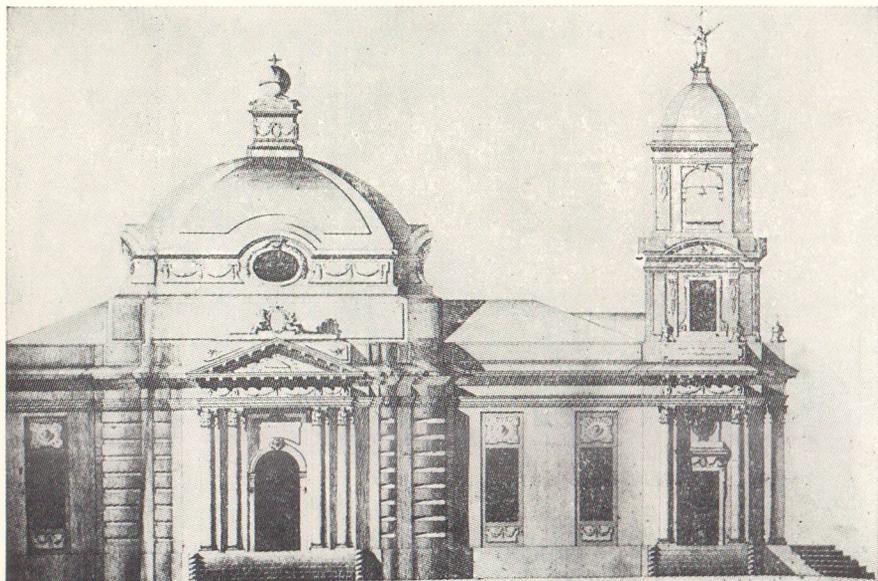

65—67. Дом Панкова:
Ограда
Колоннада портика
Ворота (фрагмент)

68. Дом Юшкова на Мясницкой ул.
(ныне ул. Кирова)

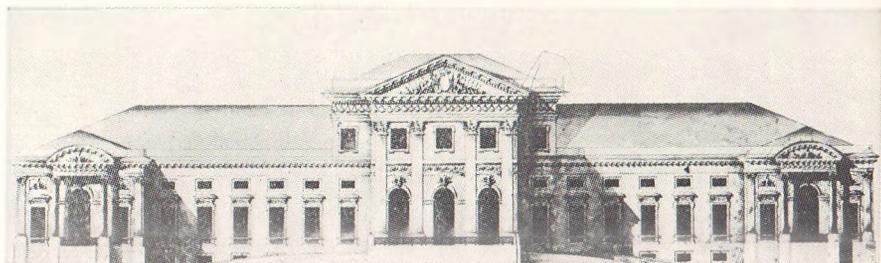
69. Церковь в Быкове. Общий вид

70. Колокольня церкви Богоматери
всех скорбящих радости
на Б.Ордынке

71. Проект церкви в усадьбе
Троицкое-Кайнарджки. Западный
фасад

72. Церковь в усадьбе
Троицкое-Кайнарджки. Общий вид

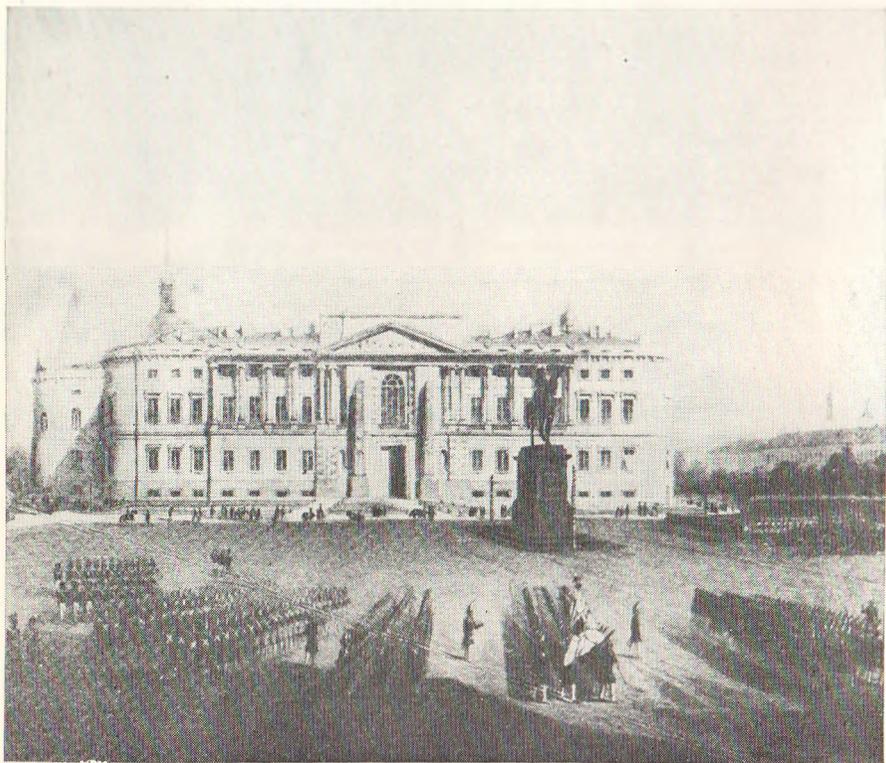

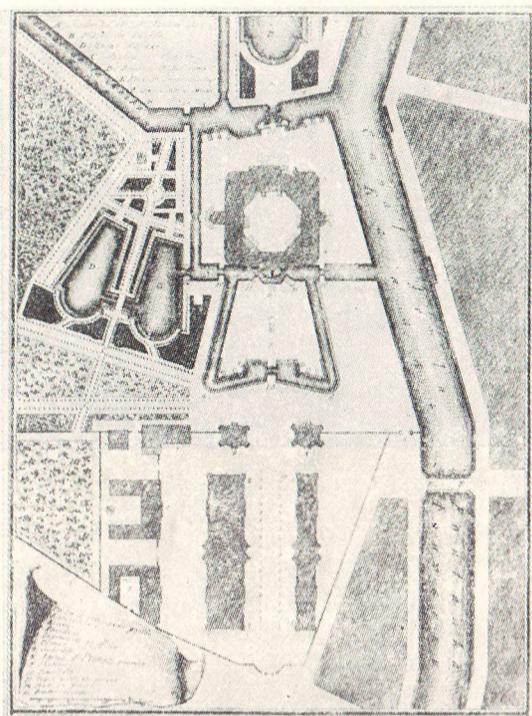
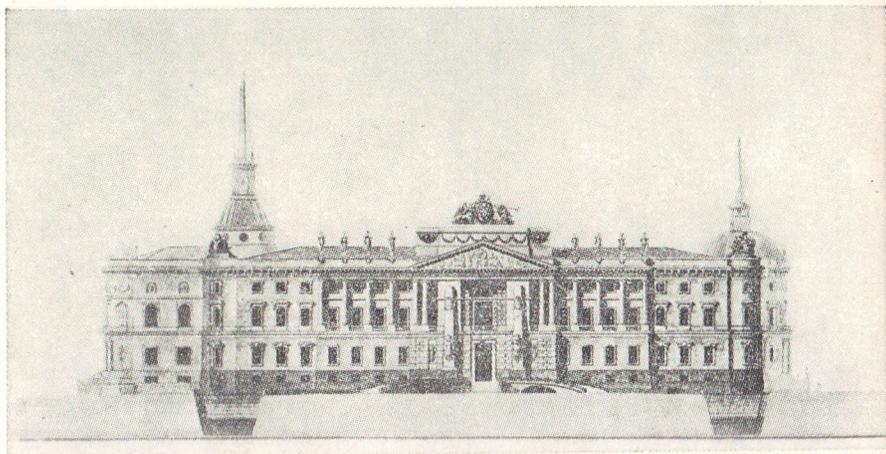
73. Дом Шереметева (Разумовского)
на Воздвиженке (ныне проспект
Калинина). Фасад (из альбома
М. Казакова)

74. Проект Павловской больницы.
Фасад, вариант 1784 г.

75. Вид на площадь и главный фасад Михайловского замка в начале XIX в.

76. Главный фасад Михайловского замка

77. Генеральный план Михайловского замка

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
I Призвание	8
II Первый среди нервных	18
III В Париже и Риме	29
IV Нет пророка в своем отечестве	45
V К чести века	59
Симфония площадей	59
Казаков и другие	65
Городу и миру	69
Модель — половина дела	73
Чума в Москве	78
«Баженов, начинай!..»	81
Катастрофа	87
VI Царицынская трагедия	92
Ходынское поле — Черное море	92
Дворцы среди рощ	95
Поэзия геометрии и нежная готика	101
Тайные знаки на царских чертогах	106
Десять лет спустя	112
VII Дом на Моховой	116
VIII Дело Новикова	123
IX Завещание	138
Приложение.	
Из литературного наследия В.И.Баженова	154

Разгонов С. Н.
Р 17 Василий Иванович Баженов.— М.: Искусство,
1985.— 168 с., 24 л. ил., портр.— (Жизнь в искусстве).

Книга посвящена выдающемуся русскому архитектору XVIII века, одному из наиболее просвещенных людей своего времени — Василию Ивановичу Баженову. Личность Баженова до сих пор овеяна легендами. Документальный материал, относящийся к его жизни и творчеству, весьма незначителен, мнения специалистов об авторстве многих творений архитектора противоречивы. Однако С. Н. Разгонову удалось оригинально и убедительно реконструировать не только творческий, но и духовный мир мастера, раскрыть возможные причины тех драматических ситуаций, которые сопутствовали деятельности великого русского зодчего.

Р $\frac{4902010000-131}{025(01)-85}$ 57-85

ББК 85.113(2)1
72С1

Сергей Николаевич Разгонов

В. И. БАЖЕНОВ

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ»

Редактор Т. Н. Петрунина
Художник В. М. Вовнобой
Художественный редактор Л. А. Иванова
Технические редакторы Е. Н. Сажошникова, Т. М. Зверева
Корректоры Ю. А. Евстратова, Т. И. Чернышова.

И. Б. № 2236

Сдано в набор 07.01.85. Подписано в печать 06.05.85. А08052. Формат издания 60×84/16. Бумага тип. № 1, для иллюстр. мелов. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,555. Усл. кр.-отт. 12,55. Уч.-изд. л. 13,617. Изд. № 1381. Тираж 75 000 (2 завод 35 001—75 000). Заказ 2447. Цена 1 р. 50 к. Издательство «Искусство». 103009 Москва, Собиновский пер., 3. Московская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 129243 Москва, Мало-Московская ул., 21.

